

— TIME OF LEGENDS —

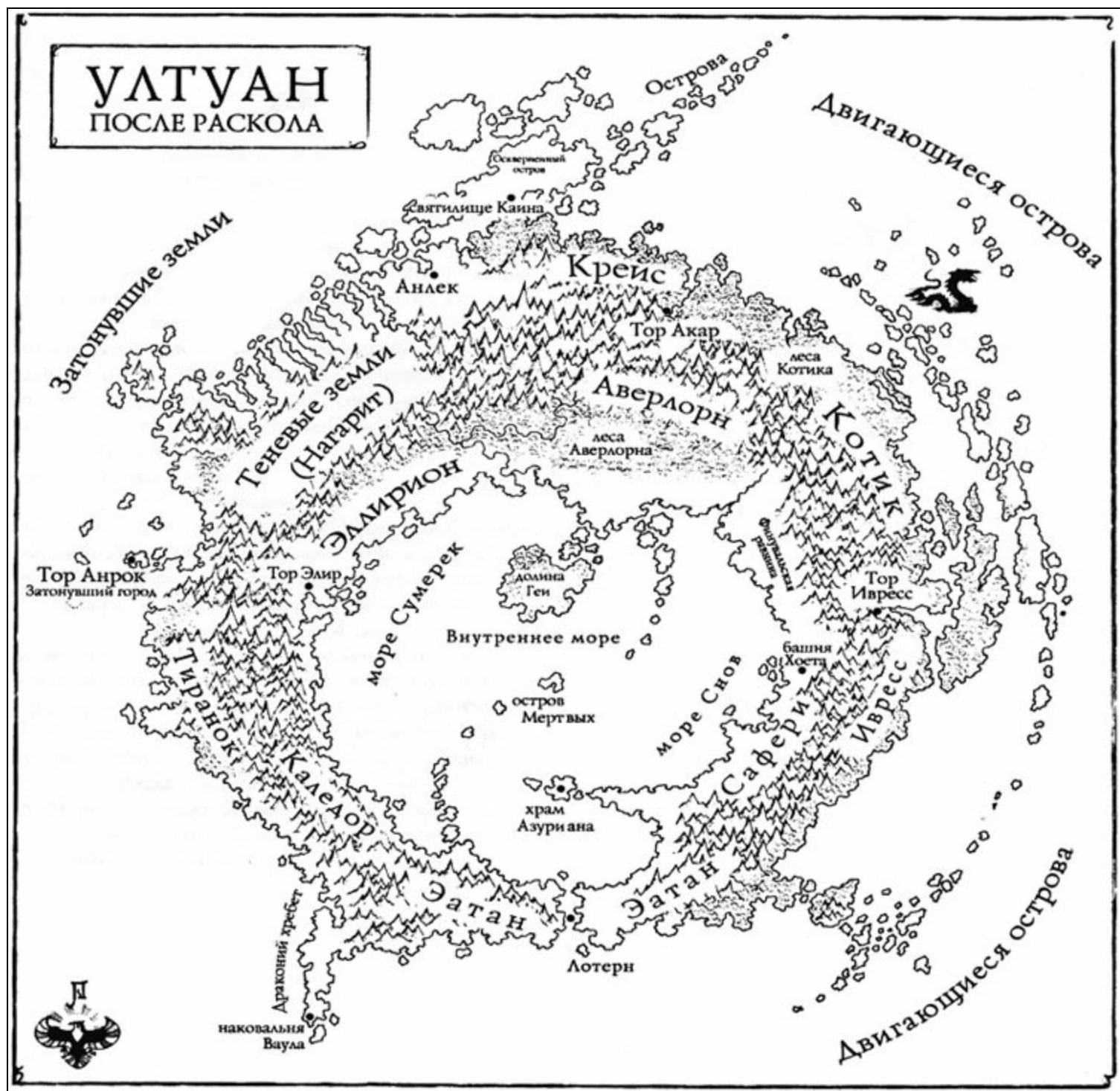
МАЛЕКИТ

История раскола

ГЭВ ТОРП

Annotation

К западу от Старого Света располагался сказочный остров Ултуан — земля эльфов. Тысячи лет назад, когда люди были дикарями в звериных шкурах, эльфийская цивилизация переживала расцвет. От своих создателей, загадочных Древних, эльфы узнали секреты колдовства и, когда тень Хаоса накрыла Ултуан, сумели отстоять свою жизнь и свободу. Но зло нашло путь к сердцу Ултуана: когда Малекит, сын Аэнариона-Защитника, пожелал стать королем, разразилась кровопролитная война, безвозвратно уничтожившая прекрасную землю. Это время назовут Расколом.

Гэв Торп

МАЛЕКИТ

История Раскола

Посвящается всем любящим матерям и сыновьям

Ни одно из событий Времени легенд не является столь значимым и одновременно столь презренным, как падение Малекита. История его жизни — это повесть о великих битвах, грозной магии и завоеванном мечом и заклинаниями мире.

Когда-то повсюду царил порядок, но сейчас эти годы настолько далеки от нас, что ни одно смертное создание уже не помнит о них. С незапамятных времен на острове Ултуан жили эльфы. Там, от своих создателей, загадочных Древних, узнали они секреты колдовства. Под властью Вечной королевы они жили на своем благодатном острове и не знали бед.

Приход Хаоса разрушил цивилизацию Древних, эльфы оказались беззащитными. Демоны Хаоса бесчинствовали и убивали эльфов на Ултуане. Но из тьмы и беззакония поднялся Аэнарион-Защитник — первый из Королей-фениксов.

Жизнь Аэнариона проходила в войнах и лишениях, но благодаря принесенной им жертве и подвигам его сподвижников, демоны были побеждены, эльфы уцелели и как будто бы вернулись в эру процветания. Но все их усилия оказались тщетными. И виною тому стал сын Аэнариона, князь Малекит.

Там, где когда-то царил порядок, настал раздор. На смену миру пришла кровопролитная война.

Слушайте же повествование о Расколе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Смерть Аэнариона

Завоевание Элтин Арвана

Великий Союз

Князь Малекит узнает о своей судьбе

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нарушенное престолонаследование

Никто не подозревал, что спаситель эльфов станет и причиной их гибели. Лишь один предвидел грядущую тьму и смерть, и то был Каледор Укротитель Драконов. Когда Аэнарион-Защитник, гонитель демонов и первый из Королей-Фениксов, высвободил из черного алтаря Меч Каина, Каледору, величайшему из магов Ултуана, было видение.

Каледор увидел, как, прикоснувшись к темному мечу, выкованному для бога убийства, Аэнарион разбудил кровожадный дух, спавший глубоко в душах эльфов. Сильнее, чем в любом другом, в роду Аэнариона пробудилась жажда войны, и мирные времена Вечной королевы навсегда остались позади.

Аэнарион потянулся к мечу от отчаяния и гнева, и зов проклятого оружия терзал его до того дня, когда он перед смертью вернул клинок на алтарь Каина. То же отчаяние подвигло его жениться на провидице Морати, которую Король-Феникс спас из лап Хаоса.

Волшебница Морати жаждала покорить великую энергию, выпущенную в мир Хаосом. Некоторые считали ее занятия опасной ересью, по острову ходили слухи, что Морати приворожила Аэнариона. Многим казалось, что она рвется к власти, но Аэнарион не слушал их предостережений.

Двор Аэнариона и Морати располагался в Анлеке, и в те смутные времена их дворец служил прибежищем воинам и магам. Самые сильные воины приходили учиться у Аэнариона, а наиболее одаренных из заклинателей Морати посвящала в известные ей секреты. Копьем и магией воители Анлека вырвали из хватки демонов княжество Нагарит — и в их руках сверкало страшное оружие, выкованное в кузне бога-кузнеца Ваула.

И вот родился Малекит, сын Аэнариона и Морати. По обычаю, в час рождения королевского наследника был выкован меч, и мальчик научился владеть им, как только рука окрепла достаточно, чтобы удержать грозный клинок.

Отец научил Малекита искусству правления и воинскому делу, а от матери ему достался дар подчинять своей воле самую непокорную магию.

От Короля-Феникса Малекит унаследовал не только мудрость, но также и жажду мести демонам, отобравшим первую жену и детей Аэнариона. Морати привила сыну волю к достижению цели, невзирая на цену, а также жажду славы и власти.

«Помни, что ты сын Аэнариона, — говорила она мальчику с младенчества. — Помни, что ты сын Морати. В тебе течет кровь достойнейших обитателей этого острова».

«Ты рожден воином, — говорил Аэнарион. — Меч и лук — продолжение твоей руки, и ты будешь управлять целыми армиями, как простые воины управляют обычным оружием».

День за днем повторяли они это сыну, день за днем с тех пор, когда он еще плохо понимал их слова, — и до самого смертного часа Аэнариона.

К великому горю Аэнариона, нападения демонов на остров не прекращались, и его победы на поле битвы оказывались бессмысленными. Тогда Каледор создал огромный портал, через который стала утекать прочь из этого мира сила Хаоса. Демоны исчезли, однако Каледор и его маги оказались пойманными порталом — их постигло проклятие вечно сражаться там с силами Хаоса. Аэнарион отдал свою жизнь, защищая Каледора и его

помощников, и последним усилием воли возвратился на Оскверненный остров, где вернул Убийцу богов черному алтарю Каина.

После гибели Аэнариона правители эльфов, чьи воины и маги сражались бок о бок с ним, сошлись, чтобы решить судьбу Ултуана. В лесах Авелорна, где когда-то правила Вечная королева, через год после смерти Аэнариона состоялся Первый совет.

Правители встретились на поляне Вечности — великолепном природном амфитеатре, в центре которого высился храм Иши, богини Природы и покровительницы Вечной королевы. Меж серебристых стволов и покрытых изумрудно-зелеными листьями ветвей, на которых круглый год цвели цветы, Аэйн Ишайн светился таинственной силой. Первый совет заседал при свете луны и звезд, под сенью священного дерева.

Там была и Морати с Малекитом. Темноволосая, холодная и прекрасная провидица приехала в черном платье — тонком, словно облако, сквозь которое просвечивала ее мраморная кожа. Волосы цвета воронова крыла придерживали переплетенные серебряные нити, унизанные рубинами, а губы ее были подкрашены в тон сверкающим камням. Стройная, с благородной осанкой, она держала в руках посох из черной стали.

Малекит выглядел не менее впечатляюще. Он унаследовал высокий рост и темные глаза отца, а его золотистую кольчугу украшала нагрудная пластина со свернувшимся драконом. У пояса в отделанных золотом ножнах висел длинный меч с навершием из драгоценного металла: золотая лапа дракона сжимала сапфир величиной с кулак.

С ними приехали и другие князья Нагарита, уцелевшие в сражении на острове Мертвых. На князьях были длинные, до лодыжек, темные плащи поверх сверкающих доспехов, а шрамы и трофеи свидетельствовали о храбрости, проявленной в схватках с демонами. Суровые князья севера были вооружены ножами, копьями, луками, мечами и щитами с выкованными на них рунами Ваула — свидетельствами мощи Нагарита и Анлека. За их спинами стояли знаменосцы с черно-серебряными флагами, а герольды встретили их прибытие пением труб и завыванием вольнок. Правителей Нагарита сопровождал кабал колдунов в черных и фиолетовых робах, с покрытыми татуировками и ритуальными шрамами лицами и обритыми головами.

Были и другие — правители княжеств, основанных Каледором на юге, а также жители новооткрытых земель на западе: Котика, Эатана, Ивресса и других. Их возглавляли юный маг Тириол и золотоволосый Менит, сын Каледора Укротителя Драконов.

По сравнению с нагаритянами, южные эльфы выглядели как день по сравнению с ночью. Хотя все они участвовали в войне с демонами, их князья оставили боевое снаряжение дома и при них были только посохи и скипетры, а вместо тяжелых шлемов их головы украшали золотые короны. Их одежды были белого цвета, в знак скорби по погибшим. Нагаритяне же не стали следовать этому обычаю, хотя и потеряли в войне больше других.

— Аэнарион погиб, — обратилась Морати к совету. — Убийца богов, Сеятель вдов вернулся на алтарь Каина, чтобы избавить нас от войны. Мой сын желает править в мирные времена, но боюсь, что они остались только в наших воспоминаниях, а когда-нибудь мы вообще сочтем их легендой. Не стоит думать, что зло можно победить малой кровью. Хотя мы изгнали демонов, силы Хаоса не покинули наш мир окончательно. Я заглянула далеко в будущее и увидела перемены, которые принесет нам падение богов.

— В войне я не последовал бы ни за каким другим королем, — заявил Менит, выходя в центр круга правителей. — Но война окончена. Нагарит явил самую грозную боевую силу этого острова. Цивилизация одолела Хаос на Ултуане, и нам следует принести ее в другие

страны — пусть эльфы правят там, где пали боги.

— Подобное высокомерие привело бы нас к краху, — возразила Морати. — Положим, далеко на севере лежат выжженные пустоши, где обитают извращенные темной магией существа. Невежественные дикари возводят алтари из черепов и поклоняются новым богам, принося им в жертву кровь соплеменников. И если мы принесем наш свет в те земли, вскоре он засияет на остриях копий и стрел.

— Тяготы и кровопролития — неизбежная плата за выживание, — возразил Менит. — Но мы должны одолеть охватившую нас страсть к кровопролитию и искать мирный путь построения нового мира. Из посеянных во время правления Аэнариона семян ненависти и насилия должны взойти любовь и дружба. Нам не следует забывать о его наследии, но нельзя позволять его ярости поселиться в наших сердцах.

— Мой сын — наследник Аэнариона, — тихо произнесла Морати. В ее мягком голосе прозвучала угроза. — И все мы стоим здесь только потому, что мой покойный муж сумел спасти нас от уничтожения.

— Но не в меньшей мере победе способствовала жертва моего отца, — возразил Менит. — Целый год со времени гибели Аэнариона и Каледора мы размышляли, какой путь избрать. Нагариту следует занять достойное место среди других княжеств. Достойное, но не выше остальных.

— Величие заслуживается деяниями, а не определяется людьми! — Морати встала напротив Менита. Она воткнула свой посох в землю возле его ног и вызывающе взглянула на князя. Пальцы колдуньи стиснули железную рукоять.

— Не следует нам ссориться после того, как мы победили демонов и пожертвовали столь многим ради этой победы, — поспешил вмешаться Тириол. Его бело-желтая роба переливалась золотыми нитями. Юный маг положил руки на плечи Морати и Менита. — Нам надлежит умерить жар страстей прохладой разума, как только что выкованный клинок остужают в холодной воде.

— Так кто же здесь считает себя достойным надеть корону Короля-Феникса? — спросила Морати, презрительно оглядывая князей. — Кто считает, что станет лучшим преемником Аэнариона, чем мой сын?

На поляне воцарилась тишина; никто, кроме Менита, не осмеливался встретиться с Морати взглядом. И тут из тени деревьев раздался голос:

— Я выбран!

На поляну вышел Бел Шанаар, князь Тиранока. За ним шагало странное существо похожее на дерево, которое внезапно обрело способность передвигаться. Его звали Сердцедуб. Энт Авелорна, он охранял Вечную королеву и присматривал за храмами родины эльфов.

— Так кем же ты выбран? — презрительно спросила Морати.

— Князьями и Вечной королевой, — спокойно ответил Бел Шанаар.

Он остановился возле священного дерева Иши.

— Астариэль мертва, — ответила Морати. — Правление Вечной королевы закончилось.

— Вечная королева жива, — пронесся над поляной призрачный женский голос.

— Астариэль погибла от рук демонов, — настаивала Морати. Прищуриив глаза, она окинула взглядом поляну, чтобы понять, откуда доносится этот голос.

Листья на деревьях задрожали, будто в кронах зашептал ветер, хотя не чувствовалось ни малейшего дуновения. Высокая трава под ногами заколыхалась под тем же невидимым

ветерком — все травинки склонились к Аэйн-Ишайн в центре поляны. Сияние священного дерева усилилось, заливая всех золотистым светом с искорками небесной голубизны и изумрудной зелени.

В переливающимся сиянии рядом с узловатым стволом дерева возник силуэт юной эльфийки. Морати ахнула — ей показалось, что Астариэль действительно жива.

Заплетенные в длинные косы золотистые волосы эльфийки доставали до талии; их украшали цветочные бутоны. Девушка была облачена в зеленую мантию Вечной королевы, а на лице светились голубые глаза цвета ясного летнего неба. Но когда сияние потускнело, Морати лучше рассмотрела лицо девушки и убедилась, что это вовсе не Астариэль. Она имела известное сходство с покойной королевой, но чем больше Морати разглядывала ее, тем больше успокаивалась.

— Ты не Астариэль, — уверенно произнесла она. — Ты самозванка!

— Ты права, я не Астариэль, — ответила эльфийка. Ее мягкий голос долетал до самых отдаленных уголков поляны. — Но я не самозванка. Я Иврейн, дочь Аэнариона и Астариэли.

— Обман! — закричала Морати, поворачиваясь к князьям с выражением такой злобы на лице, что многие даже отшатнулись. — Иврейн тоже мертва! Это заговор, чтобы лишить моего сына законного наследства!

— Это Иврейн, — произнес Сердцедуб мелодичным голосом, похожим на шелест легкого ветерка в листве. — Астариэль приказала нам спасти ее детей. Я отнес их в долину Гаен, где не ступала нога эльфа. Там я и мои сородичи сражались с демонами, и я охранял Иврейн и Морелиона многие годы.

В толпе нагаритян раздались изумленные возгласы, но они не заглушили слова Малекита.

— Так мой сводный брат тоже жив? — выкрикнул князь. — Старший сын Аэнариона жив?

— Успокойся, Малекит, — произнес Тириол. — Морелион сел на корабль и уплыл с Ултуана. Он не стремится править Нагаритом. На нем лежит благословение Иши, а не Каина, и он не ищет власти и славы.

— Вы скрыли это от Аэнариона, — не веря своим ушам, произнесла Морати. — Вы позволили ему считать, что его дети мертвы, и вырастили их вдали от отца? Вы спрятали их...

— Я любимица Иши. — Строгий тон Иврейн заставил Морати замолчать. — Во мне возродился дух Вечной королевы. Анлек превратился в город крови и ярости. Он никогда не станет моим домом. Я не смогу жить под благословением Каина.

— Теперь я все понимаю, — произнесла Морати, подходя к Вечной королеве. — Вы совещались втайне, оставив нагаритян в стороне. Вы решили сами стать наследниками Аэнариона и получить власть над Ултуаном.

— Мы посылали в Анлек гонцов, но вы даже не хотели их принять, — ответил Тириол. — Мы пытались посвятить вас в происходящее, но вы отказывались от переговоров. Мы дали вам возможность заявить о правах вашего сына, но вы решили идти своим путем.

— Я вдова Аэнариона и, значит, королева Ултуана, — прорычала Морати. — Когда за нами охотились демоны, разве Аэнарион и его полководцы просили советов у рядовых воинов? Когда Каледор собрался читать заклинание, разве он обсуждал последствия этого с несведущими в волшебстве? Править — это значит одному решать за всех.

— Ты больше не королева, Морати, — произнесла Иврейн. Она неслышно пересекла

полян — ее ноги касались травы тихо, как падающие снежинки. — Вечная королева вернулась. И я буду править с Бел Шанааром, как Аэнарион правил с моей матерью.

— Ты выйдешь замуж за Бел Шанаара? — спросила Морати, поворачиваясь к Иврейн.

— Как Аэнарион женился на моей матери, так и Вечная королева выйдет замуж за Короля-Феникса, и так будет во веки веков, — провозгласила Иврейн. — Я не могу выйти замуж за Малекита, каковы бы ни были его личные качества и права на трон, поскольку он мой сводный брат.

— Узурпаторы! — взвизгнула Морати и подняла посох.

Малекит подскочил к разъярившейся матери и вырвал у нее оружие.

— Довольно! — закричал князь Нагарита.

Затем Малекит успокаивающе погладил мать по щеке и вернул ей посох. Бросив на Иврейн и Бел Шанаара ненавидящий взгляд, Морати повернулась к ним спиной.

— Я не хочу самовольно занять трон Ултуана, — сказал Малекит князьям. — Да, я хотел бы стать Королем-Фениксом, чтобы почтить память отца и продолжить его дело. Но я не требую признать за мной это право и полагаюсь на решение собравшихся здесь. Если совет решит, что Бел Шанаар должен жениться на моей сводной сестре и стать королем, я не буду против. Я только прошу вас спокойно все обдумать, не поддаваясь голосу страсти.

Выслушав такую рассудительную речь, князья закивали.

Они совещались до рассвета, пока солнце не коснулось красными пальцами крон деревьев, а над землей не заколыхались утренние туманы. Одних тронула искренность Малекита. Они верили, что хотя он и был сыном своего отца, но не держал в руках Убийцу богов, и темная натура меча не затронула его. Другие напоминали совету о предсказании Каледора, что на потомках Аэнариона лежит печать Каина и дитя Анлека никогда не освободится от этого проклятия.

— Мы приняли решение, — наконец объявил Тириол. — Хотя Малекит и достойный князь, он пока слишком молод, ему надо еще многое узнать о мире. К тому же сейчас настало время мудрости, а не железной воли, и поэтому мы считаем Бела Шанаара более подходящим королем.

Морати вскрикнула было, но Малекит жестом заставил ее замолчать.

— Один эльф не должен решать судьбу Ултуана, поэтому я подчиняюсь решению совета, — провозгласил Малекит. Он пересек поляну и, к всеобщему изумлению, преклонил колени перед Белом Шанааром. — Пусть Бел Шанаар унаследует трон моего отца и с его мудростью настанет новая эра для нашего народа. Да ниспошлют боги новому королю силы, чтобы править справедливо, а если его воля поколеблется или решимость развеется, Нагарит всегда наготове.

Малекит повел себя весьма достойно, однако решение совета сильно огорчило его. Вместе с матерью они вернулись в Нагарит и не появились на ритуальном бракосочетании Бел Шанаара и Иврейн. И все же Малекит приехал на остров Пламени, чтобы присутствовать при прохождении Бел Шанаара через священный огонь Азуриана.

Храм представлял собой высокую пирамиду, воздвигнутую над горящим огнем повелителя богов. Пламя танцевало и мерцало в сердце святилища; оно поднималось на высоту в три эльфийских роста и горело тихо и без жара. Мраморные плиты пола вокруг огня украшали выложенные золотом руны, и сияли они не только отсветом пламени. На белоснежных стенах висели выкованные в виде фениксов с расправленными крыльями

светильники, и в них тоже горел магический огонь, наполняя храм золотистыми переливами света.

В храме собралась вся знать Ултуана, в плащах и парадных мантиях, высоких шлемах и коронах из золота и серебра, украшенных драгоценными камнями всевозможных цветов. Среди этого пиршества красок нагаритяне выделялись скромными черными и фиолетовыми робами. Морати стояла рядом с Малекитом и с недоверием наблюдала за церемонией.

Там же присутствовали и семеро астромансеров — именно они выбрали этот день для коронации нового Феникса. На их темно-синих мантиях сияли вышитые бриллиантами звезды, а блестящие серебряные и платиновые нити соединяли их в созвездия.

Астрологи стояли рядом с читающими над Бел Шанааром молитвы жрецами Азуриана — молитвы должны были помочь будущему королю пройти через огонь невредимым. За жрецами сидели оракулы Азуриана: три эльфийские девственницы с бледной кожей и светлыми волосами, одетые в переливающиеся в сверкающих отсветах серебристые накидки.

Из Авелорна приехала Иврейн с женской свитой, чтобы наблюдать за коронацией своего супруга. Женщины-воины носили юбки из серебристой чешуи, отделанные по краю зеленой тесьмой, а вместо привычных копий и луков держали сейчас цветочные гирлянды, ибо через порог храма Азуриана никому не разрешено переступать с оружием в руках.

Перед огнем, рядом с верховным жрецом, стоял Бел Шанаар. С его плеч ниспадал плащ из черных и белых перьев — символ верховной власти у эльфов.

— По примеру Аэнариона-Защитника я отдаю себя в руки высшей власти, — торжественно провозгласил Бел Шанаар. — Пусть ритуал докажет мою чистоту, чтобы я мог взойти на трон Короля-Феникса и править мудро и справедливо, во имя повелителя богов.

— Твой отец не нуждался в защитных заклинаниях, — проворчала Морати. — Это представление, не имеющее никакой законной силы, как и позорная свадьба с Иврейн.

Малекит не слушал ее слов, все его внимание и мысли занимала предстоящая церемония.

Жрецы зажигали фимиам и совершали приношения Азуриану, оракулы монотонно пели. Однако, едва лишь Бел Шанаара подвели к пламени, звуки пения вознеслись под самую крышу храма. Будущий Король-Феникс обернулся и посмотрел на князей, причем на его лице не отражалось ни страха, ни радости.

С почтительным кивком Бел Шанаар медленно поднялся по невысоким ступеням, ведущим к алтарю, на котором горел очистительный огонь. Среди присутствующих разом воцарилась выжидательная тишина, а Бел Шанаар ступил в пламя. Огонь взметнулся слепящей белой стеной, и собравшимся пришлось отвернуться, чтобы сохранить зрение.

Когда глаза немного привыкли к яркому свету, князья разглядели в огне силуэт Бел Шанаара — с воздетыми руками он приносил клятву верности Азуриану. Затем Король-Феникс медленно повернулся и вышел из огня невредимым. По храму пронеслись вздохи облегчения — князья выражали радость, что ритуал прошел удачно. Нагаритяне молчали. Вскоре свита удалилась, остался лишь Малекит. Он долго стоял и смотрел на пламя, размышляя о собственной судьбе. После яркой вспышки во время ритуала отсветы священного огня казались блеклыми. Малекиту подумалось, что это Бел Шанаар осквернил пламя.

Не замечая ничего вокруг, Малекит медленно подошел к алтарю. В голове у него вертелись противоречивые мысли. А что, если он сам попробует пройти испытание пламенем? Если он выживет без защитных заклинаний жрецов, то можно с уверенностью

сказать, что Азуриан желает видеть его преемником отца. Но вдруг он недостаточно силен? Что, если пылающий огонь поглотит его? Что тогда останется от его надежд и мечтаний о будущем Нагарита?

Плохо понимая, что делает, Малекит остановился перед огнем. Изменчивые узоры пламени зачаровали его. Князя охватила непреодолимая тяга, и он едва не положил руку в огонь, но тут раздались шаги возвращающихся в храм жрецов. Малекит отдернул руку и устремился к выходу, не обращая внимания на их вопрошающие взгляды.

Предстоял долгий многодневный пир, но Малекит уехал сразу же по окончании церемонии. Ему не хотелось задерживаться там, где его отец отдался на милость великого бога и стал спасителем своего народа. Если Бел Шанаар пожелал стать Королем-Фениксом, что ж, Малекит подчинился его воле. Успокоенный, он возвратился в Анлек.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Путешествие в Элтин Арван

С упорством и изобретательностью принялся Малекит за восстановление Нагарита, в то время как другие князья занимались своими владениями. Города Ултуана поднимались из пепла, а леса отступали перед топором дровосека и плугом крестьянина.

Охотники меж тем находили в горах странных зверей, извращенных темной магией: многоголовых гидр, загадочных химер, визгливых грифонов и прочие создания Хаоса. Одних эльфы убивали, других отлавливали и приручали. Птицы также изменились, и эльфы подружились с огромными орлами, которые парили в теплых потоках воздуха и умели говорить.

Строились корабли, и большие эльфийские флотилии уходили исследовать новые земли за морями. Тиранок, королевство Бел Шанаара, получало от колоний огромные доходы.

Малекит тоже решил повести своих нагаритян в поход для исследований и завоеваний. Он чувствовал, что рожден для чего-то более значительного, чем постройка крепостных стен и сбор налогов.

На двести пятьдесят пятом году правления Бела Шанаара Малекит собрал флотилию, чтобы отправиться на восток, в Элтин Арван. Правительницей Нагарита оставалась Морати.

Под весенним небом они простились на причале порта Галтир. Морати куталась от холода в шаль из черной медвежьей шерсти, на Малеките блестела золотистая броня. За спиной князя, в гавани, покачивался его корабль, белые паруса упруго хлопали на ветру, высокая корма сверкала на утреннем солнце. Дальше, в открытом море, дюжина военных кораблей Нагарита переваливалась на пенистых гребнях волн, а на верхней палубе каждого стояло по пять сотен рыцарей и солдат. Только такая свита и пристала сыну Аэнарiona.

— Ты обретишь славу в этом походе, — с любовью произнесла Морати. — Я видела это во сне, и сердце подсказывает мне то же самое. Ты станешь героем.

— Мне нечего кому-либо доказывать, — ответил Малекит.

— Нечего, — согласилась Морати, — ни мне, ни твоим верным слугам. Но когда ты вернешься и другие князья разглядят твое подлинное величие, ты станешь Королем-Фениксом.

— Даже если они не оценят меня, Бел Шанаар не бессмертен, — произнес Малекит. — Я переживу его, и настанет время, когда князьям придется выбирать нового короля. Тогда корона Ултуана вернется к ее законному хозяину, и я сделаю все, чтобы быть достойным памяти отца.

— Хорошо, что ты уезжаешь, потому что я не могу больше смотреть, как мой сын чахнет здесь, как спрятанная от солнца роза. Но однажды твое имя будет на устах у каждого эльфа. Так говорят звезды, и это твоя судьба. Недаром Морай-хег подарила мне мудрость, чтобы видеть будущее.

Морати на миг отвернулась и обратила взгляд на север. Малекит открыл было рот, но мать подняла руку, и он промолчал. Затем Морати поглядела на сына так, как, наверное, львица оглядывала бы стоявшего перед ней ягненка.

— Тебя ждут великие дела, сын мой, и слава под стать отцовской. — Морати начала тихо, но с каждым словом голос ее повышался. — Пусть Бел Шанаар сидит на своем троне и богатеет от трудов своего народа! Как ты верно сказал, он не бессмертен. Не обращай

внимания на других — иди вперед и поступай так, как считаешь нужным. Поступай как князь Нагарита и вождь эльфов!

Корабли эльфов были остойчивы и быстры, и флотилия Малекита пересекла Великий океан без происшествий всего за сорок дней. Радостное возбуждение переполняло эльфов, когда они смотрели на восток и гадали, что их там ждет.

Малекит кипел энергией и то вышагивал по палубе своего корабля, то запирался в каюте и рассматривал карты, составленные мореходами-первопроходцами.

Порой он перебирался с корабля на корабль, чтобы провести время с другими принявшими участие в походе князьями и рыцарями. Путешественники пировали пойманной рыбой и поднимали бокалы с ултуанским вином за своего князя. Настроение у всех было праздничное, будто поход сам по себе уже стал победой. Порой им встречались корабли, которые направлялись на запад с грузом ценной древесины и руды из новых земель. Каждая встреча с капитанами этих кораблей и приносимые ими новости подстегивали энтузиазм путешественников.

Восточные земли, в сущности, все еще оставались непокоренными. Там, среди величественных гор и темных лесов, лежали богатства и ждали, пока кто-то наберется смелости взять их.

Малекит поклялся своим спутникам, что они создадут там новое королевство, достойное памяти Аэнариона, империю, которая превзойдет Ултуан по величине и богатству. Эти слова воодушевляли их, поскольку каждый князь хотел видеть себя королем, а каждый рыцарь рисовал себе картины княжеской жизни. А при таком вожде, как Малекит, решительно все казалось возможным.

Малекит, в свою очередь, говорил чистую правду и смотрел на дикие земли Элтин Арвана как на место, где призрак отца прекратит его преследовать и он перестанет ощущать себя орудием, воплощающим амбициозные планы матери.

С восходом сорок первого дня моряки заметили землю: пляжи белого и черного песка тянулись на многие мили. Но не это было причиной оживления — штурманы и без того знали, что сегодня их ожидает высадка, — а огромный столб дыма над северным горизонтом. Малекит приказал капитанам немедленно повернуть на север, и флотилия без усилий заскользила по прибрежным волнам.

Вскоре после полудня они подошли к порту Атель Торалиен, первой в этих землях эльфийской колонии. Из моря деревьев в небо вздымались величественные белые башни, а высокий волнорез выступал далеко в океан. Как и опасался Малекит, в городе бушевал пожар. В гавани, на берегах которой раскинулся Атель Торалиен, эльфы не обнаружили ни одного корабля. Малекит предположил, что местные жители бежали из-за случившейся катастрофы и оставили Атель Торалиен пустым. Но он ошибся: когда корабли вошли в залив, из корабельных вороньих гнезд раздались громкие крики. На стенах города шло ожесточенное сражение!

Стоило кораблю Малекита поравняться с узким пирсом, как князь, не дожидаясь спуска трапа, соскочил на выбеленные морской солью и солнцем доски. За ним поспешили его воины. Малекит ринулся по пирсу к высоким складам на краю порта. Оттуда высыпало несколько эльфов. Главным образом это были неухоженные, перепуганные женщины. За платья матерей цеплялись дети с выпученными от страха глазами — они держались так крепко, словно боялись выпустить из рук саму жизнь.

— Слава Азуриану! — кричали женщины и со слезами обнимали Малекита и его воинов.

— Что тут у вас случилось? — перекрикнул возгласы и рыдания князь.

— Орки! Они осаждают город!

— Кто у вас командир?

— Никто, мой господин, — ответили ему. — Князь Анерон уплыл восемь дней назад, и с ним многие из его воинов. Но на кораблях не хватило места для всех. Капитан Лорхир защищает город, но у орков мощные боевые машины, и они уже много дней закидывают город горящими камнями.

Малекит приказал свести с кораблей лошадей. Пока рыцари строились, он самолично повел два отряда копейщиков и лучших стрелков к городской стене. Когда они пробегали по городу, князь заметил, что разрушения не так обширны, как ему показалось. Боевые машины орков не отличались точностью стрельбы. Когда Малекит подбежал к ведущей на стену лестнице, над его головой пролетел обмазанный горячей смолой камень и врезался в башню. Огненные обломки посыпались в разные стороны. Перепрыгивая через три ступеньки, Малекит поднялся на гребень возвышавшейся на тридцать футов стены. Оборонительная стена Атель Торалиена загибалась полукругом длиной около мили. За ней, насколько видел глаз, тянулся огромный лес — его пересекали прямые лучи дорог, расходящиеся из трех городских ворот.

Всюду возле стены лежали тела эльфов и уродливых зеленокожих созданий с торчащими изо рта клыками и каменными мышцами. Сейчас орки атаковали воротную башню в двух сотнях ярдах от той, где стоял князь. Кучка эльфов, некоторые в доспехах, другие в робах, отбивалась от толпы дико вопящих орков.

И все больше орков карабкалось на стену по четырем грубо сколоченным приставным лестницам.

— Выстроиться для атаки! — прокричал Малекит и вытащил из ножен свой меч Авануир.

Копейщики моментально построились в ровные шеренги по шесть воинов в ряд; края щитов переднего ряда перекрывали друг друга, а перед ними торчала стена из направленных вперед копий. Малекит жестом приказал им наступать, и копейщики двинулись уверенным, ровным шагом.

— Очистить лестницы! — приказал князь лучникам и бегом бросился занимать место во главе наступающей колонны.

Лучники перешли к краю стены, некоторые заняли места у бойниц и дали первый залп по карабкающимся дикарям. Эльфы всегда отличались исключительной меткостью, так что дюжины зеленокожих созданий кувырком полетели на землю с торчащими из глаз и шей стрелами.

Тем не менее оркам удалось закрепиться на стене, и все больше нападающих с грубыми топорами и дубинами переваливало через край, подбадривая себя боевыми криками. Нагаритяне шагали вперед, от лавины орков отделялись группы и бежали им навстречу.

Когда первый орк добежал до одетых в черных доспехи эльфов, Малекит одним ударом разрубил его от плеч до паха. Следующего он убил прямым выпадом в грудь, а еще одного возвратным замахом меча, выпустив его кишки на камни.

Малекит продолжал двигаться вперед, и с каждым его шагом падал очередной орк. Копейщики за его спиной убивали тех, кто ускользнул от внимания князя. Нагаритяне

переступали через тела дикарей и, не сбавляя скорости, направлялись к плотной толпе зеленокожих рядом с осадными лестницами. Эльфы Атель Торалиена, воодушевленные их примером, ринулись в бой с удвоенной отвагой, не позволяя оркам продвинуться дальше.

Авануир пронзал щиты, доспехи, кости и плоть, и за князем тянулась полоса мертвых тел, отмечая его путь.

Малекит подал копейщикам сигнал заняться другими лестницами, а сам взбежал на стену и тут же встретил пинком появившуюся над краем парапета морду орка. Тот отшатнулся, но не упал. Авануир описал дугу и снес голову орка с плеч — безжизненное тело покатилося вниз по лестнице, сшибая своих бывших сотоварищей.

Малекит пронзил еще одного дикаря и поднял левую руку. Вокруг сжатого кулака возник светящийся ореол. Князь с рыком выкрикнул заклинание и протянул руку в сторону орков. Ветвистые синие и фиолетовые молнии прыснули из растопыренных пальцев. Черепа ближайших орков раскалывались, плоть вспыхивала огнем, а доспехи плавились. Вспышка молнии извивалась по лестнице, перепрыгивая от орка к орку и сбрасывая их на землю. С громким треском лестница взорвалась осколками дерева — острые щепки посыпались в стоящих внизу орков.

Копейщики опрокинули еще две лестницы, а когда Малекит отвернулся от стены, четвертая, и последняя, рухнула, и лезшие по ней орки посыпались на землю. Лучники расстреливали теперь скопившихся возле опрокинутых лестниц дикарей — они пронзали стрелами всех, кто пытался поднять осадные лестницы, до тех пор, пока орки не отчаялись и не отступили.

От группы защитников города отделился эльф в окровавленной кольчуге и помятом шлеме. Он медленно подошел к нагаритянам, с гримасой стянул шлем, под которым оказались слипшиеся от крови светлые волосы, и устало уронил его на камни.

При его приближении Малекит нагнулся, оторвал лоскут от одежды мертвого орка и принялся очищать свой клинок. Князь взглянул на подошедшего эльфа, вопросительно изогнув бровь.

— Капитан Лорхир? — спросил он и убрал меч в ножны.

Эльф кивнул и протянул в приветствии руку. Малекит не обратил внимания на его жест, и эльф тут же ее опустил. На мгновение на лице Лорхира отразилась растерянность, но он быстро пришел в себя.

— Благодарю, ваше высочество, — выдохнул Лорхир. — Слава Азуриану, что он привел вас сегодня к нам. Утром я боялся, что мы встречаем последний рассвет в своей жизни.

— До спасения еще далеко, — ответил Малекит. — На кораблях место только для моих солдат, больше туда никто не поместится. И не думаю, что отсюда можно сбежать по суше.

Малекит указал на землю внизу, где вдоль дороги и под деревьями кипело зеленое море орков. Полдюжины огромных катапульта стояли в наспех прорубленных в лесу просеках, рядом с ними горели костры. Вокруг качались и падали на землю деревья — это орки собирались строить новые лестницы.

— С вашей помощью мы сможем удержать город до возвращения князя, — сказал Лорхир.

— Не думаю, что ваш князь скоро вернется, — возразил Малекит. Остальные защитники Торалиена сгрудились рядом и ловили каждое его слово. — Да и зачем мне и моим солдатам проливать кровь за этот город?

— Даже если боги будут милостивы к нам, мы не сможем выстоять против этой орды и

дня. Вы должны спасти нас!

— Должен? — зло прошипел Малекит. — В Нагарите капитаны не говорят князьям, что те что-то должны им.

— Простите меня, ваше высочество, — взмолился Лорхир. — Мы в отчаянии, и некому нас спасти. Мы посылали гонцов в Тор Алесси, в Атель Марайю и другие города, но они не вернулись. Либо гонцы погибли, либо наш зов о помощи дошел до безучастных ушей. Я не могу удержать город один!

— А я не могу жертвовать жизнями своих людей, защищая земли князя, который не захотел защитить их сам, — резко ответил Малекит.

— Разве мы не такие же эльфы, как вы? — спросил другой горожанин, пожилой эльф. Он держал в руке меч с выщербленным от долгого использования лезвием. — Неужели вы готовы бросить нас на произвол судьбы?

— Если бы это был мой город, я бы защищал его до последнего вздоха, — ненадолго смягчился Малекит. Но его лицо тут же посуровело. — Но Атель Торалиен не мой город. Мы приплыли сюда не затем, чтобы проливать кровь за князя, который сбегает при первых признаках опасности. Поклянитесь в верности мне, примите покровительство Нагарита, и я буду защищать этот город.

— А как же наша присяга князю Анерону? — спросил Лорхир. — Я не буду предателем.

— Анерон из Эатана сам не сдержал слово, — твердо заявил Малекит. — Да, я знаю его. Он пользуется трудами своего отца и не защищает своих людей. Он не достоин клятв верности. Служите мне, примкните к нагаритянам, и я спасу ваш город. Отсюда мы и начнем завоевание этих диких земель.

Эльфы собрались на совещание; порой они бросали печальные взгляды то на расположившуюся внизу зеленокожую армию, то на сурового князя.

— Возьмите нас на ваши корабли, и мы принесем клятву верности Анлеку, — наконец заявил Лорхир. — Что смогут несколько сотен сделать против орды чудовищ?

— Ваши глаза, наверное, очень устали, — сказал Малекит и махнул рукой в сторону порта. — Взгляните еще раз.

При виде сошедших на берег нагаритян эльфы открыли от восхищения рты. По пирсу тянулись длинные черно-серебряные колонны с развевающимися знаменами. Во главе войска ехали на черных боевых конях рыцари. Ряд за рядом на набережной выстраивались копейщики — они двигались с уверенностью и точностью, рожденными в долгих, длинной в жизнь, тренировках и сражениях.

— Тысяча рыцарей, четыре тысячи копий и тысяча луков ждут моей команды, — провозгласил Малекит.

— Врагов слишком много даже для вашего войска, — заспорил Лорхир. — Князь Анерон располагал десятками тысячами копейщиков и не смог удержать стены.

— Его воины не нагаритяне. Каждый солдат моей армии стоит пятерых эатанцев. И возглавляю их я. Я сын Аэнариона, и за взмахом моего меча следует смерть. Поклянитесь в верности мне — и я спасу ваш город. Я князь Нагарита, и, если я прикажу, ваш город выстоит!

И таким величием дышали слова Малекита, что Лорхир и его воины упали на колени и произнесли слова верности новому князю.

— Так тому и быть, — сказал Малекит. — К ночи орки умрут.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Резня в Атель Торалиене

Вскоре отряды лучников заняли стену, и после нескольких беспорядочных атак орки усвоили, что приблизиться к стене на сотню шагов означает верную смерть. Зеленокожие пытались нацелить свои катапульты, но только один удачный выстрел снес часть парапета — остальные снаряды или не долетали до стены, или попадали в залив.

Малекит разбил копейщиков на отряды, выставил их у западных ворот и приказал капитанам наступать. Под звуки горнов ворота распахнулись, и армия Нагарита вышла за пределы крепости. Наконечники копий сияли в отблесках орочьих костров. Перед войском двигалась стена из черных щитов, и ни одна из пущенных наудачу орочьих стрел не могла ее преодолеть.

Авангард остановился в пятидесяти шагах от ворот, а орки начали собираться в беспорядочные толпы вокруг своих потрепанных знамен. Их вожаки орали, толкали и пинали остальных, чтобы добиться хоть какого-то подобия порядка. Основная часть эльфийской колонны разделилась надвое и выстроилась по бокам авангарда, отчего получилась непрерывная стена копий. Один фланг защищала крепостная стена, второй — море.

Половина лучников быстро сбежала со стены и заняла позиции позади пехоты. Малекит наблюдал за передислокацией из сторожки над воротами, куда поднялись также Лорхир и несколько видных горожан.

— У нас тоже есть отряд воинов, и я не хочу, чтобы потом говорили, будто мы не сражались за будущее нашего города, — произнес Лорхир.

— Я не сомневаюсь в вашей доблести, — ответил Малекит. — Но лучше наблюдайте, и вы увидите, почему ни один эльф не сравнится с нагаритянином, пока не проведет сотню лет в боевых учениях на полях Анлека.

Князь дал сигнал стоявшему рядом горнисту, и герольд трижды протрубил.

С безупречной точностью нагаритяне, стоявшие справа, самые ближние к стене, повернулись и двинулись на север. Копейщики перестроились так, чтобы дать возможность выйти вперед лучникам. Капитаны скомандовали, и лучники произвели первый залп. Стрелы темным облаком взлетели высоко в небо и затем ударили по оркам, выкосив сотни врагов.

Как только первая стрела вонзилась в цель, последовал еще один залп, и так повторилось восемь раз — движущиеся потоком стрелы протыкали доспехи и зеленую плоть; после этого в лесу и на дороге остались груды орочьих трупов.

Многие орки бросились бежать от неминуемой смерти, но самые крупные и злобные с криками ринулись в атаку. По мере их приближения к ним присоединялись и те, кто повернул назад.

Малекит дал еще один сигнал горнисту, и тот выдул из трубы долгий, переливчатый, постепенно понижающийся звук. Между противниками оставалось уже не более пятидесяти шагов, но одетых в легкие доспехи лучников приближение врагов совершенно не беспокоило. Их линия разделилась, каждый второй лучник отступил на шаг вправо. Через образовавшиеся проходы мгновенно выдвинулись копейщики и за мгновение до удара первой волны орков сомкнули свои ряды.

Даже стоявшие на стене слышали треск, с которым орки навалились на нагаритян:

копья протыкали зеленые шкуры, тяжелые клинки прорубали щиты. То тут, то там под яростным натиском падали эльфы, но их места тут же занимали товарищи, не оставляя брешей в стене из щитов. По всей линии эльфийские копья выбрасывались вперед в едином ритме, оставляя на земле сотни трупов.

Тем не менее численное превосходство противника сказалось, и эльфы постепенно начали отступать, спокойно и уверенно отходя к крепостной стене. Схватка то затихала, то возобновлялась с новой силой. И только тогда Лорхир осознал, что происходит.

— Вы подманиваете их к стене, — восхищенно произнес он.

— Да, а теперь смотрите, как мощна армия Нагарита, — ответил Малекит.

Два коротких звука трубы, один пронзительно долгий — и оставшиеся на стене лучники двинулись к бойницам. Оттуда они начали обстрел орков. Стрелы пролетали на ладонь выше сражавшихся эльфов: лучники брали прицел с такой точностью, что не попадали в своих.

Орки у катапульта сумели навести их на копейщиков, и несколько удачных выстрелов открыли бреши в эльфийской линии обороны. Тем не менее лучники сдерживали наступление орков, а копейщики перестроились и снова сомкнули ряды. Камни и обмазанные смолой и подожженные бревна попадали в самих орков гораздо чаще, чем в эльфов, но и это доставляло стоявшим у катапульта подлинное наслаждение. Казалось, им все равно, кто погибает от их сокрушающих выстрелов. Малекит тем временем подал сигнал к последнему акту этой пьесы.

Пропел горн, и открылись северные ворота. Оттуда выехали рыцари Нагарита. На пиках развевались вымпелы, гордо реяли черные хоругви, и тысяча всадников ринулась на зеленокожих. Под боевой клич Нагарита и пение горнов рыцари Анлека косою врезались во фланг армии орков.

Против этого орки оказались беззащитны: они не могли развернуться и встретить атакующих, одновременно не подставившись под копья пехоты. В первые же секунды от ударов пик и под копытами боевых коней умерли сотни. Рыцари влетели в середину орды, и пехота двинулась вперед.

В этот момент Лорхир указал на восток. Не все орки участвовали в атаке, и несколько сотен их сейчас приближались к месту боя. Они могли зайти в тыл кавалерии либо броситься в открытые городские ворота.

— Мы должны остановить их! — сказал Лорхир и кинулся было к лестнице, но Малекит поймал его за руку.

— Я же сказал, что вы еще не стали частью армии Нагарита, — строго заметил он.

— Но у вас нет резерва! Одни лучники не смогут их задержать, кто же их тогда остановит?

— Я, — ответил князь. — Если каждый из моих воинов стоит пятерых ваших, то я стою не меньше сотни!

С этими словами Малекит развернулся и побежал по стене в сторону приближавшихся орков. На бегу он начал читать заклинание, притягивая к себе ветры магии. Он чувствовал, как они завиваются в воздухе вокруг него, поднимаясь сквозь камень под ногами. Колдовство набирало силу, наполняя тело Малекита энергией.

Наконец он с криком выхватил меч из ножен и с парашюта прыгнул вниз. За его спиной раскрылись серебристые магические крылья, не позволившие князю упасть на камни и разбиться.

В полете меч Малекита начал разгораться волшебной силой, по клинку заструился

пронзительный голубой свет. Он растекался все шире, пока не покрыл все тело князя, так что тот превратился в светящуюся молнию. Орки спотыкались и в изумлении глазели на эльфа. Малекит приближался к ним с вытянутым вперед сжатым кулаком, меч в другой руке занесен для удара.

Князь Нагарита врезался в толпу орков подобно метеору, оставляя за собой взрывы голубого пламени, от которых во все стороны разлетались орки и дымящиеся комья земли. Несколько дюжин зеленокожих сбило с ног, их плоть лизали языки пламени. Из возникшей воронки поднимался дым, а когда он немного рассеялся, стало видно, что князь сидит на ее дне. С криком он вскочил на ноги, выставив перед собой меч как пику, и клинок пронзил грудь ближайшего врага.

Скорее повинаясь инстинкту и врожденной жестокости, нежели храбрости, орки ринулись на него с поднятым оружием. Воздух разрывали утробные крики. Малекит двигался с невероятной скоростью, рубя блистающим клинком. С каждым его взмахом один из орков падал на землю. Через несколько мгновений орки устремились прочь от гневливого князя. Остался лишь один — огромный, в два раза выше Малекита. С головы до ног его покрывали толстые металлические пластины, расписанные кровью. Он рассматривал князя крохотными красными глазками и поудобнее пристраивал пальцы на рукояти гигантского боевого топора.

С рычанием орк занес топор над головой и с ужасающей силой опустил его. В самый последний миг Малекит спокойно отступил в сторону, и топор ушел в землю там, где только что стоял князь. Пока орк в фонтане кровавых сгустков вырывал топор из земли, Малекит сделал несколько шагов вправо. С яростным ревом орк обеими руками схватился за рукоять и снова взмахнул топором, но Малекит легко поднырнул под удар и скользнул мечом по плечу орка. На землю посыпались обломки доспеха. Орк пытался удержать равновесие, но князь шагнул ему за спину и рубанул по бедрам. Чудовище с криком ярости упало на колени и слепо рванулось к князю, но тот отступил назад, так что орк рухнул лицом вниз. Ловким выпадом Малекит пронзил оголенное плечо противника, затем рубанул по запястью другой руки. Орк взвыл, а его топор упал на землю — отрубленный кулак еще сжимал грубую рукоять.

Малекит обошел орка, рассматривая его с презрительной усмешкой. Беспомощный противник мог только реветь и пускать пену изо рта. Небрежным жестом Малекит вскинул меч в последний раз — и голова орка взлетела в воздух. Она упала на утопанную землю у самых ног князя. Тот вонзил блестящий клинок в отрубленную голову и поднял ее для всеобщего обозрения.

Немногие уцелевшие в бою орки бежали к лесу. Эльфы же трижды прокричали имя своего князя, каждый раз поднимая мечи, луки и пики в победном салюте. Рыцари какое-то время развлекались преследованием убегающих орков, а Малекит вернулся в город.

Когда до Ултуана дошли вести о геройстве Малекита, князь Анерон с многочисленной свитой приехал в Тор Анрок и попросил аудиенции у Короля-Феникса. Все скамьи в тронном зале были заняты благородными эльфами, а воздух гудел от спорящих голосов.

При появлении Короля-Феникса все уважительно замолчали. Тот неторопливо прошел через огромные двустворчатые двери, длинный плащ из перьев развевался за ним по мраморному полу. Как только Бел Шанаар уселся на свой трон, Анерон выступил вперед и отвесил ему небрежный поклон.

— Малекит должен быть наказан! — прохрипел он.

— Наказан за какое преступление? — спокойно спросил Бел Шанаар.

— Он отнял мои земли, — ответил Анерон. — Город Атель Торалиен был основан моим отцом и перешел ко мне по наследству. У злодея из Нагарита нет на него прав.

— Если вы позволите Малекиту сохранить украденное, вы подадите ужасный пример другим князьям, — добавил Галдиран, один из меньших князей Эатана. — Если мы начнем отбирать друг у друга земли, то воцарится полнейший хаос!

Некоторые придворные негодуяще шикали, другие, напротив, издавали крики в поддержку Малекита. Сумятица продолжалась некоторое время, но, когда Бел Шанаар поднял руку, снова воцарилась тишина.

— Кто-нибудь выступит в защиту Малекита? — спросил Король-Феникс.

Раздалось деликатное покашливание, и все взгляды обратились к верхнему ярусу скамей. Там, окруженная небольшой свитой мрачных нагаритов, сидела Морати. Она неторопливо встала и грациозно вышла на середину тронного зала — шлейф платья тянулся за ней золотистыми рассветными облаками.

— Я говорю не от лица Малекита и не от нагаритян, — произнесла она нежным, но сильным голосом. — Я говорю от лица жителей Атель Торалиена, которых князь Анерон оставил умирать.

— У меня на кораблях не было места... — начал Анерон.

— Тихо! — прорычала Морати, и эатанский князь умолк. — Не смей прерывать старших! Князь Анерон и эатанское княжество отказались от всех прав на Атель Торалиен, когда забыли о своей обязанности защищать его жителей.

Поначалу Морати обращалась к Белу Шанаару, но теперь обернулась лицом к залу.

— Князь Малекит не захватывал трон, — провозгласила она. — Ни один клинок не поднялся на воинов Эатана, и не пролилось ни капли эльфийской крови. Князь Нагарита защитил брошенный на произвол судьбы город от орков. Этим поступком он спас сотни эльфийских жизней. То, что когда-то эти земли принадлежали князю Анерону, не имеет больше никакого значения. Если начать вести подобные споры, то, может быть, следует пригласить сюда и представителей орков, — как-никак, это их историческая родина!

По залу пронесся смех. Уже несколько лет по Ултуану ходили легенды о жестокости и глупости орков. Бывшая правительница Ултуана снова повернулась к Королю-Фениксу.

— Мой сын не совершал никаких преступлений, — произнесла она. — Малекит не просит о награде и славе, он всего лишь хочет удержать то, за что сражался. Неужели ты откажешь ему в этом?

Большая часть собравшихся встретила доводы Морати аплодисментами. Бел Шанаар размышлял, какое решение принять. Впрочем, большинство жителей Ултуана восхищались Малекитом и героическим спасением обреченного города. Князь же Анерон никогда не пользовался особой популярностью даже среди своих подданных-эатанцев. Король-Феникс слышал, как эльфы под окнами дворца встретили прибытие Анерона презрительным улюлюканьем.

— У меня есть доказательство, — добавила Морати.

Она сделала знак своей свите, и один из эльфов поднес ей свернутый пергамент. Морати передала его Бел Шанаару. Он не стал разворачивать свиток, но вопросительно взглянул на провидицу.

— Это послание от жителей Атель Торалиена, — сказала та. — Его подписали все

четыреста семьдесят шесть воинов, что отбивали нападение орков. Они клянутся в вечной преданности князю Малекиту. Более того, они приглашают своих друзей и родственников приехать в город, ибо убеждены, что под защитой Нагарита он будет процветать.

Придворные и князья разразились торжествующими криками. Анерон осклабился, поскольку даже некоторые этанцы присоединились к насмешкам.

— Судя по всему, прецедент создан, — произнес Бел Шанаар, когда шум утих. — Если князь оставляет свои земли без защиты, то он теряет все права на владение. Князь Анерон бросил свои земли и подданных. Поэтому Атель Торалиен следует рассматривать ничейной территорией и доступной для завоевания любым князем. Князь Малекит заявил на эти земли право, и мой суд признает это право законным. Пусть этот случай станет предупреждением для всех, кто ищет богатство и власть в новом мире. Идите вперед во имя Ултуана, но не забывайте о своих обязанностях.

Посрамленный князь Анерон этим же вечером тайно отплыл от берегов Ултуана на восток, к заросшим берегам Люстрии. А Малекит был признан правителем Атель Торалиена. Завоевание Нагаритом колоний началось.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Неожиданные союзники

Атель Торалиен стал первым в длинной череде побед Малекита и нагаритян. Они усмирили лесных зеленокожих и двинулись дальше на восток. Спустя полстолетия Атель Торалиен превратился в крупный порт, а рядом с ним возникли богатые эльфийские поселения Тор Алесси и Тор Катир. Восточнее Малекит вознамерился основать еще один город.

За это время многие из нагаритян переселились в колонии, и теперь армия Малекита насчитывала более двадцати тысяч воинов. С ними он направился по великой реке Анурейн, которая начиналась в горах и через много сотен лиг впадала в океан. По дороге князь предал огню лагери гоблинов и оттеснил звероловцев и прочих гнусных тварей в самую глубь непроходимых лесов.

За ним по пятам следовали мирные колонисты: они вырубали леса и строили укрепленные поселки. Правители других эльфийских колоний с готовностью заключали союз с князем Нагарита. Объединенные силы эльфийских князей продвигались на восток. Но вскоре кое-кто еще узнал о вожде эльфов. Это были гномы. На третий год продвижения на восток Малекит впервые повстречался с этим горным народом.

По мере приближения эльфов к подножиям гор леса начали редеть. И однажды разведчики вернулись к Малекиту с донесением о необычных находках. Они обнаружили участки леса с аккуратной, совсем не по-орочьи спиленными деревьями. Также они заметили следы обутой ног и остатки больших, хорошо организованных лагерей.

Малекит собрал лучших воинов и возглавил отряд, который несколько дней шел на восток, к горам.

Эльфы находили остатки временных поселений и с удивлением отмечали точность, с которой натягивались тенты, вырывались костровые ямы и вырубались деревья, — поляны получались почти идеально квадратными. Земля была утоптана множеством ног, а также виднелись остатки временных изгородей и следы рвов, которые выкопали, а затем засыпали. Не оставалось сомнений, что местные обитатели отличаются хорошей дисциплиной, и потому Малекит приказал своим разведчикам сохранять бдительность днем и ночью.

Прошло почти три дня, прежде чем эльфы вышли на дорогу. Она начиналась от самого большого найденного ими лагеря. Землю не просто утоптали, но сперва посыпали щебнем, а потом утрамбовали, чтобы идущие по ней не поскользнулись. Дорога тянулась на юго-восток через холмы и лес и, насколько видел глаз, нигде не сворачивала.

Малекит приказал своим воинам не выходить на дорогу; они шли вдоль нее по лесу, скрываясь за деревьями. При наступлении ночи эльфы заметили в нескольких милях впереди огни костров и поднимающийся к небу дым.

Малекит никак не мог решить, как поступить. Если неизвестные дровосеки окажутся враждебны, лучше всего окружить их лагерь ночью. С другой стороны, появление эльфов среди ночи сильно встревожит их и может привести к напрасному кровопролитию.

В конце концов князь выбрал компромиссное решение. Он оставил несколько быстроногих воинов рядом возле дороги и приказал им что есть мочи бежать в военный лагерь эльфов, если он не вернется или не даст о себе знать до рассвета. Самых хитроумных лучников Малекит послал окружить лагерь и ждать в засаде, на случай если его обитатели

решат сражаться. Они пробирались вдоль дороги так тихо и незаметно, что не потревожили даже птиц. Остальные направились с князем к лагерю незнакомцев, и он велел им ожидать поблизости и быть начеку.

Вместе с двумя лейтенантами, Еасиром и Аландрианом, князь подошел к лагерю. Оружие они не обнажали, а плащи откинули назад, чтобы было видно, что они не скрывают ничего подозрительного. Возле лагеря эльфы увидели большие светильники, которые освещали с обеих сторон дорогу.

В их свете стояла группа маленьких существ — самый рослый из них был по грудь эльфу. Коренастые, с широкими, мускулистыми плечами и твердыми большими животами, создания отличались буйной растительностью на лицах: их бороды доставали до пояса, а у двоих свисали почти до носков их тяжелых башмаков.

Все они были в тяжелых кольчугах, подпоясанных широким кожаным ремнем с крупной пряжкой. Голые руки украшали золотые браслеты замысловатой работы, а носовые пластины шлемов закрывали большую часть широких лиц.

На шлемах были изображены фигуры прыгающих кабанов или стилизованных драконов, а у троих украшались торчащими рогами. После тщательного изучения Малекит убедился, что рога все-таки прикреплены к головному убору незнакомцев, а не растут из их черепов. В руках они держали топоры с одним лезвием — такой вид оружия Малекиту еще не встречался. Также у каждого имелся большой круглый щит, обитый закаленным железом и украшенный затейливыми узорами свернувшихся змеев, наковален и крылатых молотов.

Неизвестные создания сгрудились возле одного светильника и вели беседу. Тонкий слух князя уловил обрывки гортанных слов, похожих на катящиеся с горы камни или хруст веток под ногой. Их язык действовал Малекиту на нервы, и он с трудом остановил потянувшуюся к рукояти меча руку.

Часовые заметили приближающихся эльфов и уставились на них. Малекит с двумя лейтенантами остановились на месте, на грани светового круга. Незнакомые воины обменялись торопливыми взглядами, после чего один опрометью метнулся в лагерь. Двигался на своих коротких ножках он на удивление быстро. Эльфы и неизвестные стояли и рассматривали друг друга довольно долгое время.

Наконец из лагеря вышли и направились к ним около дюжины карликов. Один из них, с заплетенной в четыре косы с золотыми заколками бородой, выделялся как предводитель. Под обширной бородой Малекит разглядел голубой жакет с золотыми узорами. Остальные следовали за ним в нескольких шагах и держали руки на рукоятках топоров и молотов.

Малекит развел руки в стороны, чтобы продемонстрировать свои мирные намерения, хотя он прекрасно знал, что в любом случае успеет выхватить из ножен меч. Еасир и Аландриан последовали его примеру. Среди листвы скрывались эльфийские лучники: их стрелы были направлены на приближающегося вожака незнакомцев. Тот остановился между светильниками и жестом приказал трем эльфам приблизиться, а затем плотно скрестил руки на груди и наблюдал, как они медленно шагают по дороге. Малекит сделал знак своим лейтенантам остановиться в десяти шагах от гномов, а сам сделал еще несколько шагов вперед. Главный гном смотрел на него, насупив брови, хотя Малекит и не мог сказать, является это знаком недовольства или таково обычное выражение гномьего лица.

На таком расстоянии до князя долетал запах гномов. Он попытался подавить отвращение, когда его ноздрей достиг смешанный запах сырой земли и пота. Глава гномов продолжил оглядывать Малекита, а затем повернул голову и рывкнул что-то своим

подчиненным. Те немного расслабились и чуть опустили оружие.

Предводитель протянул грязную руку и процедил нечто, звучащее примерно как «Кургрик». Малекит смотрел на протянутую ему грубую лапу и старался не измениться в лице.

— Малекит, — представился он, быстро пожал руку гному и отдернул свою.

— Малекит? — переспросил тот. На лице его наконец-то появилось некое подобие ухмылки.

— Вроде того, — ответил князь и растянул губы в улыбке, отработанной за многие годы, когда ему приходилось скрывать свои истинные чувства.

— Эльф, — добавил Кургрик, указывая на Малекита, и князь не сумел сдержать удивления. Гном широко заулыбался, издал хриплый смешок и кивнул. — Эльф, — повторил он еще раз.

Гном взмахом пригласил эльфов следовать за ним, а когда Малекит направился к лагерю, он подал своим воинам в лесу едва заметный знак. Не потревожив и листочка, те беззвучно отступили.

Лагерь был разбит по тому же плану, что и виденные эльфами покинутые стоянки. Пять рядов по пять палаток располагались на вырубленной рядом с дорогой поляне. В конце каждого ряда горел небольшой аккуратный костер в глубокой, выложенной камнями яме.

Все гномы сбежались поглазеть на гостей и без стеснения таращились на высоких, стройных эльфов. Те же старались шагать медленно и чинно, чтобы не обгонять провожатых. Темные, любопытные глаза смотрели на них со всех сторон, но Малекит чувствовал в них только любопытство, но не враждебность.

Со своей стороны, эльфы смотрели на гномов с нейтральным выражением лица и вежливо кивали, если встречались с кем-то взглядом.

Гномы провели их к дальнему концу лагеря: там горел большой костер, окруженный низкими деревянными скамьями. Старейшины присели по бокам предводителя, а тот жестом пригласил Малекита и его свиту последовать его примеру. Князь постарался сохранить достоинство, но на низких гномьих скамейках его колени торчали выше пояса, и, чтобы принять более удобное положение, ему пришлось полулечь. Гномы прямо прыснули, но никакой злобы в их смехе не слышалось.

Эльфам впихнули в руки жестяные кружки, и вперед вышли три гнома: два из них несли бочку. Третий помог им осторожно поставить ее перед главой гномов, а затем торжественно выбил деревянным молотком пробку. Налил немного пенной жидкости в ладонь, понюхал и попробовал на язык. Затем показал Малекиту поднятый вверх большой палец. Малекит улыбнулся в ответ, но воздержался от повторения жеста — вдруг такой поступок сочли бы неуместным.

Главный гном встал, подошел к бочке и наполнил свою золотую кружку. Его примеру нерешительно последовал Еасир и принялся к содержимому. Малекит вопросительно посмотрел на лейтенанта, и тот ответил недоуменным пожатием плеч. Двое других эльфов тоже наполнили свои кружки и вернулись на скамью.

Гном поднял свою чашу, кивнул эльфам, поднес ее к губам и осушил в три гигантских глотка. Затем довольно причмокнул и с грохотом опустил кружку на скамью рядом с собой. В его бороде осталась пена, которую он смахнул рукой и подмигнул Малекиту.

Князь медленно поднес посуду к губам и попробовал напиток. Тот оказался довольно густым и обжег ему язык горечью. Малекит закашлялся, что вызвало в рядах гномов новый

смешок.

Задетый насмешкой Малекит осклабился и сделал глоток. Ему пришлось подавить тошноту, когда напиток попал в пищевод, но князь отпил еще и еще. От ядовитого вкуса на глазах выступили слезы — напиток сильно отличался от благородных вин Ултуана.

Проглотив пойло, Малекит игриво перекинул кружку через плечо и вопросительно приподнял бровь. Гномы покатались от хохота, хотя на сей раз смеялись они над своим главой, а тот фыркнул и одобрительно кивнул.

Малекит посмотрел на Еасира и Аландриана — оба лейтенанта вроде бы прикончили свои напитки. Однако на земле рядом с ними он заметил мокрые пятна и догадался, что они воспользовались прикованным к нему вниманием гномов, чтобы опорожнить свои кружки наземь.

Остаток ночи они провели в попытках общения, называя на своих языках различные предметы. Малекит отправил Еасира к остальному войску, чтобы тот доложил, что с князем все в порядке. Аландриан остался с ним. Лейтенант обладал исключительными способностями к языкам и уже начинал немного понимать гномов.

Следующие четыре дня Малекит и Аландриан почти целиком провели с гномами, а также пригласили Кургррика в лагерь нагаритян. Через Аландриана они узнали, что Кургррик является таном, одним из вождей могучего города под названием Караз-а-Карак. Насколько чужими казались в лагере гномов эльфы, настолько же гномы чувствовали себя неуютно на стоянке нагаритян.

В качестве хозяина Малекит предложил им золотые бокалы с лучшим котикским вином. Гномы охотно его заглывали, а эльфы потягивали из своих бокалов. Гномы отличались любопытством, но не были слишком уж настырны. При помощи Аландриана они задавали вежливые вопросы: можно ли осмотреть палатки, оружие, фляги с водой и прочие предметы? Они на удивление бережно поглаживали огрубелыми руками доспехи с элегантной чеканкой и одобрительно хмыкали, изучая наконечники копий и стрел.

Вечером четвертого дня Аландриан вернулся из лагеря гномов, когда Малекит сидел в своей палатке и наблюдал, как один из слуг чистит его доспех. Аландриан позвал с собой Еасира, и оба лейтенанта с поклоном вошли в палатку.

При одном взгляде на них Малекит отпустил слугу и жестом пригласил их сесть на пушистые толстые ковры.

— Какие-то новости? — спросил князь, лениво перекатывая вино в серебряном бокале.

— Да, ваше высочество, — ответил Аландриан. — Завтра утром Кургррик собирается уезжать.

Малекит ничего не сказал, и Аландриан продолжил:

— Кургррик приглашает вас посетить царство гномов.

— Неужели? Очень интересно. И что ты думаешь о его мотивах?

— Я не знаток, ваше высочество, но его приглашение показалось мне искренним. Он говорит, что вы можете взять с собой свиту из пятидесяти воинов.

— Будьте осторожнее, ваше высочество, — вставил Еасир. — Хотя пятьдесят нагаритян легко справятся с небольшими силами Кургррика, только богам известно, что будет дальше. Даже если поверить гномам — а я им не верю, — вам придется полагаться на их защиту от неизвестных опасностей. Вдобавок тут еще обитают орки и всяческие чудовища. Если они нападут, кто знает, не испугаются ли гномы и не бросят ли вас?

— Не думаю, чтобы гномы уходили так далеко от родного дома, если были бы трусами, — сказал Аландриан. — Я не видел в них страха, когда они приходили в наш лагерь, хотя тут они находились полностью в нашем распоряжении.

— Храбрость и долг разные вещи. — Еасир встал и начал расхаживать по палатке. — Одно дело сражаться за себя, но будут ли они сражаться за нашего князя?

Он подошел к входу в палатки и отдернул занавеску.

— Каждый нагаритянин там, снаружи, отдаст жизнь за нашего господина, — продолжил Еасир. — Но ни один из них не станет рисковать ради Кургррика, если только наш князь ему не прикажет. Я предполагаю, что гномы поведут себя так же, если не хуже. Что, если Кургррик падет? Будут ли его воины сражаться за Малекита?

— Мы можем потребовать от них клятвы, — ответил Аландриан. — Они высоко ценят честь, и я бы сказал, что их слово почти так же крепко, как и слово эльфа.

— Все это несущественно! — отрезал Малекит. — Если я поеду, я сам о себе позабочусь и не собираюсь полагаться на гномов. Более важный вопрос — стоит ли мне тратить время на эту поездку?

— Ваше высочество, я думаю, что такой визит будет очень полезен, — сказал Аландриан. — Мы сможем многое узнать не только о гномах, но и о землях на востоке.

— Мы сможем оценить размер их армии и навыки воинов, — добавит Еасир. — Лучше узнаем своих врагов.

— Если они враги, — возразил Аландриан. — Но если рассматривать приглашение как проявление добрых намерений, то мы сможем приобрести ценных союзников.

— Союзников? — переспросил Малекит. — Нагарит полагается только на собственные силы и не нуждается в чьей-либо милости.

— Я выразился недостаточно ясно, ваше высочество, — виновато поклонился Аландриан. — Все прочие князья Ултуана завидуют вашей мощи, и никто в Эльтин Арване не сможет сравниться с князем Малекитом. Хотя в настоящее время все мы едины сердцем и духом, но отношения между княжествами могут измениться. Положим, Бел Шанаар сейчас не думает о колониях, они далеко от Тор Анрока. Но если его взгляд обратится к нашим берегам, то сколько князей встанет на нашу сторону, если Король-Феникс пожелает контролировать и эти земли?

— И как нам тогда помогут гномы? — спросил Малекит. Он отставил свой кубок с вином и пристально уставился на лейтенанта.

— Ултуан не имеет на них никакого влияния, — ответил Аландриан. — Если гномы станут нашими друзьями, вы приобретете еще больший вес в Эльтин Арване, и тогда Бел Шанаару придется проявлять осторожность в отношениях с вами.

— Мой ум не создан для политики, — заявил Еасир. Он отошел от входа в палатку и встал перед господином. — Политику я оставляю вам. Тем не менее то, что я видел из экипировки гномов, сделано хорошо и надежно. Сейчас мы во многом зависим от поставок из Нагарита — только они поддерживают доспехи и оружие нашей армии в должном состоянии. Если мы сумеем найти местных оружейников, это укрепит нашу независимость.

— Ты всегда практичен, Еасир, — произнес Аландриан. — Князь, представьте себе союз между Ултуаном и гномами, выгодный обоим. Кто более достоин возглавить его, как не Малекит Нагаритский?

— Твоя лесть чересчур груба, Аландриан, но Еасир меня убедил, — заявил, вставая, Малекит. — Аландриан, передай тану гномов, что я составлю ему компанию при поездке в

его родные земли. Объясни ему, какой чести он удостоился, и получи заверения, каковые, по твоему мнению, необходимы в подобном случае.

— Конечно, ваше высочество, — с поклоном ответил Аландриан.

— Еасир, для тебя другая задача, — продолжал князь.

— Готов служить, выше высочество.

— Сегодня ночью я напишу два письма и отдам их тебе. Одно предназначено для Бел Шанаара. Я не допущу, чтобы Король-Феникс мог обвинить меня в том, что я скрываю от него важные новости.

— А другое, ваше высочество? — спросил Еасир.

— Другое для моей матери, — с сухой улыбкой ответил Малекит. — Доставь его первым. Если Морати узнает о наших событиях из вторых рук, никто и гроша ломаного не даст за наши жизни.

На следующий день Малекит, Аландриан и пятьдесят нагаритских воинов вместе с гномами Кургрика отправились к горам. Поначалу все шагали в полном молчании. Малекит шел рядом с Кургриком, поблизости находился Аландриан для перевода, и хотя князь держался как на непринужденной прогулке, он был начеку.

В своем лагере гномы чувствовали себя уверенно, но в дороге вели себя настороженно. В войске Кургрика насчитывалось примерно две сотни воинов, а также множество тележек, нагруженных тяжелыми бревнами, которые везли коренастые пони. В полумиле впереди двигался авангард из пятидесяти гномов, а остальные шли медленнее, рядом с тележками. Все гномы держали оружие наготове. Они не теряли бдительности ни днем ни ночью и постоянно высылали вперед разведчиков.

Двигалась процессия небыстро; Малекит и другие эльфы при желании могли бы идти гораздо скорее. Тем не менее гномы шагали вперед без усталости, а лагерь разбивали и сворачивали так споро, что каждый день позади оставалось много миль.

К ночи гномы быстро рыли защитные рвы, обрамленные заостренными бревнами с телег, и частокол охраняли бдительные сторожа. Кургрик продолжил развлекать гостей пивом и рассказами, достаточно доступными, чтобы Аландриан мог перевести.

Через четыре дня леса начали уступать место полянам и обдуваемым ветром холмам. Впереди нависали горы — их заснеженные вершины терялись в облаках. Даже самые высокие пики Кольцевых гор на Ултуане казались карликами по сравнению с ними, тянувшимися по горизонту с севера на юг и казавшимися бесконечными.

Холмы покрывала высокая трава и вереск, сквозь них проглядывали вековые валуны, которые в незапамятные времена скатились с гор. От большой дороги разбежались протоптанные зверьми тропки, но сама дорога упорно шла на восток через болота и папоротники. Когда путешественники приблизились к горам, они увидели первый из построенных гномами фортов.

Приземистое строение в два этажа совсем не походило на величественные башни и шпили Ултуана и показалось Малекиту уродливым. Форт венчали бойницы, а каждый угол охраняла квадратная башенка. Он стоял на холме над дорогой, на стенах его дремали большие катапульты и стреляющие огромными стрелами арбалеты.

Вооруженные топорами и молотами гномы вышли навстречу Кургрику и его гостям, а поскольку шел проливной дождь, путешественников очень быстро проводили внутрь. Малекита всегда угнетал вид голого камня. Вот и здесь он не понимал, почему гномы не

прикрыли стены гобеленами и картинами. Настроение князя немного улучшилось, когда их провели в длинный зал с низким потолком и трещащим очагом в центре. Сколь бы унылыми ни выглядели серые каменные стены, тепло очага было гораздо предпочтительнее лютовавшей снаружи непогоде.

Кургрик представил Малекиту командира форта Гробримдора. Почтенному гному перевалило за четыре сотни зим, и белая борода доходила ему до колен. Гробримдор носил толстую кольчугу, а за его поясом был заткнут боевой топор. Он представил гостям лучших воинов своего гарнизона. Малекит видел, что гномы явно опасаются чьего-то нападения.

Гробримдор и Кургрик дали эльфам толстые короткие одеяла и миски с густым супом, а затем вежливо попросили Малекита рассказать об эльфах и Ултуане. Князь уселся на низкий табурет у огня, рядом встал Аландриан.

— Далеко на западе, за обширными лесами, лежит Великий океан, — начал князь. — Если много дней плыть по его волнам, то можно достигнуть берегов Ултуана. Наш остров плодороден и зелен, как изумруд посреди сапфировых волн. Над высокими деревьями и цветущими пашнями вздымаются белые башни, а за ними сверкающие пики Кольцевых гор.

— И вы живете в тех горах? — спросил Кургрик.

— Мы там только охотимся. В горах расположены два княжества — Крейс и Каледор, — там сплошные холмы и скалы.

Кургрик встретил такой ответ разочарованным хмыканьем, но затем в его глазах снова загорелся интерес.

— А есть в тех горах золото и драгоценные камни? — спросил он.

— Есть золото, и серебро, и алмазы, и другие благородные камни, — ответил князь.

— А может твой король торговать ими с моим народом? — оживленно поинтересовался Кургрик.

— Король-Феникс не может один принимать такие решения. У нас есть много князей, каждое княжество Ултуана управляется одним из них. Князь решает судьбу и будущее своего народа. Я правлю Нагаритом, крупнейшим из княжеств Ултуана, а также его колониями на западе вашей земли.

— Это хорошо, — произнес Гробримдор и жестом приказал слугам подлить эля. — Также и у нас. Наши короли правят городами, а Верховный король управляет ими из Караза-Карака. Ваш король должен быть мудрым вождем, чтобы командовать многочисленными князьями.

Малекит проглотил готовый сорваться с языка ответ. Он глотнул эля, чтобы собраться с мыслями.

— Бел Шанаар, Король-Феникс, умный политик и дипломат, — ответил он. — Мой отец, первый Король-Феникс, был нашим лучшим воином и спасителем от темных сил.

— Если твой отец был королем, почему на трон не сел ты, его сын? — спросил Кургрик. Его кустистые брови сошлись на переносице.

Малекиту снова пришлось тщательно продумать ответ, чтобы случайно не обидеть гномов.

— Я стану править Ултуаном, когда он будет готов для меня, — произнес князь. — Нашей стране нужно время, чтобы излечиться от оставленных войной с северными демонами ран. Поэтому князья решили не передавать трон по линии моего отца, а выбрать другого. В интересах порядка и мира я не стал оспаривать их решение.

И Гробримдор, и Кургрик одобрительно закивали, и Малекит немного расслабился. Но

его мысли все еще метались. Расспросы гномов разбудили давние амбиции, а ведь Малекит проделал длинный путь до Элтин Арвана в первую очередь для того, чтобы оставить их позади. Чтобы помочь смущенному князю, Аландриан нарушил тишину.

— Вы говорите о торговле? — спросил лейтенант. — Наши города растут с каждым годом. Что вы можете предложить в обмен на наши товары?

Беседа вернулась к любимой гномами теме, и разговор о престолонаследовании быстро ими забылся. Малекит мало говорил и позволил себе погрузиться в собственные мысли — он знал, что позже Аландриан все ему перескажет.

Задолго до полуночи гномы проводили эльфов в спальню. Малекит провел ночь на полу в одном помещении со своими солдатами, поскольку кровати гномов были слишком коротки для эльфов.

Спал Малекит плохо и проснулся очень рано. Однако многие гномы уже встали либо вообще не ложились. Князь наскоро оделся и покинул спальню. Гномы ворчливо приветствовали его по дороге в главный зал, но не пытались остановить. Повинуясь прихоти, Малекит поднялся по невысокой лестнице и вышел на смотровую площадку угловой башенки.

Солнце висело за горами, излучая мутное сияние, — вершины прорезали темно-синее небо бесконечной неровной грядой. Форт окутал густой туман, а дыхание часовых облачками поднималось в стывшем воздухе. На волосах и стальных доспехах блестели капли росы. Мирную тишину нарушало лишь клацанье подбитых железом сапог по камням и бречание кольчуг. Малекит некоторое время смотрел на восточные горы, но тут внизу зазвучали эльфийские голоса — его свита просыпалась. Он уже собирался спуститься в зал, как на башню взлетел Аландриан. При виде князя лейтенант расслабился, и на его лице появилось смущенно-виноватое выражение. Малекит вопросительно поднял брови.

— Я проснулся и не нашел вас, — сказал Аландриан, быстрым шагом прохаживаясь по каменной стене. — Я испугался, что с вами приключилось что-нибудь дурное.

— Ты думал, что меня взяли в заложники? — спросил Малекит. — Что при помощи неведомого колдовства меня сумели взять в плен?

— Я правда не знаю, что я думал, ваше высочество. Меня внезапно охватил страх, и я вспомнил о предостережениях Еасира.

Малекит повернулся обратно к величественному пейзажу. Туман почти рассеялся, и горы были видны во всем их монаршем величии. Князь глубоко вдохнул и с чувством выдохнул чистейший горный воздух.

— Я бы не променял это на тронный зал Феникса, — провозгласил он. — Пусть Бел Шанаар чахнет в судах и на приемах, а меня ждет огромный мир.

Аландриан с непонятым выражением глядел на него.

— Что такое? — спросил Малекит.

— Бел Шанаар сделал главным королевским занятием домоводство. — Лейтенант тоже повернулся к горам. — Я не сомневаюсь, что, если бы вы были Королем-Фениксом, вы стали бы во главе победоносной армии, а не отдавали бы приказы из глубокого тыла. Со временем князя поймут истинную цену Нагарита и его князя, я уверен в этом!

— Возможно, что когда-нибудь они и поймут.

Они еще немного постояли в тишине, созерцая горы: каждый углубился в собственные мысли о том, что принесет Нагариту союз с гномами. Солнце поднялось над горами и

залило окрестности золотистым светом.

Негромкий кашель отвлек внимание Малекита, и князь повернулся к стоящему в дверях башни гному.

— Выше высочество, пора собираться, — сказал Аландриан. — Кургррик скоро выступает.

— Подготовь наших воинов к отъезду. — Малекит бросил последний взгляд на горы, но его мысли кружили далеко на западе, над Ултуаном. — Я скоро спущусь.

За время пути эльфы и гномы останавливались еще в нескольких фортах. Все они казались эльфам одинаково унылыми.

Гномы во всех фортах обменивались с гарнизоном новостями и хвастались своими необычными спутниками. Эль и пиво, с которыми Малекит познакомился при первой встрече с гномами, лились рекой, и из вежливости князь пробовал подносимые ему командирами фортов разные сорта этих напитков. Хотя вульгарный эль по-прежнему ему не нравился, он вскоре научился быстро проглатывать его, чтобы по возможности избежать неприятного послевкусия. Он решил, что гномы пьют его так быстро по этой же причине: им самим не особо нравится это напиток. Тем не менее частота, с которой гномы прикладывались к своим бочонкам по вечерам, свидетельствовала о противоположном.

Когда они подошли к подножию гор, гномы предупредили, что здесь следует оставаться начеку. Леса тут кишат обитателями царства Хаоса и кровожадными зверями. А дальше, в горах, живут орки, гоблины, а также иные твари: тролли, великаны и гигантские птицы.

— Когда-то наши форты осаждало множество демонов и чудовищ, — сообщил эльфам Кургррик благодаря все улучшающемуся переводческому мастерству Аландриана.

Холмы постепенно переходили в горы. Вереница путешественников тянулась по выходящей дороге. Кургррик ехал в своей тележке, а Малекит с лейтенантом шагали рядом.

— Солнце спряталось, и горы накрыла бесконечная тьма, — повествовал тан гномов. — В долинах эхом разносились вой и крики северных созданий. Они ломались в наши ворота и бросались на стены. Многие гномы погибли, защищая свои дома.

— Мы тоже пережили нашествие созданий Хаоса, — откликнулся Малекит. — Мой отец Аэнарион возглавил войну против демонов.

— Нашим величайшим воином был Гримнир, — с улыбкой протянул Кургррик. — Грунгни, мудрый мастер рун, выковал для него два топора. С их помощью Гримнир разбил армию чудовищ. Валайя соткала плащ, и его дар защищал Гримнира от самых опасных врагов. Но даже умелый и яростный Гримнир не мог победить всех демонов, потому что они шли нескончаемым потоком.

— Так было и на Ултуане, — согласился Малекит. — Легионы Хаоса наступали без усталости. Мы потеряли надежду в сражении с ними, пока Аэнарион не принес последнюю жертву. Он пролил свою кровь на алтаре Каина в обмен на победу.

Кургррик немного нахмурился, когда князь перебил его, но продолжил:

— Гримнир отправился далеко на север с одним топором и прорубил себе путь до великих врат богов Хаоса. Его больше никто и никогда не видел, а топор пропал вместе с ним. Он разрубил сами ворота и даже сейчас воюет с демонами в их собственном царстве, не давая им выйти оттуда.

— Портал Каледора перекрыл врата их царства, — произнес князь. — Магия эльфов остановила поток демонов.

Аландриан замешкался и не стал переводить слова господина.

— Почему ты молчишь? — спросил тот.

Аландриан бросил князю предупреждающий взгляд:

— Мне кажется, гномам лучше не знать, что мы заперли их любимого героя в царстве Хаоса. Такие новости могут им не понравиться.

— Мы не можем оставить их в неведении, — настаивал Малекит. — Благодаря силе эльфов, а никак не гномов войска темных богов не затопили наш мир.

— А разве можно сказать с уверенностью, что предки гномов не помогли каким-то образом плану Каледора? — спросил Аландриан. — И то, что они тоже пострадали от Хаоса, еще больше сближает нас. Пусть гномы празднуют свои победы — ведь они не уменьшают заслуг вашего отца.

Малекит обдумал услышанное, но в глубине души все равно не хотел позволять гномам приуменьшать достижения Аэнариона. Кургрик наблюдал за их разговором с удивлением. При виде его некрасивого, но честного лица князь сдался.

— Скажи, что и гномы, и эльфы заслужили право жить в свободном мире, — произнес он. — Скажи, что я надеюсь, что больше нам не придется сражаться с Хаосом поодиночке, мы будем делать это сообща.

Лицо Аландриана отразило его изумление.

— Что? — рывкнул Малекит. — Что я сейчас не так сказал?

— Ничего, ваше высочество. Как раз наоборот. Это самое дипломатичное высказывание, которое я слышал из ваших уст за последнее столетие!

Проблеск смеха в глазах Аландриана подавил гневный ответ, который уже рвался с языка Малекита, и князь просто кашлянул, будто прочищал горло.

— Пусть гном порадует, — наконец произнес он и скрыл довольную улыбку.

Их путешествие до города, или оплота, как говорили гномы, заняло тринадцать дней. Город назывался Карак Кадрин и был одним из самых северных поселений гномов.

Город можно было увидеть еще издалека, и он разительно отличался от гномьих фортов. Высокие башни украшали его, над входными воротами нависали сторожевые вышки с часовыми и военными машинами. На склоне горы были вырезаны огромные лица: эльфам сказали, что это изображения богов-предков.

Когда дорога свернула и начался извилистый подъем, стали видны выложенные из темного камня караульные вышки над воротами. Фундамент огромных строений был монолитной скалой, а на нее подняли тысячи тщательно обработанных тяжелых камней, и получились укрепления, с которыми не могли сравниться даже великие морские ворота Лотерна. В лучах солнца сверкали золотые знамена и вышитые рунами флаги, а с башен свисали украшенные странными гномьими узорами полотнища.

Ворота были закрыты. Их украшали золотые пластины с чеканными лицами предков и символами кузнечного дела: наковальнями, молотами и кузнечными мехами. Ворота охраняли облаченные в кольчуги и тяжелые пластинчатые доспехи воины; выражение их лиц скрывалось за шлемами с выкованными стилизованными лицами.

Когда путешественники приблизились к воротам, долину заполнили длинные переливчатые звуки горнов — их повторило многократное эхо. По их сигналу в воротах открылась небольшая, по сравнению с воротами, дверь: в три эльфийских роста высотой.

Малекита впечатлили ворота, но, когда князь прошел через них, он остановился как

вкопанный и восхищенно огляделся. Зал, где они оказались, был вырублен в скале, но, в отличие от грубого камня фортов, его отполировали до блеска, и пролегающие в породе жилы сверкали драгоценными украшениями в свете сотен светильников.

Длинный и широкий, как ворота, коридор вел в глубь горы. Высокий сводчатый потолок поддерживали стоявшие вдоль стен колонны. С высокого свода на толстых цепях свисали фонари. Огромные светильники сияли магическим светом. В их свете становились ясно видны вырезанные в камне рисунки: сражающиеся воины, добывающие руду горняки и стучащие молотами кузнецы. Прорезанные в полу желоба были залиты цветным стеклом, и пол переливался всевозможными цветами.

Гномы-часовые стояли вдоль стен; их доспехи блестели золотом, а обоюдоострые топоры украшали драгоценные камни. Вперед были высланы гонцы, и поэтому прибывших встречали весьма торжественно.

Когда путешественники вступили под свод, первая пара часовых вскинула в салюте оружие, и волна покатила по рядам по всему протяжению их следования. В дальнем конце стояла группа гномов в ярких кафтанах, со шлемами, украшенными золотыми рогами и крыльями, и с каждым их движением в ярком свете вспыхивали и переливались драгоценные камни браслетов, колец и ожерелий.

За ними стояли знаменосцы со штандартами, где тонкими серебряными и золотыми нитями всех мыслимых оттенков и переливов были вытканы гербы танов. Как и прочие украшения, они представляли собой различные комбинации топоров и молотов, наковален и молний, изображенных с исключительным мастерством.

За встречающей группой находилась дверь, чуть меньше, чем та, через которую только что прошли эльфы. Вырезанное из гигантского горного дуба дверное полотно пестрело бронзовыми болтами с головками в виде пары скрещенных молотов.

Гномы низко поклонились, одной рукой придерживая бороды, чтобы не мести ими по полу. Малекит кивнул в ответ, а прочие эльфы тоже склонились в поклоне. Один из благородных гномов держал в руке жезл, украшенный искусным орнаментом. Он трижды стукнул им по двери, по залу прокатились гулкие удары. Открылось окошко на уровне гномьего лица, и гном перебросился несколькими словами со стоящим за дверью. Малекиту показалось, что они о чем-то спорят, но он подозревал, что это некий ритуал, смысл которого ему неизвестен.

Тяжеленная дверь легко и бесшумно отворилась, и стало видно помещение за ней. Оплот представлял собой настоящий лабиринт из коридоров, залов и галерей, и хотя князь поначалу старался запоминать дорогу, вскоре он понял, что безнадежно заблудился в бесконечных проходах и лестницах. По его впечатлению, они поднимались к вершине горы, хотя и окружным путем, который то поднимался, то снова нырял вниз. Внутренняя обстановка оплота уступала приемному залу, но тем не менее всюду встречались украшения из драгоценных камней и металлов. Иногда они проходили мимо светящихся ярким светом кузниц, где из открытых арочных проемов веяло жаром и доносился звон молотов. Мало кто отвлекался от работы, хотя порой какой-нибудь кузнец или подмастерье и бросал на них любопытный взгляд. В городе гномов постоянно кипела работа, мимо них по коридорам то и дело проходили гномы в спецовках и кожаных фартуках.

Наконец процессия подошла к тронному залу короля Газарунда. По стенам зала были развешены щиты и знамена. По бокам горели два длинных очага, а дым от них уходил в хитроумную систему труб и выводился на поверхность. Инкрустированные золотом плиты

пола блестели в красных отсветах очагов.

Кургрик знаком приказал эльфам остановиться, а остальные таны и знатные члены королевского совета выступили вперед.

Король Газарунд сидел на троне из черного гранита с золотой отделкой. Лицо правителя гномов не выражало особого гостеприимства, из-под кустистых бровей сурово блестели черные глаза. На его обнаженных бицепсах сверкали замысловатые браслеты. Поверх простого бело-синего жилета лежала густая черная, с проседью борода, и даже несмотря на то, что была заплетена в косички и продета в петли на ремне, она едва не касалась пола. Лицо короля покрывали морщины, складки и боевые шрамы.

Но более всего бросалась в глаза золотая повязка на правом глазу, и, как показалось Малекиту, она вросла в кожу.

Корона стояла на столике возле трона. Даже очень крепкий гном не смог бы выдержать тяжести этого огромного головного убора. Выполненную в виде боевого шлема корону венчали огромные, как у орла, крылья, а закрывающие щеки заслонки переливались дюжинами бриллиантов. А вместо короны на голове гнома красовалась простая стальная каска.

Таны гномов поднесли королю петицию, — по крайней мере, именно так Малекит истолковал церемонию, каковой оказался свидетелем. Король кивнул, и эльфов жестами подозвали к нему.

Неторопливо, выверенно начался ритуал приема гостей. Король Карак Кадрина и его таны следовали ему с серьезностью и достоинством. Малекит и король обменялись подарками: князю поднесли выкованную гномами золотую брошь, а короля он одарил серебряным эльфийским кубком тонкой работы, отделанным сапфирами.

Малекита представили танам оплота, хотя он тут же забыл длинный список их неудобнопроизносимых имен, а затем эльфов провели в отведенные для них покои.

Спальни оказались удобными, но далеко не роскошными. Мебель в них была сделана для гномов, то есть слишком маленькая и низкая для эльфов. Малекит обнаружил, что ему легче встать на колени рядом с приставленной к стене глиняной чашей для умывания, чем нагибаться к ней.

Очага в комнате он не обнаружил, но из отверстия в стене шел непрерывный поток теплого воздуха. Вероятно, его каким-то образом направляли сюда из расположенных ниже кузниц. Покрывало и обивка кресел, а также набивка матраса оказались очень жесткими. Впрочем, Малекит привык к неудобствам за долгие годы походов.

Немного отдохнув, Малекит дал знать стоявшему за дверью гному, что готов приступить к трапезе, — ему пришлось прибегнуть к языку жестов и показывать, как он подносит ко рту пищу и поглаживает живот. Гном понимающе закивал, пробурчал что-то в ответ и остался стоять на месте.

Малекит послал за Аландрианом и снова попросил еды. В ответ он услышал, что в их честь вечером устраивают пир.

Пир был горой, рекой лился эль, и произносились длинные речи, которых Малекит не понимал. Зал украшало множество флагов и медных щитов с эмблемами различных кланов и гильдий оплота.

За тремя поставленными в ряд столами сидело по сотне гостей, а Малекита и его свиту усадили вместе с королем и его приближенными за отдельный стол.

Блюда из жареного мяса и овощей оказались довольно приятными на вкус, к ним в изобилии подавалась густая подливка, тяжелые клецки и кувшины с элем различной крепости. Малекит привык к деликатным специям и ароматам Ултуана и далеких островов на другом конце мира, и подобная пища камнем опускалась в его желудок. Он начал понимать, откуда у гномов столь внушительное сложение.

Каждую перемену приносили на огромных блюдах, и, после того как король накладывал порцию себе, к угощению тянулись остальные сидящие за столом. По дощатой столешнице вовсю лился эль, и князь подозрительно присматривался к подползавшей все ближе к нему лужице соуса.

Сидевший слева Кургррик весь вечер следил за тем, чтобы его гость не голодал: он половниками накладывал на тарелку князя рагу и украшал его небольшими холмами из картофеля, ячменных лепешек и прочих незамысловатых яств.

После четвертой перемены случилось нечто, порядком удивившее Малекита. В пиршестве наступила небольшая пауза, со столов убрали тарелки, и все гномы достали небольшие мешочки с сухими толчеными листьями. Затем насыпали их в трубки всех видов и размеров, подожгли и стали с явным удовольствием ими попухивать. Зал наполнился дымом из трубок. Он повис над столом, отчего многие эльфы, включая Малекита, начали кашлять. Кургррик принял реакцию князя за тонкий намек и предложил ему свой мешочек с табаком. Малекит с вежливой улыбкой отказался, Кургррик пожал плечами и без видимой обиды убрал мешочек в складки платья.

На столе снова появились тарелки с картофелем, жареной олениной и огромными сосисками, а затем в зале воцарилась тишина. Прозвучало еще несколько речей, которые Аландриан постарался перевести. В большинстве из них говорилось о семейной чести и боевой славе, так что через какое-то время Малекит перестал прислушиваться к переводу и погрузился в свои мысли.

Тут он почувствовал короткий толчок в ребра и увидел, что Аландриан многозначительно на него смотрит. Быстро окинув взглядом затянутый клубами дыма зал, князь убедился, что все гномы выжидательно уставились на него.

— Я думаю, что пришла ваша очередь произнести тост, — с озорной улыбкой прошептал Аландриан. — Мне переводить?

— Лучше не стоит. Я знаю, что ты хорошо изучил их странный язык, но я предпочел бы, чтобы ты случайно не обозвал их короля раздутым бородавочником от моего имени. Я произнесу речь настолько величественную и изысканную, что понимать точное значение моих слов вовсе не обязательно.

Князь Нагарита поднялся, а Кургррик потянулся и наполнил его кружку пивом настолько густым и темным, что его можно было принять за деготь.

— Ваше здоровье, — произнес Малекит, поднимая чашу.

Гномы в вежливом ожидании держали руки рядом с кружками. Они даже не догадались, что он только что сказал.

— Что с ними такое? — уголком рта прошипел Малекит, не убирая с лица благородной улыбки.

— Думаю, они ждут речи подлиннее, — ответил Аландриан. — Вам придется сказать что-то более пространное, чтобы они сочли это полноценным тостом.

— Ладно, — сказал князь, поворачиваясь к королю оплота. — Ваши покои величественны и полны чудес. Я восхищаюсь мастерством вашего народа, и сердце уверяет

меня, что союз с вами принесет много пользы моим людям.

Взглянув на кивающего Аландриана, Малекит понял, что он на верном пути. На лицах гномов отражалось полнейшее непонимание, и князь решил немного себя порадовать:

— Вы очень милые существа, хотя немного немыты и коротковаты.

Эльфы тихо рассмеялись, и их примеру неуверенно последовали гномы.

— Мне очень приятна наша встреча, но должен признаться, что я совершенно не помню, как кого из вас зовут, да и на вид вы все одинаковы.

Бросив быстрый взгляд на Аландриана, Малекит увидел, что тот поджал губы, но не обратил на это внимания и продолжил:

— Меня очень удивило, что из ваших ртов идет дым, как из трубы, и, если я не задохнусь до конца вечера, мне останется лишь поблагодарить богов за неожиданное спасение. Я понимаю, что мы только что познакомились, но надеюсь, что со временем вы поймете, какую милость я оказал вам своим присутствием. На моей родине очень много народу, который никогда не удостоивался чести встретиться со мной, а тут я сижу, ем ваши похлебки и обращаюсь с вами как с равными. Меня заверили, что все вы достойные гномы, так что не обманите моих ожиданий.

Малекит встал и поставил ногу на стол. Для эльфа это оказалось совсем несложно, поскольку стол был чуть выше его колен.

— Так знайте же! — чистым, разносящимся по всему залу голосом провозгласил князь. Возглас привлек внимание даже самых пьяных гостей. — Нам лучше оставаться друзьями. Нагаритяне не тратят время впустую даже с эльфами из других княжеств. Если вы нас обманете, вас ждет быстрая и неотвратимая месть. Мы сожжем эти залы и закидаем костры грудями трупов — выше, чем ваши горы. Мы оставим вам ваши скалистые вершины, а себе заберем равнины и леса. Если вы решите противостоять нам, мы вытесним вас отсюда, как уже сделали с орками и гоблинами. Я с нетерпением ожидаю встречи с вашим Верховным королем, поскольку он почти равен мне по положению, и я надеюсь, что у него достаточно ума для ведения с нами дел. Но предупреждаю: если он мне не понравится, я могу убить вас всех. Если подумать, стоит кому-то исковеркать мое имя, и он попробует моего клинка. Так что лучше не позорьте наследие моих предков своими уродливыми губами и толстыми языками.

С широкой улыбкой Малекит поднял кубок.

— Да восторжествует над вами воля Нагарита! — провозгласил он.

Не успел князь добавить и слова, как Аландриан вскочил на ноги, вскинул свой кубок и издал торжествующий вопль. На лицах многих эльфов читалось потрясение, другие смотрели на князя с одобрением, но все они последовали примеру лейтенанта; через несколько мгновений к ним присоединились гномы, и по залу прокатился хор криков и стук кубков по столу.

— Благодарю! — Малекит вскинул руку, призывая к тишине.

Гномы не поняли его жеста и продолжили стучать и хлопать.

Рука Аландриана потянула его вниз, и Малекит уселся с довольной улыбкой на лице. Его речь завершила торжественную часть, и гномы понесли на стол огромные миски с дымящимся пудингом из вареного зерна и меда и кусками тяжелого пирога, который следовало макать в сладкий соус. За ними последовали блюда с твердым сыром и маленькими бисквитами, вкусом напоминавшими сушеный тополь.

Малекит полностью потерял чувство времени и не мог понять, полночь стоит или

приближается рассвет. Но наконец эльфам позволили вернуться в отведенные для них покои. Многие гномы остались пировать, хотя довольно большая их часть заснула мертвым сном прямо за столами. Высокопоставленным гномам слуги принесли маленькие подушки и осторожно подсунули их под храпящие головы. Менее знатные гномы продолжали спать в крошках и пролитом эле.

Малекита пир утомил больше, чем путешествие, но он улегся в кровать бодрым, даже несмотря на переполненный желудок.

С одной стороны, гномы казались ему чересчур шумными и довольно невоспитанными, но он видел и много доказательств того, что они отличаются любознательностью, наблюдательностью и верностью. Внимание, которое они уделяют своему ремеслу, не уступало эльфийским мастерам, а в производстве оружия и создании механических устройств они превзошли Ултуан. По многим признакам становилось ясно, что гномы знакомы с магией, но Малекит не видел в оплоте ни одного колдуна, а когда по его просьбе Аландриан задал несколько вопросов на эту тему, ему вежливо, но решительно ответили, что у гномов нет волшебников.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Верховный король

Малекиту не терпелось продолжить путешествие к оплоту Верховного короля, поэтому его обрадовало известие, что Кургррик также не хочет терять времени понапрасну. Древесину следовало срочно доставить в шахту под Караз-а-Караком, и компания эльфов и гномов покинула город Карак Кадрин на следующий же день.

Король пришел их проводить, причем за пределами тронного зала он выглядел куда дружелюбнее и доступнее. Он по очереди пожал руки всем эльфам и с приятной потрепал князя по руке. Затем произнес что-то на своем языке, а Малекит кивал и улыбался в ответ — он больше не прислушивался к переводу Аландриана.

Широкий, так что две тележки могли легко в нем разминуться, вымощенный камнем подземный коридор вел на юг. Его освещали фонари, а гладко отшлифованные стены не оставляли места теням. Высокий, в пять-шесть эльфийских ростов, потолок поддерживали мощные колонны из дерева и металла.

Теперь путешественники ехали в тележках. Поездка получалась довольно приятной, но отсутствие дня и ночи начало сказываться на нервах Малекита. Через три дня он начал гадать, сколько еще будет тянуться этот туннель. Через шесть он всерьез заскучал по солнцу, звездам и даже грозовому небу.

Время от времени им встречались сторожевые посты, слегка похожие на встреченные на поверхности земли форты. Их окрестности патрулировали гномы со странными механическими луками.

От основного туннеля постоянно отходили переходы и боковые коридоры, и всюду шагали гномы и ехали их тележки, нагруженные самыми разными товарами: металлическими заготовками, мешками с зерном, корзинами с углем, шахтерским инструментом и многим другим.

К восьмому дню Малекит вновь стал проявлять интерес к путешествию, потому что он только теперь осознал размеры царства гномов. Каждый день они проезжали не меньше пятнадцати лиг, таким образом, позади уже осталось более трехсот шестидесяти миль. Туннель шел практически прямо, то есть они двигались на юг. Если боковые проходы вели к другим оплотам и поселениям, то горы, стало быть, прямо кишели гномами.

Теперь, когда князь размышлял о последствиях союза с этим народом, его былая надменность немного поубавилась. Если нагаритянам удастся заключить союз с гномами, то это значительно укрепит положение Малекита. Теперь он уделял больше внимания отношениям гномов между собой и старался при помощи Аландриана овладеть азами их языка. Он приложил усилия, чтобы запомнить имена своих спутников: такие нелепые прозвища, как Гундгрин, Бордин, Нагрин и Баррнок. Также князь выучил слова, обозначающие «меч» и «топор», и узнал, что проход называется Унгдрин Анкор.

Малекита научили слову «золото», затем еще и еще одному, пока он совершенно не запутался. Во время остановки князь подозвал Аландриана в укромную нишу и потребовал объяснений.

— Азгал, чурк, брин, галаз, гнолген, горл, конк, тиг, рил, скроттиз... — жаловался князь. — Ужасные слова, я до сих пор не могу понять, какое из них значит «золото»!

— Все они означают «золото», ваше высочество, — терпеливо ответил лейтенант.

— Золото золотое! Ну и зачем им для него столько слов?

— Золото и правда золотое, ваше высочество. — Аландриан вытащил из-под мантии цепочку, на которой висел подаренный ему Кургриком амулет. — Но для гнома существует много видов золота. Золото, по внешнему краю чуть красноватое, — это конк. А если внутренний узор выполнен из более мягкого металла — это они называют горл.

— Понимаю. — Хотя на самом деле Малекит ничего не понял.

Аландриан прочел на его лице сомнение.

— Мы видим только один металл, который мы называем золотом, — медленно объяснил он, возвращая амулет на место. — Гномы же видят множество разных металлов и каждый называют своим именем.

— Так каждое слово обозначает один из видов золота? — спросил Малекит. — Мягкое золото, твердое золото, блестящее золото, так?

— Примерно так, ваше высочество, — закивал Аландриан.

— Но ведь не может быть столько видов золота.

— Физически нет. — Лоб лейтенанта сморщился от напряжения, пока он раздумывал, как объяснить свою мысль. — Но для гномов золото обладает не только физическими свойствами.

— А какими еще?

— Для начала — есть счастливое золото.

— Счастливое золото? — нахмурившись, переспросил Малекит.

— Например, золото, найденное совершенно случайно.

— Странно, но, с другой стороны, и сами гномы довольно странный народ.

— Вид золота также меняется в зависимости от того, где оно добыто, где находится сейчас и какую имеет историю, — под требовательным взглядом князя продолжал Аландриан. — Существует слово для золота, которое находится в слитках и еще не обработано. Есть другое слово для золота, из которого уже что-то делали, но потом расплавили. Есть золото для трат, которое они называют «нетерпеливым», и есть золото для хранения. Его название очень похоже на слово, которое они используют для обозначения терпения или ожидания. Есть золото, которым еще никто не владеет: например, жила или займ. И конечно, есть слова для золота, которым ты хотел бы обладать или когда-то владел...

— Достаточно! — отрезал Малекит. — Значит, у них много слов для обозначения золота. Я не собираюсь учить их все.

— О нет, ваше высочество. Даже сами гномы не знают всех имен золота. Тем более что они могут придумывать названия по своему вкусу, и сородичи, скорее всего, их поймут.

Аландриан бросил взгляд на своих спутников: гномы забирались в тележки и готовились к отправлению.

— В любом случае лучше не говорите о золоте очень часто, — сказал лейтенант. — Когда я говорю о нем, у гномов появляется мечтательный взгляд, а некоторые перевозбуждаются. Во время рассказа о золотых воротах Лотерна Кургрик чуть сознание не потерял.

— Значит, лучше не говорить им о сокровищах Атель Торалиена? — спросил Малекит. — На случай, если они решат их отобрать?

— Да, ваше высочество, лучше не говорить.

Малекит понимающе кивнул и бросил взгляд на Кургрика. Тот слегка насупленно

смотрел на их беседу. Князь жизнерадостно улыбнулся и помахал рукой — он старался прогнать появившуюся перед глазами картину, где тан гномов с пеной у рта оглаживал золотую монету.

На десятый день они свернули с основной дороги и, насколько мог судить Малекит, направились на восток. Движение здесь оживилось, из чего князь заключил, что до столицы уже недалеко. Кургрик тоже становился все возбужденнее, и из нескольких выученных слов и перевода Аландриана князь узнал, что гномы планируют достигнуть цели путешествия на следующий день.

Малекит также испытывал некоторую нервозность и постоянно теребил Аландриана, чтобы тот рассказывал ему как можно больше о гномах — и в частности о Верховном короле. Но при расспросах Кургрик по непонятной причине замыкался; от него удалось лишь узнать, что короля зовут Снорри Белобородый и что он первый правитель, объединивший все оплоты. На следующий день Малекиту предстояло встретиться с этим правителем.

Пока караван готовился к последнему переходу, князь Нагарита достал из сундука свой лучший плащ — фиолетовый, с вышитыми золотом двумя свернувшимися драконами. Затем надушил волосы и расчесал их серебряной щеткой, инкрустированной пятью рубинами и тремя алмазами размером с кончик пальца. После такого туалета он почувствовал себя достаточно величественным и уселся рядом с Кургриком в передней тележке. Гордость князя немного задело то, что ему пришлось практически упираться подбородком в колени.

Чтобы попасть в столицу гномьего царства, нужно было проехать через широкие золотые ворота. Встроенные рычаги и шестеренки позволяли им открываться от единственного нажатия, совершенного без усилий. Ворота украшали вертикальные ряды рун, разделенные сверкающими алмазами.

Обрамляли вход две колонны из черного мрамора со старательно вырезанными хмурыми лицами предков. Плиты пола пестрели узорами.

Кургрик произнес что-то, обращаясь к Аландриану.

— На этих плитах вырезаны символы всех оплотов, — перевел лейтенант.

Малекит ничего не ответил и взглядом опытного воина оценил защиту ворот. Боковые башенки с железными дверьми нависали над проемом. Множество бойниц и узких окошек позволяли защитникам простреливать пространство перед воротами безопасно для себя. Вверху обнаружили отверстия для кипящего масла.

Князь отметил все эти хитрости и понял, что столица гномов практически неприступна. Унгдрин Анкор связывался с другими гномьими городами под землей, так что даже долгосрочная осада была невозможна, — ведь если не контролировать подземные проходы, то не удастся перекрыть доставку продовольствия. Малекит по опыту знал, что ни одна крепость не является абсолютно неприступной, но цена взятия гномьей столицы столь высока, что гораздо разумнее подружиться с гномами, чем без нужды злить их.

Когда гномы слезли со своих тележек, Кургрика и его товарищей встретили похлопыванием по спинам и радостными восклицаниями. На эльфов местные гномы бросали любопытные взгляды, но совсем без того изумления, каким их встретили в Карак Кадрине.

По мере продвижения по столице уверенность князя все возрастала: эти гномы уже

знакомы с эльфами. А если вспомнить первую реакцию Кургррика, то сейчас становилось ясно: тан удивился не потому, что увидел эльфов впервые, а потому, что не ожидал их встретить в том лесу.

Когда эскорт из вооруженных до зубов гномов провел их в тронный зал Верховного короля, опасения Малекита подтвердились. Роскошью и размерами зал превосходил даже Карак Кадрин, а стены его украшало так много щитов, флагов и золотых эмблем, что лишь кое-где проглядывала каменная кладка. Пол устилали золотые плиты, инкрустированные рубинами, а с потолка свисало множество светильников. К помосту с большим, отделанным золотом и драгоценными камнями тронном вела целая сотня ступеней. В зале собралось несколько дюжин гномов благородного вида в дорогих одеждах.

Но что более всего поразило Малекита, так это то, что возле трона он увидел двух эльфов.

Одного Малекит узнал сразу же. Это был князь Аэрнуис из Эатана, известный мореплаватель, который провел через океан первые эльфийские корабли. Больше сорока лет о нем никто ничего не слышал, и на родине считали, что последнее путешествие окончилось его гибелью. Но теперь Малекит понял причину его столь длительного отсутствия.

Второго эльфа князь Нагарита не знал, но предположил, что это один из советников Аэрнуиса. Эльфы обернулись и заметили входящих сородичей. Хотя яркий свет фонарей слепил глаза, князю показалось, что бледные лица эльфов побелели еще больше.

Кургрик заторопился вперед, чтобы представить Малекита Верховному королю. Правитель гномов сидел на троне, облокотившись на колени и подперев рукой подбородок. При приближении Кургррика он выпрямился и внимательно выслушал длинную речь тана. Затем кивнул и перевел строгий взгляд на Малекита.

— Добро пожаловать в Караз-а-Карак, — произнес Снорри Белобородый, и князь непроизвольно поморщился при звуках ломаного эльфийского, хотя больше его удивило, что король вообще знает этот язык.

— Приветствую тебя, король. — Малекит быстро овладел собой и вложил во фразу все свои знания гномьего языка. Он не обратил внимания на усмешки на лицах Аэрнуиса и его приближенного, а на лице короля не отразилось ни удивления, ни злости. — Я Малекит.

Снорри удовлетворенно кивнул и жестом пригласил князя подойти к длинному подьему на помост. Малекит оглянулся на Аландриана, чтобы подать ему знак следовать за ним. Шагая через ступеньку, князь в развевающемся плаще взлетел по лестнице.

— Малекит? — сказал незнакомый эльф. — Тебя мы никак не ожидали здесь увидеть.

— Мне тоже так показалось. Ты знаешь меня, но я до сих пор не знаю, кто ты. Будь добр, сообщи свое имя Аландриану, чтобы я знал, кого мне придется убить за пренебрежение моим титулом.

— Сутерай, — выдавил эльф, бросив боязливый взгляд на своего князя. Малекит недовольно приподнял бровь, и с видимым содроганием Сутерай добавил: — Ваше высочество.

Верховный король с интересом наблюдал за их стычкой; совершенно очевидно, что он уловил оскорбительный тон Малекита, хотя и не понял, что именно произошло. Затем Снорри пристально поглядел на Аэрнуиса, но тот улыбнулся и ответил что-то на гномьем языке.

— Неслыханно! — вспыхнул за спиной князя Аландриан, и Малекит с вопросительным видом обернулся к нему.

По лицу Сутерая пробежала судорога, а Аэрнуис дернулся от смущения.

— Насколько я понял, князь только что представил вас королю как некоего мелкого дворянина, — тихо пояснил лейтенант и тут же торопливо добавил: — Не реагируйте слишком резко, у меня есть предчувствие, что Аэрнуис пригрел здесь себе местечко и на хорошем счету у короля.

Малекит внял его предостережению и подавил гнев.

— Представь меня Верховному королю полным титулом, чтобы он понял, с кем имеет дело, — ровным голосом приказал Малекит, не спуская пронзительного взгляда с Аэрнуиса.

Аландриан говорил довольно долго, и князь догадался, что лейтенант и правда перечисляет все его титулы и регалии. Короля его речь не слишком впечатлила, но он бросил вопросительный взгляд на Аэрнуиса и только затем ответил Аландриану.

— Король Снорри спрашивает, почему эльфы считают необходимым иметь так много титулов, — перевел Аландриан. — Его самого называют просто Верховным королем.

«Потому что мы ценим престиж и звание гораздо больше вас, пещерные дикари», — мысленно взорвался Малекит, но вовремя прикусил язык.

— Скажи ему, что такие длинные титулы используются редко, — после короткого раздумья произнес он вслух. — Например, в том случае, когда низший по званию забывается и выказывает неуважение.

Аландриан постарался перевести его фразу как можно точнее, и Верховный король недовольно перевел взгляд на Аэрнуиса. Правитель гномов поджал губы и обдумывал происходящее. После затянувшейся паузы Снорри встретился взглядом с Малекитом — и в его глазах блеснул подозрительный огонек. Затем король расплылся в улыбке, не сдержался и расхохотался. Князь обнаружил, что и сам улыбается: веселье короля оказалось заразительным, ведь в нем не было и намека на насмешку.

Снорри поднялся с трона и подошел к Малекиту, схватил его за руку и принялся крепко ее пожимать и похлопывать его по плечу. Когда король вернулся на свое царственное место, Малекит не смог сдержать коварную усмешку в сторону Аэрнуиса, отчего соперник разъярился еще больше.

Затем король пробурчал что-то на гномьем языке и жестом отослал их. Малекит задержался для поклона — он решил закрепить свою небольшую победу. По лестнице он спускался вместе с Аэрнуисом.

— Я жил здесь три года, — объявил Аэрнуис. — Я потратил много сил, чтобы завоевать доверие Верховного короля. Вы не можете просто войти в Караз-а-Карак и получить те же привилегии, что и я.

— Не забывай, с кем ты разговариваешь, Аэрнуис, — предостерег Малекит. — Я знаю, что гномы не любят смертоубийство еще сильнее, чем наш народ, но, если я не получу от тебя удовлетворительных ответов, я просто перережу тебе горло.

— В этих залах ваши угрозы пусты, — фыркнул эатанский князь. — Я нахожусь под защитой короля Снорри; если вы попытаете причинить мне зло, гномы расценят это как нападение на самого короля.

— Посмотрим, сколько продлится его милость. Ты не сможешь прятаться за его бородой вечно. Ты низко поступил со мной, князь, а такого я не прощаю и не забываю.

У нижних ступеней лестницы Малекит чуть повернулся и положил руку на плечо Аэрнуиса — с помоста, где сидел король, его жест выглядел выражением дружбы. На самом же деле эатанский князь съезжился под железной хваткой Малекита.

— С нетерпением жду времени, когда твой скелет будут обглаживать вороны, — самым ласковым тоном произнес Малекит. — Единственный способ вернуть мою милость — это служить мне верой и правдой. Расскажи мне все, что знаешь о гномах, и то, как ты оказался здесь, и я подумаю об отмене приговора.

Аэрнуис заглянул в глаза нагаритского князя, надеясь увидеть там хотя бы намек на шутку, но не нашел ничего подобного: взгляд, абсолютно лишенный эмоций, как у голодной акулы. Аэрнуис высвободился из хватки Малекита и расправил складки на платье. Затем развернулся и зашагал прочь под насмешливое хмыканье стоявших у входа нагаритян.

Этой же ночью, хотя Малекит и не мог сказать с уверенностью, день или ночь стоит на поверхности, Аэрнуис пришел в его покои. Он вел себя так, будто искал примирения, и даже отвесил при входе формальный поклон — его величавость немного подпортил тот факт, что рослому эльфу и без того основательно пришлось пригнуться, чтобы пройти в дверь.

Малекит сидел на кровати, прислонившись спиной к стене. Он переоделся в просторное фиолетовое платье, а доспех князя аккуратно лежал на полу рядом, ведь в комнате не нашлось достаточно высокой подпоры для него. Меч и шлем слуги положили на низкие полки. Князь вертел в пальцах подаренную ему в Карак Кадрине брошь, и после первого взгляда на гостя вернулся к изучению мастерской работы.

— Боюсь, что произошло досадное недоразумение, — начал Аэрнуис. — Я, естественно, готов поделить выгодами, которые может принести дружба с гномами. Я здесь почти один и, живя среди гномов, приобрел, видимо, кое-какие дурные привычки. Одним словом, я буду счастлив послужить вам в любом качестве на благо Ултуана.

— Продолжай, — приказал Малекит, не поднимая глаз.

— Мне потребовалось много лет, чтобы выстроить отношения с гномами. И только последние три года я провел в окружении Верховного короля. До этого я жил на юге, в Карак Изриле, — этот город отстоит так же далеко от столицы, как и Карак Кадрин, откуда прибыли вы. В свое время мы искали проход на восток, но штормы отнесли нас к юго-западному гористому побережью. Корабль мы не смогли спасти и высадились на берег с небольшими припасами, совершенно не представляя, где оказались.

— Звучит мрачно, — пробормотал Малекит. Он все так же рассматривал брошь.

— Так оно и было. — Аэрнуис не обратил внимания на иронию князя. — Прибрежная полоска земли между морем и горами кишит орками, жуткими созданиями, которые живут ради разрушения и убийств.

— Да, нам тоже они попадались. — Малекит продолжал выказывать полное равнодушие к рассказу. — Мой меч близко познакомился со многими.

— На нас напали едzące верхом на волках гоблины и отогнали еще восточнее. Мы сражались как могли, но их атаки не прекращались. Мы блуждали несколько месяцев, пытаюсь выйти к горам, но слишком часто наш путь пересекали банды мародеров и отряды орков. Дичи в тех землях немного, так что голод преследовал нас наравне с гоблинами. Когда нас осталась всего горстка, выжившие решили вернуться к побережью в надежде, что на поиски нас отправится какой-нибудь корабль. Я знал, что это неразумно, ведь нас вынесло сюда совершенно случайно, но не смог переубедить команду, и мне пришлось их отпустить. Со мной остался только верный Сутерай.

— Очень трогательно, — произнес Малекит. Он кинул брошь на стоящий рядом с кроватью столик и встал напротив этанского князя. — Так расскажи мне, добрый адмирал,

чем же ты занимался последние сорок лет?

— Мы с Сутераем добрались до подножия гор. Шли по ночам, а днем прятались. — Затравленное выражение Аэрнуиса выдавало пережитый когда-то страх. — Мы вышли к странному зданию — оно показалось нам заброшенным, и мы решили в нем укрыться. Орки к нему не приближались, так что мы провели там некоторое время. Как вы понимаете, мы нашли гномий форт, и через шесть дней в него вернулись хозяева. Поначалу они собирались убить нас, но, видимо, мы выглядели настолько потрепанными и жалкими, что это остановило занесенные топоры. Любопытство возобладало, и гномы отвели нас в Карак Изрил, где мы и прожили много лет.

Аэрнуис заметил недоверие на лице Малекита и вздохнул.

— Мы остались вдвоем, оторванные от родной земли, — сказал он. — Мы не знали, есть ли тут эльфы, а если есть, как с ними связаться. И даже когда мы немного изучили язык гномов и те начали нам доверять, мы не могли уйти. Куда бы мы пошли? В пустоши — искать друзей, которых, скорее всего, там нет? Я чувствовал себя так, будто нашел все сокровища мира, но рядом не было никого, с кем можно ими поделиться.

— Сокровища? — нагаритский князь отбросил безучастную маску.

— Вы же видели обстановку их залов, серебряные и золотые украшения, мастерски изготовленное оружие. И это всего лишь крохотная доля таящихся в горах богатств. Я видел ломающиеся от драгоценных камней и металлов сокровищницы в каждом оплоте. Гномы ценят золото превыше всего и собирают его, как белки копят орехи к зиме. И если мы сможем установить торговлю с гномами, мы с вами станем самыми первыми среди князей Ултуана.

— Я и так стою выше всех князей, — ответил Малекит.

— Ваши солдаты так не думают.

— Что ты имеешь в виду? — зло переспросил Малекит.

— Сутерай говорил со многими из них, и ему рассказали, что Бел Шанаар обладает огромной властью. Да, ваше влияние в колониях значительно, но кто может сказать это и про метрополию? Однако если вы сумеете договориться с гномами и выступите в качестве посредника между ними и тронем Феникса, то судьба Бел Шанаара окажется в ваших руках.

— Аландриану следует научиться держать язык за зубами, — проворчал Малекит.

— В моем лице вы получите союзника, который готов говорить от вашего лица с королем Снорри, — продолжил Аэрнуис. — А без моего вмешательства вам потребуется не менее двадцати лет, чтобы заслужить его доверие, за такое время многое может измениться. Мы оба случайно встретили этот народ, но наши города растут, и все больше эльфов перебираются жить в колонии, так стоит ли ждать, пока с гномами встретится кто-то еще? У нас есть возможность создать нечто, что внесет наши имена в историю, но судьба не будет ждать вечно.

— Видимо, я ошибся в тебе, — протянул Малекит, и на лице Аэрнуиса вспыхнула надежда, которая тут же погасла при виде выражения лица нагаритского князя. — Я решил, что ты трус, а ты, оказывается, торгаш. Я князь Нагарита, воин и командир, а не купец, чтобы заключать сделки и торговаться со всякими ничтожествами.

— А насколько славной станет армия Нагарита, обладая богатством этих гор? — с улыбкой спросил Аэрнуис. — С выкованными гномами копьями в руках и стрелами в колчанах? Вы видели их постройки из камня. Пусть они выглядят грубовато, но благодаря их опыту мы можем строить прекрасные дворцы, в которых будем проводить нашу долгую

жизнь, а вздымающиеся к облакам замки будут защищать наше царство вечно. Нынешние изделия гномов незатейливы, но подумайте, на какие чудеса будет способно их мастерство при руководстве эльфов. Союз с гномами принесет нам не только торговые выгоды, но эру подлинного эльфийского владычества.

— Не думаю, что они легко выдадут нам свои секреты, — возразил Малекит.

— Конечно нет. Но если они вообще с кем-то ими поделятся, то определенно с нами!

Малекит снова сел и задумался. Он представил легионы Нагарита, марширующие по проложенной среди холмов дороге, по мостам через широкие реки и горные ущелья. Он давно заметил странные механические луки гномов и несколько раз уже прикидывал, чего бы могли достичь эльфы, обладай они таким оружием.

Только некоторое время спустя он вспомнил, что Аэрнуис все еще в комнате. Малекит поднял взгляд на эатанского князя — пока он рисовал себе картины будущего, того терзали сомнения.

— Хорошо, — принял решение Малекит. — Ты доказал, что можешь быть мне полезен, и пока я оставлю тебя в живых. Теперь иди.

Аэрнуис поклонился, пытаясь сохранить достоинство, и вышел. Малекит снова взял со стола брошь и оглядел ее, обводя пальцем тонкие узоры. Затем с улыбкой встал, прицепил ее к мантии и послал за Аландрианом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Звери в горах

Сказанное Аэрнуисом оказалось правдой. Гномы старались не иметь дела с чужеземцами. Но благодаря долгому пребыванию в Караз Изриле и примерному поведению Аэрнуис снискал уважение гномов, которое распространилось и на Малекита.

Правитель Нагарита отправил часть своей свиты обратно в Атель Торалиен, чтобы в Караз-а-Карак прибыли писцы и дипломаты. Гномы поступили так же: ото всех горных оплотов в столицу были направлены представители, поскольку предстоящие переговоры касались не только столицы, но и всего гномьего королевства.

Подготовка заняла все лето, и Малекит постоянно отсылал в Ултуан обычные донесения, чтобы не возбудить на родине каких-либо подозрений. Он передавал как можно меньше информации, чтобы оставаться необходимой для переговоров фигурой. Позиции его способствовало то, что единственные эльфы в мире, которые понимали язык гномов, были на его стороне: Аэрнуис, Аландриан и Сутерай.

За время ожидания Малекит постарался заслужить расположение короля Снорри. Сперва он искал в этом лишь выгоду, но затем неожиданно проникся настоящей симпатией к Верховному королю. Князь проводил в компании короля все больше и больше времени, благо уже неплохо освоил язык гномов.

— Что в Нагарите лучше всего? — однажды спросил его Верховный король.

Они беседовали в приемной возле покоев короля. Малекит сидел на специально изготовленном для него стуле, а король откинулся в глубоком кресле с обивкой из оленей кожи. На низком столике между ними слуга поставил кувшин с элем и большую тарелку с пирогами.

— Голубое небо, — не раздумывая, ответил Малекит. — Холодный воздух и северный ветер так бодрят! Иногда ветер пролетает через сосновые леса, в другой раз завывает над горными вершинами.

— А что ты думаешь о наших горах? — продолжал Снорри. — Они похожи на твои?

— Они выше гор Нагарита, — засмеялся Малекит. — Но я путешествовал только под ними и еще ни разу не ходил по ним.

— Это плохо! — провозгласил Снорри и вскочил на ноги. — Я буду никудышным хозяином, если познакомлю тебя только с красотой моих покоев, но не покажу мои земли. Ты любишь охоту?

— Очень. В Кольцевых горах я выслеживал и убивал многих опасных зверей.

— Ты когда-нибудь убивал тролля? — с энтузиазмом спросил Снорри. — А скального змея или саблезуба?

Малекит покачал головой. В Ултуане такие звери не водились, или их называли другими именами.

— Тогда мы устроим охоту на троллей! — Бородатое лицо Снорри расплылось в улыбке.

Через два дня Малекит стоял на продуваемом ветром валуне над глубоким горным ущельем. Он, Аландриан, Верховный король и десятки охранников находились в нескольких милях к северу от Караз-а-Карака. Хотя была уже середина весны, горный воздух оставался ледяным, и охотники кутались в меховые плащи.

Снорри указал на густой лес по другую сторону ущелья. Стволы невысоких деревьев поражали своей толщиной и сильно походили на гномов.

— Вутруф, — произнес король. — Самое крепкое горное дерево. Этот лес старше Караз-а-Карака, и мы срубаем только пять деревьев в год. Тут обитают странные и опасные звери.

— Так вот почему мы здесь, — с улыбкой сказал Малекит.

— Именно так.

Верховного короля переполняла энергия, и он первым двинулся вниз по извилистой дороге между скалистыми выступами. Снорри перепрыгивал с камня на камень с удивительной для его веса резвостью. На ходу король выполнял роль гида.

— Вершина на западе, с пурпурными откосами, называется Караг Казор. В ее огненном чреве Грунгни выковал первый топор для Гримнира.

Над их головами пролетела стая темных птиц с ярко-красными клювами.

— Кровавые вороны! — воскликнул Снорри. — Хороший знак. Они падальщики. Если они обитают здесь в таком количестве, значит, им есть чем поживиться. И значит, поблизости есть какие-то хищники!

Снорри рассказывал о всех встреченных минералах и растениях, зверях и птицах. Солнце поднялось к зениту, потеплело, и охотники наконец подошли к опушке леса.

— Я скоро вернусь, а вы можете пока немного передохнуть, — сказал Снорри.

В сопровождении горстки своих воинов король углубился в лес. Оставшиеся гномы расселись на камнях и пнях, вынули из заплечных мешков хлеб и пахучий сыр и приступили к трапезе.

Малекит не успел проголодаться, поэтому просто наблюдал за гномами. Те вели себя вполне непринужденно, но время от времени бросали быстрые взгляды по сторонам. Князь решил, что они на всякий случай охраняют Верховного короля и от эльфов тоже.

Снорри вскоре вернулся, на его простоватом лице сияла улыбка.

— Следы, здоровенные! — сказал он. — И насколько я могу судить, свежие.

Король велел сниматься с места; гномы встретили приказ тихим, незлобным ворчанием. Гномы предпочитали оставаться под землей, и свита Снорри не отличалась в этом отношении от своих соплеменников. Тем не менее они успели привыкнуть к странной любви их короля к открытому небу и свежему воздуху и потакали ему в этой слабости.

Несколько сотен шагов в лес — и они вышли на след. Малекит опустился на колено. Князь увидел след длиной в локоть и очень широкий. Он немного походил на следы орков или гоблинов, но был крупнее, а отпечатки четырех пальцев заканчивались ямками от изогнутых когтей.

— Троль, — довольно закивал Снорри. — Тебе повезло. Обычно тролли в это время года уходят на север. Наш либо чересчур глуп, либо гораздо умнее обычного тролля.

— Почему? — спросил Малекит.

— Если он глуп, то не понимает, что летом тут для него станет слишком жарко, — объяснил король. — А если он умен, то понял, что другие тролли ушли и ему достанется много добычи.

— А для нас есть разница? — поинтересовался Аландриан.

— И да и нет, — пожал плечами Снорри. — Глупого тролля легче поймать, но он будет драться. Умный догадается, что ему угрожает опасность, и попытается убежать.

Они пошли по следу на северо-восток, все глубже в лес. То тут, то там им встречались

обглоданные останки животных и кучи невероятно вонючих экскрементов. По ним Снорри заключил, что тролль близко.

— Уже полдень, так что, скорее всего, он прячется где-нибудь в тени, — объяснил Верховный король. — Недалеко есть несколько пещер. Надо поймать его до наступления ночи, иначе он может уйти отсюда, и мы никогда его не найдем.

Охотники продолжили идти по следу, и тот действительно привел их к пещерам. Солнце уже начинало клониться к западным склонам гор. Через плотные кроны деревьев иногда проглядывали кусочки неба: оно темнело и затягивалось тучами.

Короткий горный день подходил к концу, когда Снорри вывел их из леса на высокий утес. Белый склон испещряли темные отверстия.

— Он в одной из пещер, — довольно пророкотал Снорри.

Король сделал знак одному из гномов, и тот подал ему арбалет. Изделие работы лучших мастеров было украшено драгоценными камнями и серебром, а спусковой крючок отделан золотом. Король с размеренной точностью зарядил арбалет, а Малекит вынул из колчана на спине лук и быстро натянул тетиву. Затем достал оперенную черными перьями стрелу и взгляделся в темные отверстия пещер всего в нескольких десятках шагов.

— И как надо охотиться на тролля? — спросил он.

— Мои парни выманят его, — ответил Снорри. — Или он выгонит их наружу... В любом случае лучше вывести его на открытое место.

— И куда надо целиться, чтобы убить его?

Снорри засмеялся:

— Это вам не олень или медведь, которых можно убить одним выстрелом. У троллей крохотный мозг, и я видел, как они продолжают сражаться с тремя арбалетными болтами в голове. Сердце укрыто за толстенными ребрами. Лучше всего действует огонь, потому что спаленная плоть не вырастает заново.

Для наглядности король сунул в руки Малекиту один из болтов и указал на его наконечник. На острие была выцарапана крохотная, переливающаяся нездешним огнем руна.

— Но чтобы его добить, может понадобится меч, — добавил он, забирая болт.

Тем временем дюжина гномов уже направилась к пещерам с горящими факелами в руках. Князь не чувствовал страха: не родилось еще в этом мире создания, которое было бы ему не по силам. Но сердце забило в предвкушении, и он видел, что Снорри тоже не терпит встречи с добычей.

Верховный король почувствовал его взгляд и подмигнул эльфу.

— Весело, да? — хмыкнул он.

Гномы с факелами уже вошли в пещеры, и огоньки исчезли в темных ходах. Вскоре послышались крики, из одной пещеры выскочили три гнома. На бегу они оглядывались — не в панике, но чтобы убедиться, что добыча следует за ними.

Действительно, в дюжине шагов от них бежал тролль.

Высокий и нескладный, вдвое выше Малекита, с мускулистыми конечностями и огромным вздутым брюхом. На морде выделялись плоский нос и крохотные глаза без малейшего проблеска разума. На его голове и плечах виднелись островки шерсти. Большие рваные уши развевались по бокам, а из широкого разинутого рта торчали сколотые зубы. Длинные руки-лапы заканчивались похожими на дубины кистями с поломанными когтями.

С визгливым воем тролль вприпрыжку бежал за гномами, иногда опускаясь на четвереньки и принохиваясь. Снорри сделал первый выстрел. Арбалет громко щелкнул, и в

полете острое болта вспыхнуло пламенем. Болт попал в левое плечо тролля и заставил того зарычать.

Гномы-загонщики разбежались в стороны, а тролль понесся по склону к Малекиту и Верховному королю. Князь сделал вдох и прицелился. Он пробормотал простое заклинание, и наконечник стрелы вспыхнул голубым пламенем. С легким вздохом Малекит отпустил тетиву, стрела пролетела через поляну и впилась в левый глаз тролля.

Тот с воем покатился по земле, молотя в воздухе руками. Князь повернулся к Снорри — Верховный король снова заряжал арбалет.

— Не с первого выстрела? — с улыбкой спросил Малекит.

— Не считай золото, пока не отобрал у орков, — проворчал Снорри, не поднимая глаз от арбалета.

Малекит перевел взгляд на тролля и открыл от удивления рот. Тот уже поднялся на ноги. Из левого глаза торчало оперение стрелы, а пылающий наконечник выходил из его затылка. Зверь повернулся к охотникам и издал злобный рев, а затем с удивительной скоростью бросился к ним.

— О... — только и смог выдавить князь.

Он быстро взял себя в руки и выпустил в приближающееся чудовище еще три стрелы — каждая со вспышкой синего пламени вонзилась троллю в грудь. Тролль расвирепел еще больше, нагнул голову по-бычьи и ринулся на князя, из-под когтистых ног летели комья земли.

Снорри выпустил еще один болт, который проткнул над коленом правую ногу чудовища. Тролль споткнулся и упал. Он немного постоял на четвереньках, очумело потряхивая головой, но снова поднялся и бросился в атаку.

Гномы начали перекрикиваться, и в тролля полетел целый рой арбалетных болтов. Некоторые пролетали мимо, другие достигали цели, но особого урона ему не наносили. Тролль развернулся к ближайшему из них, гному по имени Годри, одному из близких компаньонов короля. По доспеху гнома проскрежетали когти, на землю посыпались окровавленные железные кольца кольчуги, и гном завалился на спину.

Затем тролль снова повернулся к Малекиту и Снорри — его лицо и руки были забрызганы кровью.

Снорри еще не успел перезарядить арбалет, а тролль приблизился уже почти вплотную к нему. Малекит выхватил Авануир и прыгнул навстречу зверю. Сверкающий синий клинок одним взмахом рассек ребра чудовища. Тролль не обратил на рану никакого внимания.

Снорри бросил в морду зверя незаряженный арбалет, выхватил из-за пояса топор и нанес удар. Тут же оба они покатались по склону. Тролль кусался и рвал когтями, Снорри пытался еще раз ударить его топором. Троллю удалось подмять под себя Верховного короля, и он уже открыл пасть, чтобы откусить своей добыче голову.

Малекит воспользовался моментом и метнул Авануир, направив его полет при помощи магии. Меч завертелся в воздухе, ударил тролля в затылок и снес ему полчерепа, затем развернулся в воздухе и поразил тролля в грудь.

С последним содроганием огромное безжизненное тело рухнуло на короля гномов.

Малекит тут же подбежал к королю и с облегчением обнаружил, что тот жив. Эльфийский князь не без труда столкнул труп тролля с придавленного гнома, и Снорри смог подняться на ноги.

Кровь тролля перепачкала бороду и кольчугу короля, с наверхия его шлема свисали

окровавленные ошметки. Затянутой в кольчужную перчатку рукой Снорри с омерзением почистился как мог, затем повернулся к Малекиту и принял величественную позу с высоко поднятой головой.

— Поздравляю, — торжественно произнес Верховный король. — Ты только что убил своего первого тролля.

Дружба между князем и Верховным королем крепла. Дней за двадцать до начала назначенных переговоров до столицы дошли слухи, что к югу от горного озера Черные воды обнаружена большая армия зверолодей и короли Карак Варна и Жужфара начали опасаться за безопасность своих оплотов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Малекит воодушевился — ведь он провел большую часть лета совершенно без дела в залах Караз-а-Карака. А узнав, что король Снорри планирует военную экспедицию против порождений Хаоса, Малекит пришел в тронный зал и предложил услуги своего отряда. Поначалу Снорри отнесся к его предложению с сомнением.

— В моем распоряжении вся армия Караз-а-Карака, — сказал король. — Зачем мне горстка в пятьдесят воинов?

— В спокойные времена союзники могут многое узнать друг о друге, но в бою они узнают гораздо больше, — ответил Малекит.

— Ты прав, — кивнул Снорри. — Тем не менее я бы не хотел, чтобы потомки называли меня «гном, который рисковал жизнью своих друзей».

— Не бойся за нас, мы рождены воинами. Армия Нагарита лучшая на Ултуане и самая сильная в мире, за исключением, возможно, твоей. Пусть со мной лишь горстка моих солдат, но я хотел бы показать тебе, на что мы способны. Мы можем стать торговыми партнерами, но в наше опасное время гораздо важнее стать товарищами по оружию.

— Твоими устами глаголет истина, — с улыбкой согласился Снорри. — Никто не дерзнет сказать, что я не готов показать эльфам подлинную мощь гномьего топора! Битва демонстрирует смелость и дисциплину. Возможно, настала пора оценить эти качества у эльфов.

— А мы посмотрим на гномов, — поддразнил его Малекит.

— Тоже верно.

Снорри наградил его задумчивым взглядом. Оба понимали, что, увидев друг друга в битве, каждый сможет лучше оценить возможного союзника, его силу и, если дело пойдет скверно, слабость.

Поэтому через два дня после аудиенции нагаритяне выступили вместе с армией Караз-а-Карака. Возглавлял гномов Снорри, и его войско являло собой внушительную силу. С вышки над городскими воротами перед эльфийским князем открывался великолепный вид на широкую горную дорогу и марширующие по ней колонны.

Каждый гном имел персональное оружие. Кто-то нес топор, другой — молот, у многих за спинами болтались луки или столь любимые гномами арбалеты. На щитах переливались эмблемы и руны разных кланов. Рядом с князем стоял Аэрнуис. Эатанский князь и его компаньон не получили приглашения присоединиться к походу: Малекит решил, что лучше не подрывать готовящуюся демонстрацию военной мощи Нагарита присутствием двух эльфов-соперников.

Барабанщики выбивали военные ритмы, а трубачи извлекали из своих инструментов низкие, скорбные ноты. Некоторые гномы несли только что выкованное оружие, а другие вооружились наследными реликвиями, с вошедшими в историю названиями.

Снорри выделялся даже в этой весьма пестрой толпе. Он шагал впереди, его окружало четверо знаменосцев с вытканными из металлической нити знаменами с магическими рунами.

— Тот, кто идет перед королем, несет хоругвь Верховного короля, — объяснил Аэрнуис. — Гном справа держит штандарт клана Снорри, слева — знамя оплота, а четвертый несет личный флаг короля.

Короля защищал полный доспех. Вырезанные на полированной стали магические руны светились силой. Топор короля выглядел не менее внушительно, три выгравированные руны на клинке несли смерть всем врагам Верховного короля. Обоюдоострый топор светился мистической энергией, а король держал его над головой как перышко. Его взмахом он отправил армию в поход. Золотой боевой шлем Снорри тоже был украшен магическими символами, дарующими отвагу.

— Шлем короля выкован самой Валайей. По крайней мере, так утверждают гномы, — сказал Аэрнуис. — Руны на нем заколдованы: любой, кто глянет на Верховного короля, проникается благоговением; врагам же король кажется жутким кошмаром и наполняет их сердца страхом.

— Я ничего не чувствую и не вижу никаких кошмарных видений, — произнес Малекит.

— Тогда, возможно, вы не друг и не враг.

Князь строго посмотрел на Аэрнуиса, но не заметил на его лице усмешки.

— Может быть, я просто слишком далеко стою.

Рядом со Снорри собирались таны и телохранители, отобранные из лучших воинов. Они носили огромные топоры и молоты и доспехи настолько толстые, что те могли отразить практически любые удары.

Длинные бороды достойных воинов доставали до лодыжек; чтобы защитить драгоценную растительность, они носили привязанные к косичкам бород слоеные пластинки, так что никакой порез не смог бы повредить их. За проведенное в Караз-а-Караке время Малекит многое узнал о гномах и их бородах и понимал, что гладкие лица эльфов вызывают у них подозрение. «Бороденками» часто называли молодых гномов, а «безбородый» считалось смертельным оскорблением, синонимом бесчестия.

— И все-таки они похожи на какой-то сброд, а не на настоящее войско, — заметил князь.

Гномы выходили из ворот без определенного порядка и ритма, каждый шагал, как ему вздумается. Они посасывали трубки, что-то жевали, болтали и вели себя совсем не по-военному. В их рядах напрочь отсутствовала выправка, к которой Малекит привык, глядя на своих копейщиков.

Армия гномов выглядела так, будто отправлялась на прогулку, а не навстречу возможной смерти. Малекит заподозрил, что, после того как много лет назад гномы обрели власть над горами, они не сталкивались с серьезным противником и расслабились.

И пока Малекит размышлял об этом, его посетила еще одна мысль. Отсутствие тревоги, который он наблюдал в поведении гномов, может свидетельствовать о тайных мотивах похода.

— Что ты слышал об армии зверолодей? — спросил он Аэрнуиса.

— Только то, что она велика.

— Очень странно, что Верховный король решил выступить именно сейчас. Может, он хочет запугать меня своей мощью?

— Все может быть, — с сомнением протянул Аэрнуис.

Про себя Малекит рассмеялся мысли, что гномы надеются запугать его таким способом.

— Когда они увидят нагаритян в деле, они поймут, как бесполезны скрытые угрозы, — произнес он вслух.

— Уверен, что так и будет, Малекит, — ответил Аэрнуис. Тон и выражение лица эатанского князя не позволяли судить о его истинном мнении.

Наиболее впечатляющей частью армии гномов были боевые машины. Гномы шли в бой с огромным их количеством. Небольшие механизмы они несли на спинах: пружинные рогатки, которые стреляли горшками с огнем, и натягиваемые специальным рычагом луки — одним выстрелом они выпускали полдюжины стрел. Машины помощнее везли на особых тележках.

— Для чего так много машин? — спросил князь.

— Каждую делают на заказ лучшие столяры и кузнецы оплота. Они относятся к созданию боевых машин с такой же страстью, какую можно ожидать от ювелира или поэта. В каждую вложено немало труда и выдумки.

— И каждая машина уникальна? — Малекит смотрел на вытекающий из ворот бесконечный поток тележек.

— Да, — ответил Аэрнуис. — Как и все производимые гномами вещи, каждая машина имеет собственное имя и записанную в летопись историю, а ее заслуги ценят наравне с подвигами героев.

— Мне это кажется излишеством. Я бы сказал, что гномы слишком много думают о прошлом и недостаточно вглядываются в будущее. Такой подход станет когда-нибудь причиной их поражения.

— Нет, они всегда обдумывают свои действия, — возразил Аэрнуис. — Хотя да, им не хватает нашего эльфийского порыва.

— А что это? — Малекит указал на боевую машину огромных размеров.

— «Волчье копьё», — после недолгого раздумья ответил Аэрнуис. — Если память меня не подводит, «Волчье копьё» — первая боевая машина для охраны ворот Караз-а-Карака. Легенда гласит, что, когда первые орды Хаоса начали наступать на оплот, она сразила четырех великанов.

— А там что за катапульта? — Малекит указал на машину, за которой следовала нагруженная обтесанными камнями тележка.

— А, это «Разрушитель врат». Загадочная машина. Я слышал, что она разбила ворота темной цитадели Тагг-а-Дурз. Когда я спросил, кто еще, кроме гномов, умеет строить крепости, все замолчали. Недовольные выражения лиц заставили меня отказаться от дальнейших расспросов.

— Получается, что у гномов есть враги, о которых мы ничего не знаем?

— Больше я ни разу не слышал упоминаний об этой крепости, — ответил Аэрнуис.

— Ну, скоро мы собственными глазами сможем увидеть наших возможных союзников в деле, — сказал Малекит.

Затем он развернулся и, не обращая на эатанского князя внимания, спустился с башни.

Гномья армия двигалась на север по извивающейся каменистой дороге, она пересекала широкие ущелья по мостам, вздымающимся на сотни футов над бурлящими реками внизу.

Гномы шагали вперед без усталости, ни на что не жалуясь. Ели они прямо на ходу, а когда все-таки разбивали лагерь, каждый гном знал свои обязанности и выполнял их быстро, без указаний командиров.

Князь отметил, что именно это дает гномам силу: каждый полностью полагается на товарищей. Он ценил нагаритян за дисциплину, внимание к своим обязанностям и преданность, но также понимал, что его люди никогда не прославятся исключительным дружелюбием, гостеприимством и любовью к ближнему.

Король выслал вперед разведчиков, и вечером второго дня они вернулись с сообщением, что видели огни в нескольких милях к северо-востоку.

Король позволил солдатам отдохнуть ночью, хотя он несколько раз объяснил Малекиту, что это решение вызвано вовсе не тем, что гномы не могут сразу ринуться в битву, а его желанием ночью посоветоваться с командирами, чтобы вступить в сражение, имея четкий план.

Незадолго до рассвета снова выслали разведчиков, и они вернулись, когда армия уже готовилась выступить: костры погасили и припасы грузили в тележки. Дикая орда из нескольких тысяч зверолодей всех видов и размеров провела ночь в веселье — накануне они разграбили большую пивоварню гномов.

Новость о нападении была встречена проклятиями и размахиванием многочисленных бород. Гномы посерьезнели, и Малекит нашел такую перемену не только быстрой, но и впечатляющей. Одна мысль о том, что зверолоды напали на их собратьев, наполнила гномов гневом.

В считанные мгновения зверолоды превратились из досадной помехи в лютого врага, и армия гномов проделала последние приготовления в спешке — гномы буквально рвались в бой, боясь, чтобы зверолоды каким-нибудь образом не ускользнули от возмездия. Смолкли веселые разговоры, и армия исполнилась целеустремленности. Вместо трубок гномы достали точильные камни и натягивали тетиву на арбалетах. Доспехи проверялись по нескольку раз, а таны двигались вдоль своих отрядов, отдавая суровым тоном приказания и напоминая о принесенных клятвах.

Уверенным шагом войско двинулось на север. Разведчики впереди показывали дорогу — она лежала через глубокое ущелье с густыми зарослями по скалистым склонам. Чем глубже в горы уходило длинное ущелье, тем гуще становились заросли на склонах.

При приближении к неприятелю колонна гномов перестроилась в боевой порядок: король и его ветераны заняли позицию в середине войска, а вооруженные арбалетами гномы и воины в легких доспехах выдвинулись вперед. Стрелки огнем переместились на фланги, а механики начали готовить свои машины.

Около полудня ущелье вывело гномов к глубокой котловине, окруженной скалами. Там и расположились зверолоды. Почву устилала разбитая керамика и раздавленные бочонки с захваченной на пивоварне добычей. На вертелах виднелись обгорелые останки гномов — с них кусками срывали мясо и пожирали его.

При виде подобной мерзости по войску прокатился ропот.

Несколько более-менее трезвых зверолодей заметили выходящую из ущелья армию и с

воем побежали прочь. Один подхватил с земли рог и поднес с губам.

Но не успел он выдуть ни единого звука, как в шею рогатого зверочеловека вонзилась стрела с черным оперением, и он рухнул на землю. Гномы в изумлении обернулись и увидели, как Малекит достает из колчана следующую стрелу.

Зверолюди начали просыпаться и подниматься на ноги. Они хватали суковатые дубинки, кривые ножи и кое-как сколоченные деревянные щиты.

Разнообразие зверолодей решительно не поддавались описанию. У одних были козлиные головы и ноги, длинные спиральные рога антилоп или торчащие изо рта изогнутые клыки. Другие походили на баранов, скорпионов или змей. С тягучими криками и бессмысленным ревом на гномов надвигалась толпа многоглазых и многолапых тварей.

Тревога разносилась по лагерю, котловина гудела от вскриков, кряхтения, визга и лая. Но ветер доносил до Малекита не только звуки, но и запахи. Князя чуть не вырвало от вони. Эльфы кашляли и сплевывали, и даже гномы морщили носы и прикрывали лица затянутыми в кольчужные перчатки руками.

По величине зверолоуди сильно отличались друг от друга. Некоторые не превосходили в росте гномов, хотя и выглядели не такими кряжистыми, — тонкие, с перекошенными лицами и короткими рогами. Другие были ростом с эльфов, только шире их в плечах. Некоторые же возвышались над Малекитом вдвое — их мощные грудные клетки венчали бычьи головы.

Среди зверолодей нередко были альбиносы и существа с полосатой или пятнистой шкурой. С бугристых подбородков свисали длинные бороды, а черные, красные и зеленые глаза смотрели на приближавшихся гномов со смесью страха и ненависти.

Топот подкованных железом сапог гномьего войска тонул в криках и вое; зверолоуди собирались в группы вокруг своих предводителей и готовились встретить нападение.

Колонна гномов растянулась в линию по всей ширине котловины. Стрелки с луками и арбалетами заняли фланги, а более крепкие пехотинцы удерживали центр. Боевые машины сняли с тележек и установили на возвышениях для прострела всей котловины, и, как и предполагал Малекит, все приготовления были проделаны лишь благодаря паре выкрикнутых команд, нескольким коротким сигналам горна и барабанов. Сейчас, на пороге битвы, все движения гномов стали гораздо расчетливее, хотя им все же не хватало выверенной тренировки точности и организованности нагаритян.

Малекит расположил своих воинов поближе к страже Верховного короля в надежде, что таким образом Снорри получит наиболее полное представление об их боевом мастерстве. Из-за недостатка солдат для формирования должного построения Малекит выстроил эльфов так: впереди копейщики, а лучники за ними, готовые стрелять поперх их голов. Князь и Аландриан встали в середине переднего ряда.

— Я не вижу никаких сложностей, — произнес князь. — Беспорядочная толпа против боевых машин и луков будет разбита без труда.

— Какая жалость, ваше высочество, — ответил Аландриан.

Как и весь авангард эльфов, он был вооружен копьем и высоким щитом. Шлем лейтенанта закрывал почти все лицо, оставляя открытым только рот, и Малекит не видел его выражения. Энтузиазма в голосе Аландриана он не услышал.

— Сдается мне, что ты проводишь слишком много времени в разговорах и недостаточно — с клинком в руках, — отрезал князь.

Аландриан поджал от злости губы.

— Я нагаритянин, ваше высочество! — заявил он. — Я рожден воином, и страх мне неведом. Не путайте миролюбивый характер с трусостью.

Малекит улыбнулся запальчивому ответу; его успокоило сознание, что лейтенант по-прежнему остался тем же яростным бойцом, каким он его знал.

Между зверолоудьми и гномами еще оставалось некоторое расстояние, когда в бой вступила первая машина. В воздух взлетела куча камней размером примерно с голову гнома. Они упали в самую гущу зверолоудей, сокрушая их черепа и кости.

Тотчас раздались ликующие крики гномов, которые повторились раз и другой, когда в лагерь зверолоудей полетели новые порции камней и заостренных кусков железа.

Залпы подвигли орду к действию, и зверолоуди помчались на неприятеля. Самые быстроногие вырвались вперед, другие отстали, так что получилось, что на гномов надвигается не единая линия, а отдельные группки. Малекит вздохнул: он понимал, что гномы остановят эту толпу и без его помощи.

Катапульты продолжали поливать зверолоудей камнями, но теперь к стрельбе присоединились арбалетчики и эльфийские лучники. Под смертельным дождем зверолоуди замешкались и повернули обратно.

Только самые тупые из тварей продолжили атаку, и гномы сосредоточили обстрел на них. Ползущие, скачущие чудовища не знали боли и страха — их вел инстинкт убийства, но очень скоро их покрытые чешуей и шерстью тела были утыканы стрелами и изранены камнями.

Малекит убрал свой лук в колчан и перевел взгляд на Снорри. Он хотел узнать, намерены ли Верховный король преследовать уцелевших, — самому князю очень хотелось отдать приказ о погоне, чтобы показать наконец выправку своих воинов. Однако внезапно его остановило давно забытое чувство страха.

Прозвучал короткий глухой звук горна. Но причиной страха послужил не сам звук, а направление, откуда он раздался. Отзвуки прокатились по всей котловине, но чуткое ухо Малекита уловило, что идет он из-за деревьев на восточном склоне ущелья, по которому армия гномов попала сюда.

Через миг горн прозвучал снова, но на этот раз ему откликнулись: ветер донес немелодичные звуки труб и грубые крики. При их звуках разбегавшиеся по котловине зверолоуди начали останавливаться и разворачиваться, чтобы снова двинуться на гномов.

Вот теперь Малекит в полной мере оценил дисциплину и собранность гномьей армии. Снорри выкрикивал команды, таны отвечали ему. Машины и отряды арбалетчиков снова накрыли огнем зверолоудей, в то время как королевская стража и еще две трети войска развернулись и начали перестраиваться для битвы в ущелье.

Малекит пока не понимал, какой боевой план выбрали гномы, поэтому он разделил свой отряд и послал лучников вперед для поддержки атаки на лагерь зверолоудей, а копейщиков развернул лицом к новой угрозе.

В голове его металась мысль. Как получилось, что их так легко заперли в этой котловине? Неужели у разведчиков не хватило ума изучить окрестности?

И тут на ум князю пришла более мрачная догадка: возможно, зверолоудей направляет некая умная злобная сила.

Но времени на размышления уже не осталось, поскольку среди криков и грохота боевых машин прозвучали новые звуки. Тело Малекита ощутило их прежде, чем князь услышал.

Земля задрожала, будто где-то рядом был мощный водопад.

Он еще ничего не видел сквозь густые сосновые заросли, но наконец определил источник нарастающей дрожи — это был топот нескольких тысяч ног.

Его внимание привлекло темное пятно в воздухе, и когда князь вскинул голову, то увидел летящий на гномов валун. Камень ударился о землю и покатился по рядам, оставляя за собой раздавленные тела.

Сперва Малекит подумал, что одна из боевых машин выстрелила по своим, либо зверолоуди научились обращаться с катапультами — ведь он видел в свое время грубые подобия боевых машин у орков. Однако тут же его внимание привлекло движение на восточном краю котловины, и он увидел там огромную фигуру. Рост пришельца превосходил эльфийский по меньшей мере раз в десять. Обнаженное тело прикрывали потрепанные, окровавленные овечьи шкуры.

На глазах Малекита великан наклонился и поднял еще один валун, затем метнул его через вершины деревьев в армию внизу.

Из рощи в западной части котловины выбегали сотни зверолоудей. С воинственными криками они швыряли камни и палки. Они выскочили из-под прикрытия деревьев совсем рядом с батареей боевых машин, так что их расчетам пришлось защищать себя. Но против такого количества нападавших долго они продержаться не смогли, и вскоре орда зверолоудей ринулась на главные силы гномов.

Гномы перестроились, чтобы встретить атакующих. Когда расстояние между армиями сократилось, гномы начали кидать во врагов метательные топоры, а те в ответ неумело бросали копья. Зверолоуди падали, как колосья под серпом, потери среди затянутых в прочные доспехи гномов были незначительны.

Но волны извращенных Хаосом созданий шли и шли — и казалось, нет им конца.

Армии столкнулись в раздирающем уши грохоте, и началась яростная схватка по всей передовой линии. Гномы держались твердо и рубили врагов без устали, но на место убитых тварей немедленно вставляли новые. Зверолоуди напирали, и Снорри послал на подмогу часть своей охраны.

Малекит не забывал, что первые звуки горна прозвучали на восточном склоне котловины. Он оглянулся и заметил, что Верховный король совещается с танами. Видя, что усилия гномов сосредоточены на западе, Малекит решил, что лучший способ привлечь внимание к опасности на восточном склоне — это действовать.

— Нагаритяне, за мной! — прокричал он и выхватил меч. Копейщики, как один, подняли щиты в знак внимания. — Наступаем!

Малекит повел своих солдат назад, к горловине ущелья. По следующей его команде отряд перешел на бег, далеко оторвавшись от фланга армии гномов. Сзади тут же раздались их гневные крики, но Малекит не обратил на них внимания. Он рассудил, что гномы решили, будто их будущие союзники убегают. Из небольшой рощи, оказавшейся на их пути, доносилось рычание и вой, и князь приказал отряду остановиться: ему вспомнился рассказ Аэрнуиса о встрече с гоблинами.

И действительно, из-за деревьев появилось несколько дюжин волков со всадниками на спинах. Волки эти выглядели крупнее своих собратьев, с темной шерстью, красными глазами и бешеной пеной, капающей из пасти. Вооружение гоблинов состояло из копий и небольших круглых щитов. Многие на скаку стреляли из коротких луков.

Нагаритяне подняли щиты на уровень голов — и кривоватые стрелы безвредно

защелкали по ним: гоблинскому оружию не хватало силы настоящего эльфийского лука. Когда же первые гоблины достигли эльфов, скакавшие сзади продолжали стрелять, и их ничуть не заботило, что они могут попасть в своих.

— Поднять копьё! — прокричал Малекит.

Нагаритяне опустили щиты, как раз когда первый из волков прыгнул в атаку; его насадили на копьё, а наездник с визгом вылетел из седла. Еще один эльф сделал выпад, и его копьё вошло в горло гоблину. Одним поворотом кисти воин освободил оружие и вернулся в исходную позицию.

Некоторые волки попытались перепрыгнуть через переднюю линию и оказаться в середине отряда, но стена поднявшихся копий воспрепятствовала этому.

Другие нападавшие действовали более осторожно. В последний момент они развернулись и попытались отрубить наконечники у копий, но нагаритяне сделали стремительный бросок вперед, значительно проредив ряды гоблинов.

Наездники на волках носились взад-вперед; когда им казалось, что эльфы чуть ослабили бдительность, они бросались в атаку, но ни копьё в зеленых руках, ни волчья пасть не коснулись ни одного из нагаритян. Но хотя их атаки не наносили никакого урона эльфам, Малекит увидел, что из рощи идет пешее подкрепление гоблинам и скоро его маленький отряд окажется полностью окружен.

Князь оскалился, потянулся к потокам магии и впитал их в себя. Он чувствовал, как кружится внутри сила, мурашками бежит под кожей и бурлит в венах. При помощи заклинания он слепил непослушную магию, и в его левой руке засверкало золотое копьё. С проклятием Малекит метнул его в волков. Магическое копьё пронзило троих зверей и взорвалось дождем золотого пламени. В панике волки с визгом и тьяканьем бросились наутек, причем трусливые наездники не только не пытались их остановить, но даже подгоняли.

Нагаритяне развернулись и растянулись в полукруг, чтобы не оставлять фланги открытыми для врага. Их спины защищали почти отвесные стены ущелья. С шипением гоблины отказались от прямого нападения и пока рассматривали мертвых сородичей и волков — их трупы грудями лежали вокруг эльфийского отряда.

— Кажется, они передумали, — рассмеялся рядом с князем Аландриан.

Малекит не спускал с гоблинов глаз, а подкрепление все прибывало. Вскоре их окружало уже несколько сотен злобных коротышек; они кривлялись и выкрикивали оскорбления, но не подходили даже на расстояние броска копьё.

Что-то огромное продиралось сквозь деревья позади гоблинов так, что ломались ветки и трещали стволы.

С ревом на поляну вышел великан, — вероятно, ему надоело кидать камни сверху, и он спустился в ущелье. В правой руке он держал бревно с воткнутыми в него обломками доспехов, топоров, клинков и изогнутых остатков щитов. Воодушевленные появлением гиганта, гоблины начали ближе подбегать к эльфам, при этом они подбадривали себя криками и колотили оружием по щитам.

Малекит уловил внезапный свист ветра. Повернувшись, он заметил, как над головами армии гномов летит огромное железное копьё. К облегчению Малекита, это механики «Волчьего копьё» установили его на холме и выбрали подходящую цель.

Он проследил за снарядом и увидел, как копьё ударило великана в грудь. Оно пронзило грудную клетку и вышло меж лопаток. С предсмертным бульканьем великан проковывал еще

два шага и рухнул на землю, подмяв под себя дюжину гоблинов. Перепуганные зеленокожие испустили крик отчаяния и в панике заметались.

— Убить их! — приказал Малекит и бегом ринулся вперед.

Нагаритянам не потребовалось дальнейших приказаний, и они что есть мочи ринулись на врага.

Как замирающие от ужаса кролики, гоблины несколько мгновений стояли неподвижно. Потом с жалкими визгами они развернулись и побежали к роще.

Несмотря на развитую от ужаса скорость, короткие ноги гоблинов несли их гораздо медленнее, чем эльфов, так что Малекит догнал добычу без труда. Меч в его руке взмахивал во все стороны, снося головы и разрубая спины. Вскоре нагаритяне догнали основную толпу — и началась резня.

Князь чувствовал, как его охватывает подогреваемая Каином лихорадка, и продолжал кружиться в смертельном танце, его не заботила ни ядовитая кровь на губах, ни кровавые ошметки на золотом доспехе.

Нагаритских воинов переполняла жажда крови, ведь они провели много дней в оплоте гномов без дела. Во все стороны разлетались головы и конечности, а нагаритяне не остановились, пока не убили последнего врага.

Лишь тогда, когда перед ними не осталось ничего, кроме растоптанных внутренностей и окровавленных трупов, они опустили мечи и копья и полной грудью втягивали воздух, но не от усталости, а от чувства глубокого удовлетворения.

Малекит лишь теперь ощутил на лице вонючую гоблинскую кровь, обтер рот и огляделся вокруг. Гномы все еще бились со зверолоудьми. Малекит видел колышущиеся над схваткой четыре штандарта Верховного короля и выбрал такое направление атаки, чтобы встретиться в центре битвы со Снорри.

Теперь, когда резня гоблинов их немного успокоила, нагаритяне наступали более медленно, методично истребляя попадавших на пути зверолоудей. Самые крупные яростно сражались на передней линии, а твари помельче и потрусливее жались сзади, чтобы не попасться под руку эльфов. Многие разбегались, хотя некоторые не видели опасности до последнего момента. Их жизнь заканчивалась на острие копья или клинке Авануира.

Но тут внезапно что-то отвлекло внимание Малекита. В потоках магии вокруг себя он ощутил легкое смещение.

Князь остановился, подал знак своим воинам продолжать наступление и сосредоточился на загадочной силе. Малекит двинулся по следу, позволив магии направлять себя, и его взгляд остановился на одном из зверолоудей.

Его светло-зеленую шкуру покрывали странные, похожие на мох наросты и клочья шерсти, на чудовище был рваный плащ из похожей на гномью кожи. Зверь горбился, из его спины торчала сжимающаяся и разжимающаяся рука. Рогатую голову покрывал капюшон из грубой, перемазанной в высохшей желчи ткани. В узловатом кулаке он сжимал длинную деревянную палку с примотанными к ней светящимися осколками камня. Эти осколки и обжигали волшебное зрение Малекита злобной, темной магией.

Шаман поднял свой посох и наставил светящийся конец на эльфов. Малекит слишком поздно понял, что происходит.

Князь попытался вернуть высасываемую шаманом энергию, но не смог остановить заклинание. Из посоха вырвался черный рой мух. С оглушительным жужжанием, которое заглушало все остальные звуки, они поднялись над войском зверолоудей и полетели в

сторону нагаритян.

Облако мух с раздрающим уши жужжанием опустилось на эльфов. Каждая муха несла с собой разложение. Доспехи начали покрываться ржавчиной, а древки копий — плесенью. Малекит увидел, как один из нагаритян прихлопнул муху щитом, но через мгновение щит раскололся и рассыпался оранжевой пылью. Пластины доспехов трескались, кожа рвалась, а крепления кольчуг превращались в ржавую труху.

И вдруг, как при глубоком вдохе, темная магия исчезла. Будто свежий ветер развеял густой дым, какое-то новое течение изменило поток энергии и рассеяло его. Мухи растворились настолько быстро, что нагаритяне остались махать ржавыми перчатками и обломанными древками в пустом воздухе. Ветер становился сильнее и постепенно перерос в вихрь, будто на морском дне открылась огромная воронка и поглотила всю воду.

Внимание князя привлек слепящий свет, и через головы сражающихся звероловцев он разглядел стоявшего рядом с королем гнома с металлическим шаром в руках. Из выгравированных на сфере рун исходил белый свет, и в него втягивались магические ветры.

В эфире образовалось противоположно направленное течение — это шаман пытался сражаться с силой шара гномов. Но что-то пошло не так. Малекит чувствовал, как магия становится колючей и опасной, будто домашний зверь внезапно разъярился и оскалил острые как бритва клыки.

На мгновение князю показалось, что он углядел что-то краем глаза: тень тени, похожую на демона. Она появилась над шаманом и засунула в него прозрачную руку. Но тут видение пропало, и Малекит решил, что ему все почудилось.

В мощном выплеске магической энергии, который разметал звероловцев и гномов на много ярдов вокруг, шаман взорвался. Земля под его трупом треснула, а воздух зазвенел от невидимой силы. Малекит почувствовал, как магическое поле ударило его наподобие штормовой волны, но сжал зубы и позволил энергии прокатиться мимо.

Магический меч и выкованный Баулом доспех Малекита ужасающее заклинание не затронуло, но его воины оказались в плачевном состоянии. Некоторые не могли скинуть севшие от ржавчины доспехи и катались по земле, чтобы избавиться от них. Многие покрывали нарывы и язвы от укусов демонических мух. Большинство оказалось безоружными, в том числе и Аландриан; и Малекит не видел другого выхода, кроме отступления, как бы такой выбор ни ранил его гордость. Но не успел он отдать команду, как перед ними возник новый враг.

Раздался раскат грома, и над поляной неестественно быстро начали собираться грозные тучи. По темному небу пробежала молния и рассыпалась в ослепляющих стрелах. Над поляной завывал ветер; деревья гнулись, в воздух поднимались пыль и капли крови.

Падали вырванные с корнем сосны. Из роци на восточном краю ущелья появилось ужасающее чудовище. Оно походило на дракона, хотя было меньше размером, с покрытыми чешуей ногами, телом и хвостом. Чешуя его отсвечивала багровым, а когти поражали угольно-черным цветом. Вместо шеи и головы дракона возвышался покрытый красной кожей торс, широкие плечи с шипастыми наплечниками и крупная голова. Ее венчала пара загнутых рогов, а крохотный плоский рот был полон крупных клыков.

В руках монстр держал пару одинаковых огромнейших мечей. По клинкам их клубились сгустки энергии, а гарды и рукояти были сделаны из позвончиков и украшены наверхами-черепами. Широкие глаза чудовищного кентавра мерцали грозной энергией.

— Шаггот! — закричал один из нагаритян, и князь понял, что он прав.

В легендах говорилось о подобных созданиях, но Малекит считал их мифами еще доэльфийских времен, даже до прихода Древних и изгнания злых богов. Двоюродные братья драконов будто бы правили миром до прихода богов. Шагготы продали души Хаосу задолго до восстания темных богов и их попытки завоевать мир. Если верить драконам, то они воевали с шагготами веки вечные, пока наконец не загнали их в небытие.

Но с приходом Хаоса шагготы выползли из своих логовищ, и вот сейчас одно из этих гигантских созданий устремляло на князя свой смертоносный взгляд. Из тучи ударила молния и растеклась по груди шаггота. Она не причинила ему никакого вреда, — наоборот, по шкуре его пробежала волна энергии.

— Наши союзники смотрят на нас! — воскликнул Малекит. Некоторые эльфы в ужасе попятились от чудовища. — Не выказывайте страха! Бейтесь без сомнений! Убивайте во имя Нагарита!

Все еще сверкающей молнией шаггот прыгнул вперед и схватил передней лапой одного из эльфов. Ржавый доспех и кости затрещали от его хватки. Удар меча перерубил пополам еще троих воинов. Остальные нагаритяне сомкнули ряды и бросились в атаку — в их ушах еще звенел призыв Малекита, — но даже те, чье оружие осталось неповрежденным мухами, не нашли в его шкуре и чешуе ни одного уязвимого места.

С оглушающим рыком шаггот отбросил останки сжатого в лапе эльфа в атакующий его отряд, сбив с ног еще несколько солдат. Мечи доисторического чудовища светились энергией, и оно размахивало ими с жестоким азартом.

Малекит призвал оставшиеся после заклинания шамана крохи магической энергии и поспешил на помощь своим воинам. В завитках голубого волшебного огня Авануир устоял в брюхо шаггота.

Монстр взметнулся со злобным ревом, и князю пришлось отскочить, чтобы избежать нацеленных в горло когтей. Малекит поднырнул под замах гигантского меча, затем перехватил Авануир обеими руками и ударил чудовище по ногам. Однако даже зачарованный клинок Авануир лишь слегка поцарапал бронированную шкуру.

Магическое чутье вовремя предупредило эльфа, и он снова попытался увернуться от меча, но шаггот ухватил его за плечо и швырнул вверх. Малекит, упав, сильно ударился о землю и никак не мог перевести дыхание, чтобы подняться. С неожиданной быстротой шаггот схватил его снова и поднял в воздух. Правая рука монстра замахнулась для смертельного удара — по его мечу метались завитки энергии.

С беззвучным криком Малекит глубоко вонзил Авануир в бедро шаггота, отчего тот дернулся и упал на землю. Князь поднырнул под громоздкое туловище и там встал, поводя кончиком Авануира по более мягкой коже живота. Из раны закапала густая темная кровь, и шаггот начал пятиться, чтобы не прикрывать врага своим телом. Малекит перекатился между скребущими по земле лапами, уклонился от меча — тот оставил глубокую трещину в земле — и воткнул Авануир шагготу в основание хвоста.

Для любого другого врага такая рана оказалась бы крайне серьезной, но шаггота она не остановила. Малекит подкатился под следующий замах и едва успел вскинуть Авануир, чтобы отразить удар, хотя отдача вырвала меч у него из рук.

Невредимый, князь поднялся на ноги лицом к лицу с чудовищем и вызывающе взглянул ему в глаза. В чернильных зрачках проглядывал разум. Другие нагаритяне кололи и рубили шаггота мечами и кинжалами, пытаясь отвлечь его внимание от князя. Монстр быстро

развернулся и отбросил их ударом хвоста. Малекит остался где стоял, его сжатые кулаки горели магическим огнем.

Шаггот навис над князем Нагарита и высоко занес над головой оба меча. Из призванных им грозowych туч снова ударила молния — точно в острия древнего оружия. Монстр скрестил мечи перед собой в насмешливом салюте, его губы изогнула злобная ухмылка.

Первый удар пришелся Малекиту в грудь — взрыв электрической энергии подбросил его в воздух. Искры отлетали от магического доспеха князя, когда, пролетев дюжину футов, он с грохотом рухнул на каменистую почву. Спину пронзила боль, и он понял, что несколько ребер сломано, но гордость не позволила ему умирать, лежа на спине.

Со стоном он поднялся на ноги.

— Я сын Аэнариона. — Князь сплюнул кровь под ноги шагготу. — Мой отец убил четырех величайших демонов, посланных темными богами. От его клинка гибли целые армии. Мир трепетал от его поступи. И все запомнят меня, как сейчас помнят его.

Шаггот опустил левый меч, и Малекит поднял руку, чтобы защититься. Зачарованное золото доспеха вспыхнуло и завизжало от удара. Улыбка на губах шаггота померкла, он нахмурился от злости и разочарования. Следующий удар мог бы выкорчевать деревья и разбить камни, но князь всего лишь отлетел назад со сломанной рукой и порезом на лице. Он сплюнул кровь и снова встал на ноги.

— Твое время давно прошло, — поддразнил он монстра. — Теперь наше время. Возвращайся в свою нору и молись своим грязным богам, чтобы мы тебя не нашли.

С злобным ревом шаггот рубанул наугад, и это позволило Малекиту легко уклониться. Князь поднырнул под клинок, затем высоко подпрыгнул — ему помогали гнев и магия — и ударил шаггота в лицо светящимся кулаком. Тот отшатнулся на несколько шагов, встряхивая головой.

Малекит приземлился на ноги и приготовился ударить снова, но тут шаггот издал громкий вопль боли. Он развернулся, и князь увидел, что хвост шаггота наполовину перерублен. Где-то за спиной чудовища полыхнула вспышка, и в фонтане густой крови в воздух взлетела передняя лапа.

Малекит пригнулся, чтобы разглядеть под животом шаггота, что происходит, и увидел Верховного короля с полыхающим рунами топором в руке. Каждый удар разрубал шкуру и кости без усилий, отчего шаггот, как пьяный, качался из стороны в сторону.

Малекита охватило упрямство: он не позволит Снорри перещеголять себя, и он прыгнул к лежащему неподалеку Авануиру. Хотя левая рука князя висела плетью, Малекит ринулся вперед и вскочил на спину шаггота. Тот брыкался и вертелся, а эльф пробежал по костистому хребту до головы. Сжав зубы от боли, он уперся ногой в плечо чудовища.

С торжествующим криком он опустил Авануир на шею монстра. Меч глубоко вонзился в мускулистую плоть. Еще три раза опускался волшебный клинок, и наконец шаггот дернулся в предсмертной судороге и рухнул на землю. Последним усилием Малекит отсек голову и швырнул ее к ногам Снорри. Короля гномов с ног до головы покрыла кровь чудовища. Безжизненное тело шаггота распласталось по земле, отчего Малекит полетел в смешанную с кровью грязь рядом со Снорри.

Верховный король блестящими сквозь забрало глазами оглядел Малекита. Затем сделал любопытный жест, который Малекит не раз наблюдал у гномов, — поднял в знак одобрения большой палец.

— Я думаю, этот трофей мы можем поделить, — со щедростью заявил Малекит.

И только тогда позволил себе расслабиться и потерял сознание.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Скрепленный союз

Когда шаггот пал, у звероловдей мигом пропала охота драться и они дали деру. Ни гномы, ни эльфы были не в силах отправляться в погоню.

Возвращение в Караз-а-Карак было медленным и грустным. У Малекита болело все тело, спина и рука вспыхивали болью при каждом шаге. Гномы предложили ему место на тележке, но Малекит отказался от подобного позора. Пусть с трудом, но он шагал рядом с гномами, изо всех сил скрывая боль.

Он гордился тем, что те из его воинов, кто еще мог стоять, последовали его примеру, хотя семеро эльфов получили настолько тяжелые ранения, что князь разрешил их везти. Тела еще девятнадцати с почестями несли вместе с телами поверженных гномов.

В Караз-а-Караке армию встретили восторженно. При проходе сквозь городские ворота гномы выкрикивали имя короля Снорри. Эльфов встречали с неменьшим энтузиазмом.

В ту же ночь Верховный король устроил пир и обрушил на своих воинов и эльфов целую лавину угощений и эля. Он оказал Малекиту честь, усадил его по правую руку и поднес князю королевский кубок. Произносилось много тостов, и в этот раз речь Малекита была гораздо более лестной для гномов, нежели в Карак Кадрине. Он поблагодарил их за гостеприимство и превознес их храбрость. Князь поклялся в вечной дружбе гномьему народу и связал себя клятвой братства с Верховным королем.

Что бы ни принесли предстоящие переговоры и грядущие торговые договоры, Малекит знал, что он останется союзником Снорри, и даже более того — что он рад такому повороту. И не только ради выгод, которые принесет такое положение, но и потому, что он искренне восхищен правителем гномов.

На следующий после церемонии день Малекит вызвал Аландриана. Князь поручил ему некое секретное задание. Лейтенант выслушал приказ без возражений и вышел в поисках Аэрнуиса. Эатанского князя он обнаружил на одной из верхних галерей.

— Нам следует обсудить кое-что очень важное, — заговорщицким тоном произнес Аландриан. — Пойдемте со мной.

Аэрнуис последовал за ним без дальнейших расспросов. Нагаритянин вывел его из оплота через одни из малых ворот, и они зашагали по обдуваемому ветром горному склону.

— Куда мы идем? — наконец спросил Аэрнуис, когда Аландриан начал подниматься по винтовой лестнице, что вела к обрыву.

— Нас не должен никто подслушать или увидеть, — ответил Аландриан.

Без лишних слов они поднялись по ступенькам и остановились у самого обрыва. В глубоком ущелье у них под ногами бурлила быстрая речка, срываясь с уступа. В воздухе висели мириады брызг, а шум водопада заглушал все остальные звуки.

— Так что ты хотел мне сказать? — спросил Аэрнуис.

— Мне поручено передать тебе послание от князя Малекита.

— Какое?

Быстрее нападающей змеи Аландриан шагнул за спину эатанского князя, выхватил из-за пояса кривой нож и вонзил ему в спину. Аэрнуис дернулся и упал на колени.

— Ты больше не нужен ему, — прошипел на ухо жертвы Аландриан. — Малекит заслужил полное доверие Верховного короля, но твоих оскорблений он не забыл. Он никогда не славился отходчивостью.

Аэрнуис извивался и плакал, но хватка Аландриана не ослабевала.

— Мой князь не может оставить тебя в живых, — объяснил нагаритянин. — Он позволил бы свету своего величия освещать твою жизнь, но делить с тобой власть не желает.

Аландриан легко избавился от цепляющихся за него пальцев. Без тени удовольствия или сожаления на лице полоснул ножом по горлу Аэрнуиса и столкнул с обрыва. Затем сделал шаг к краю и проследил, как тело, кувыркаясь, упало в воду, тут же смывшую кровавые следы. Аландриан бросил нож следом за телом и повернулся к ступеням. Теперь его занимало, где найти Сутерая.

Через пятнадцать дней приемный зал короля Снорри заполнила толпа гномов и эльфов. Верховный король сидел на троне и с усмешкой наблюдал за происходящим. Малекит стоял по его правую руку.

— Жаль, что двое твоих соплеменников не видят завершения своих трудов, — заметил Снорри.

— Очень жаль, — без запинки согласился Малекит. — Не могу понять, что им взбрело в голову, чтобы отправиться за пределы города без охраны.

— Я тоже.

Малекит не почувствовал в его тоне обвинения, хотя, быть может, далекое от совершенства знание языка гномов помешало ему уловить какие-то нюансы.

— Я рад, что их исчезновение не повредило переговорам, — гладко продолжил князь. — Хорошо, что их внезапный отъезд не посеял между нами безосновательных подозрений. Такое происшествие могло уничтожить несколько месяцев тщательной подготовки.

— А ты думаешь, что есть повод для подозрений? — Снорри вопросительно посмотрел на князя.

— Нет, но я могу предположить, что не все разделяют мое мнение. Не думаю, что тут таится какой-то заговор. Просто князь Аэрнуис провел так много времени в изоляции, что, возможно, нервы его расшатались.

— Как бы там ни было, но, скорее всего, он уже стал пищей троллей. — Снорри повернулся к толпе под помостом. — Или хуже.

— Печальный конец для ултуанского князя, — вздохнул Малекит.

Оба немного помолчали, вслушиваясь в шум зала. Вскоре князь решил нарушить молчание.

— Пожалуй, нам стоит присоединиться к нашим делегациям и познакомить их, — предложил он.

— Да, нечего тянуть пони за хвост, — согласился Снорри и поднялся с трона.

Переговоры между эльфами и гномами тянулись больше года, было подписано много соглашений и принесено много клятв.

У Малекита тем временем зажили полученные в битве со зверолодьми раны. Теперь князь проводил время в разъездах между Атель Торалиеном и Караз-а-Каракком и подарил эльфам немало побед над порождениями Хаоса. В качестве признания его заслуг Бел

Шанаар прислал князю богатый подарок — белого дракона с гор Каледора. Подобно отцу, Малекит возглавлял теперь свою армию, сидя на спине могучего зверя, и ни один враг не мог устоять против него. Много раз за последующие столетия князь Нагарита выходил на войну бок о бок с Верховным королем, и их дружба стала символом единства между гномами и эльфами.

Союз с гномами принес эльфам начало золотого века: их колонии возникали по всему миру, а богатства стекались в их сокровищницы. Их корабли плавали везде, куда хотели попасть эльфы, а города поднимались в самых отдаленных уголках земли.

Вместе с колониями росли и города Ултуана, так что теперь даже самый захудалый князь обитал в роскошном замке. Владения эльфов простирались до гор, а в горах властвовали гномы — их империя тоже процветала благодаря союзу с эльфами.

И только далеко на севере оставались земли, свободные от эльфийского влияния. Это были выжженные Пустоши Хаоса. Гномы предупреждали, что там нечего искать, кроме смерти и страданий.

Именно там царство Хаоса соприкасалось с этим миром; там сбилась с привычного русла магическая энергия, извращая и портя землю.

И хотя дракон князя погиб от руки великана, когда нагаритяне сражались с ордой орков, Элтин Арван был полностью завоеван Малекитом. Поэтому князь решил заняться северными землями и первым вступил в холодное царство Пустошей Хаоса.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Конец золотого века

Именно там, в горьком холоде северных земель, Малекит впервые встретился с людьми. Некоторые из их племен оказались совсем дикими, а другие убегали при первом взгляде на армию эльфов и гномов либо выходили из пещер и примитивных хижин, чтобы вступить в безнадежную битву с эльфами. Поначалу Малекит принимал их за один из видов зверолодей.

Но вот однажды, когда Снорри и Малекит вели свою армию через горы, им навстречу вышло несколько людей. Они несли в виде подарков гостям хлеб и жареное мясо. Они приблизились к Малекиту и Снорри без страха и что-то бормотали на своем маловразумительном языке.

Верховный король принял протянутый ему хлеб и одарил вождя людей золотым браслетом, сняв его со своего запястья. Человек взял браслет и поднял, любуясь блеском. На его грязном бородатом лице проступила улыбка. Вождь жестом пригласил правителей следовать за ним и шаркающей походкой направился к пещерам.

Снорри разобрало обычное для гномов любопытство, и он последовал за вождем. Эльфийский князь пошел следом; жестом он приказал своим воинам оставаться готовыми к любым неожиданностям. Вход в самую большую пещеру был занавешен звериными шкурами. Из глубины пещеры тянулся дым.

Поднырнув под свисающие шкуры, Малекит оказался в просторной пещере с высоким сводом.

Внутри сбились в кучу около дюжины женщин и детей. Старшие женщины присматривали за очагом, на котором жарилась оленья туша. Люди смотрели на пришельцев вполне осмысленно, и князю пришлось признать, что они совсем не походят на орков или зверолодей.

Снорри потянул Малекита за рукав и указал на стену пещеры. Ее украшало множество рисунков — они изображали различные жизненные сцены вперемешку с непонятными символами. Верховный король указал князю на изображение небольшой круглой фигурки с топором в руках. Голову изображенного гнома венчала пышная рыжая шевелюра, длинная рыжая борода развевалась, и он сражался с похожими на демонов существами с рогами и длинными когтями.

— Гримнир, — с улыбкой произнес Снорри, и Малекит кивнул.

Нарисованное на стене существо определенно походило на бога-предка гномов с изукрашенным рунами топором, отправившегося в царство Хаоса. Гримнир совершал свои подвиги более тысячи лет назад, но живопись на стенах пещеры выглядела совсем свежей. Неужели люди передавали из поколения в поколение то, что видели много столетий назад? Такое невозможно, если не обладать острым умом и любознательностью.

Снорри и Малекит покинули стоянку людей, при помощи знаков и жестов пообещав вернуться. По дороге они углубились в спор о будущем людей.

— Они дети Древних, как и мы с вами, — сказал Верховный король. — Они не создания Хаоса или тьмы, хотя их разум еще очень примитивен, а культура отсутствует.

— Еще? — переспросил Малекит.

— Конечно. Без какой-либо помощи они сумели пережить падение Древних и приход

темных богов. После некоторого обучения с нашей стороны они станут полезны.

— И зачем нам их учить? — засмеялся князь. — Ты хочешь получить смысленных работников или у тебя какая-то иная цель?

— Я научу их языку и письму, — искренне ответил Снорри. — Пусть даже не языку гномов, но такому, который мы сможем понимать. Они появились тут не просто так, я это нутром чую. Наша обязанность защитить их от опасностей этого мира и убедиться, что у них есть все необходимое.

— Но кто мы такие, чтобы судить, чему быть, а чему нет? — возразил Малекит. — До сих пор они выживали благодаря собственному разуму, и будет правильнее не трогать их. Мы не знаем воли богов и Древних, и хотя я согласен, что их существование имеет цель, нам она неизвестна. Так следует ли нам вмешиваться? Не лучше ли позволить всему идти своим чередом?

— Хм, в твоих словах есть доля правды, — протянул Снорри. — Кстати, тебе не кажется странным, что они живут именно здесь, близ Пустошей Хаоса? Я знаю от сородичей, что в горах и ледяных пустынях много таких племен. Так, может быть, люди и станут защитой от армии темных богов?

— Я бы предпочел видеть в них туповатых друзей, а не умных врагов, — согласился Малекит. — Что, если они используют полученные знания против нас? С каменными топорами и кремневыми наконечниками копий они нам не опасны. Но что случится, если научить людей обрабатывать металл. В один прекрасный день не позавидуют ли они нашей власти?

— Мы многого не знаем, — согласился Снорри. — И не стоит решать такие вопросы за один день.

В итоге правители решили, что подождут и понаблюдадут за людьми. Они видели в них надежду, но также и то, что могла бы использовать в своих целях тьма. Эльфы и гномы будут слегка направлять своих диких соседей, но в целом оставят будущее на их, людей, собственное усмотрение.

Время шло, и Малекит был доволен. Ему хватало войн и приключений, и он редко возвращался в Атель Торалиен, предпочитая походы по диким землям.

Пусть Бел Шанаар правит скучным Ултуаном, говорил себе Малекит. Пусть Король-Феникс проводит свои дни в разговорах с изнеженными князьями. Правителя Нагарита влечет совсем другое.

Но внезапно все изменилось.

Двенадцать сотен лет колонии росли и расширялись, и Малекиту не было равных, за исключением разве что правителя Караз-а-Карака. И тут пришло известие, что Бел Шанаар, разбогатевший сверх всякой меры на торговле, хочет приехать в столицу гномов и встретиться со своим союзником, Верховным королем.

— Зачем он едет сюда? — спрашивал Малекит Аландриана. Князь только что получил от Морати письмо с предупреждением о намерениях Бел Шанаара.

Они с лейтенантом сидели в просторном зале зимнего княжеского дворца. Малекит возвращался сюда во время сезона льда, когда приходилось сворачивать походы. В сооруженном гномами камине горел огонь, и эльфы в теплых шерстяных робах полулежали на мягких диванах.

— Мне неизвестны его намерения, ваше высочество, — ответил Аландриан.

— Не прикидывайся, — отрезал Малекит. — Как ты думаешь, что он затеял? Моя мать считает, что в Ултуане власть Короля-Феникса ослабла и он хочет повисить свою популярность.

— Вашей матери легче судить о положении в Ултуане, ваше высочество. — После холодного взгляда правителя Аландриан поспешил продолжить: — Ее слова подтверждают мои догадки. Хотя Тиранок богатеет, некоторые князья считают, что Бел Шанаар ведет наш народ в никуда. Истинная слава эльфов добывается в колониях. На Ултуане жизнь стала настолько праздной и роскошной, что никому не нужны ни сражения, ни труд. Поля не вспахивают, на дичь не охотятся. Все, что необходимо, получают из колоний: зерно, драгоценные камни и изделия гномов. Ултуан развращается, и живущие там ищут смысл существования в поэзии и песнях, вине и разврате.

Малекит нахмурился и погладил подбородок.

— Я не могу просто отказать ему, — произнес князь. — Остальные города дорожат его покровительством.

— Многие завидуют вам, хотя прячут зависть за льстивыми улыбками и речами, — ответил Аландриан. — В Короле-Фениксе они ищут опору, которая позволит им стать более независимыми от Атель Торалиена.

— Они всего лишь променяют одного господина на другого, — отрезал Малекит. — Я помогал строить эти города. Я слежу за безопасностью их земель. И как они хотят мне отплатить? Побежав плакаться к Бел Шанаару?

— Возможно, его приезд будет нам на руку. Если гномы решат, что Бел Шанаар слаб по сравнению с вами, ваши позиции только укрепятся.

— Нет, так не пойдет, — ответил Малекит. — Король Снорри верит, что наш народ един, как и гномы. Если он сочтет Бел Шанаара слабым, то будет смотреть на всех эльфов сверху вниз, включая и меня. Он верит, что Ултуан и его князья не уступают в силе Нагариту и мне. Мы не можем разрушать его заблуждения.

— Тогда не вижу, как обратить приезд Короля-Феникса нам на пользу, — признал Аландриан.

«Почему именно сейчас? — размышлял Малекит. — Почему Бел Шанаар решил посетить нас именно через тысячу двести лет, не раньше и не позже?»

Малекит задавался этим вопросом долгие месяцы. Князя сильно задевало, что теперь в колониях только и говорили что о визите Короля-Феникса, а рассказы о его приключениях и славе уже стерлись из памяти переменчивых эльфов.

Еще больше князя оскорбило известие, что первым Бел Шанаар планирует навестить город Тор Алесси. На первый взгляд такое решение можно было признать разумным, ведь Тор Алесси основали князья из Тиранока, родного княжества Короля-Феникса. И все же Малекит знал, что на самом деле за планами короля кроется легкое пренебрежение, поскольку Атель Торалиен превосходил по размерам и мощи все остальные города Элтин Арвана. Атель Торалиен давно стал негласной столицей колоний и вполне мог сравниться с Тор Анроком. Бел Шанаар явно хочет показать, что, несмотря ни на что, в колониях все еще остались земли, неподвластные Малекиту.

Король-Феникс и его свита прибыли в город нагаритян в середине лета. Малекит приложил немало усилий, чтобы прием наглядно показал Бел Шанаару, откуда правят Элтин

Арваном. Он созвал большую часть своей армии, двести тысяч нагаритских воинов, и выстроил вдоль подходящей к городу дороги отряды одетых в черное лучников, сияющих великолепными доспехами рыцарей и суровых копейщиков.

Такого военного парада не видели даже на Ултуане. Армия нагаритян затмевала прибывшую с Королем-Фениксом гвардию, даже в совокупности с выделенными в Тор Алесси отрядами. Малекит надеялся, что остальные князья мысленно сравнили эти два войска.

Чтобы не позволить Королю-Фениксу перещегоолять его богатством, Малекит осыпал гостей роскошными подарками и тридцать дней подряд устраивал пиры в их честь. Причем в этом заключалась довольно откровенная насмешка: Малекит посвящал каждый пир одному из гостей — Королю-Фениксу и двадцати девяти князьям его свиты. Намек Малекита был очевиден: он считал Бел Шанаара лишь первым среди равных.

За день до отъезда Бел Шанаара Малекит пригласил его осмотреть воинские силы Атель Торалиена. Войска выполняли упражнения перед городскими стенами, а нагаритский князь и Король-Феникс наблюдали за ними с башни северных ворот.

— Я вижу, что мое войско впечатлило вас, ваше величество, — сказал Малекит.

— И против кого ты собрал такие силы? — спросил Бел Шанаар, оторвав взгляд от марширующих колонн копейщиков.

— В землях Элтин Арвана все еще живут звери и орки. Я держу гарнизоны в десятках крепостей, расположенных между океаном и царством гномов. Также нельзя забывать об опасности с севера.

— Банды мародеров и рассеянные по пустыне племена людей-варваров? — засмеялся Бел Шанаар.

— Темные боги и легионы их демонов. — Малекит с удовольствием отметил, как передернуло от страха князей.

— Портал Каледора по-прежнему крепок, — пренебрежительно отозвался король. — Я не нахожу такие предосторожности необходимыми.

— Я унаследовал эту обязанность от моего отца, — Малекит чуть повысил голос, чтобы его услышала вся собравшаяся на смотровой площадке знать. — Я буду защищать свой народ от любой угрозы, и моя защита распространяется и на Ултуан.

Бел Шанаар бросил на князей косой взгляд и промолчал. Нагаритское войско продолжало маневры до тех пор, пока солнце не начало опускаться за океан.

— Весьма познавательно. — Бел Шанаар разок хлопнул в ладоши, затем оглядел одну из надворотных башен и повернулся к Малекиту. — Очень жаль, что мне надо уезжать так скоро, но другие князья тоже просили посетить их города и дворцы. Я нужен не только нагаритянам.

Не успел Малекит ничего ответить, а Король-Феникс уже отошел.

Малекит в ярости устремился в другую сторону. Ему требовалось выплеснуть раздражение, и он задумался, где бы найти Аландриана.

Кульминацией поездки Короля-Феникса стало посещение Караз-а-Карака. Чтобы показать свою мощь и величие, Бел Шанаар прибыл в сопровождении трех тысяч эльфов и личной гвардии, которой было в десять раз больше. Высокопоставленных сопровождающих разместили по домам гномов, а остальные жили в огромном лагере, который протянулся на мили вдоль ведущей к оплоту дороги.

Ни эльфы, ни гномы еще не видели столь пышной церемонии, ибо обе стороны старались перещегоолять друг друга в великолепии и зрелищности. Верховный король созвал всех правителей оплотов; Короля-Феникса сопровождали сотни малых князей колоний и все князья Ултуана, включая Малекита. По желанию Снорри именно Малекит представил его Королю-Фениксу, и из уважения к гному Малекиту пришлось присутствовать на приеме Бел Шанаара, куда он захватил с собой охрану из пяти сотен нагаритских рыцарей.

В назначенный для приема день процессия растянулась почти на милю, и над колонной развевалось более сотни флагов. Вдоль дороги выстроились гномы, они кричали и хлопали в ладоши, многие начали выпивать заранее, чтобы прийти в надлежащее расположение духа. Личная гвардия Верховного короля состояла из пяти сотен королей и танов, и каждого окружали знаменосцы и щитonosцы, а рядом, под штандартами гильдий, стояли повелители рун и механики, и их, в свою очередь, окружали старшины кланов.

Как и ожидалось, гномы задали великолепный пир и было произнесено множество речей, так что прием затянулся на целых восемь дней — ведь каждый король и тан хотел быть представленным эльфам, хотя многие сражались и жили бок о бок уже сотни лет.

Во время празднований Малекит все время держался рядом с Королем-Фениксом. Он сам назначил себя переводчиком Бел Шанаара. Кульминация праздника наступила на восьмой день, когда Верховный король и Король-Феникс встали рядом на помосте перед тронном в приемном зале Снорри. Бел Шанаар долго говорил о преимуществах союза. Он восхвалял князей за создание такого великолепного уголка огромной эльфийской империи и закончил речь заявлением, которое едва не вывело Малекита из себя.

— Эльфы и гномы должны навеки сохранить свою бессмертную дружбу, — провозгласил Бел Шанаар. — Пока существуют наши империи, да царит между нами мир. И в качестве преданности союзу мы назначаем одного из величайших наших сынов послом при этом дворе. Он является строителем моей империи и основателем этого союза, и его власть в этих землях будет равняться моей. Его словам будут следовать как моим приказам. Его желания станут моими желаниями. Я назначаю князя Малекита послом при Караз-а-Караке, и да помогут ему боги во всех его начинаниях.

Внутри Малекит кипел от злости, но ему пришлось потрудиться, чтобы придать лицу благодарное выражение.

«Моя империя». «Его желания станут моими желаниями». Всего несколько слов — и Бел Шанаар отобрал у него все, за что он сражался многие столетия. Какое право Король-Феникс имеет на все, что стало возможным лишь благодаря Малекиту?

Посол? Малекит и так имеет абсолютную власть над этими землями, и ему не требуется одобрение Бел Шанаара. Колонии принадлежат ему; собственными руками он вырвал эти земли из лап диких орд. Он проливал кровь и терпел боль, в то время как Бел Шанаар восседал на троне в Тор Анроке и наживался на трудах нагаритян. Но князь сумел сдержать гнев, повернулся и натянуто поклонился Королю-Фениксу. Он старательно не смотрел в глаза Снорри, чтобы тот не уловил бурлящей в нем злости.

Остаток визита Малекит провел вдали от Бел Шанаара — он заявил, что его срочно ждут в Атель Торалиене. На самом деле он хотел уединиться, ибо его обуревал такой гнев, что он не желал видеть эльфийские лица.

В конце концов князь успокоился и вернулся к обычной жизни. За пять последовавших за приездом Бел Шанаара десятилетий Малекит постоянно посылал Морати письма, и она

отвечала не менее регулярно. Она никогда не забывала похвалить сына за достижения, но в тоне ее писем чувствовалось и порицание за то, что он забыл о землях отца на Ултуане. Она постоянно настаивала на том, чтобы Малекит вернулся на остров и получил то, что полагается ему по праву, а после визита Бел Шанаара в Караз-а-Карак Морати стала еще более строгой. Она тоже чувствовала себя оскорбленной и обвиняла Бел Шанаара в том, что он способствует падению нравов в Нагарите.

Последнее замечание взбудоражило Малекита, и он начал интересоваться делами Ултуана. В течение нескольких лет он ненавязчиво расспрашивал о жизни Нагарита как в письмах к матери, так и у проезжей знати — многие из них странствовали между колониями и родным островом.

Его взволновало услышанное. Говорили о возрождении культов самых зловещих эльфийских богов, о сектах, члены которых погрязли в роскоши и распутстве. Письма Морати только подогревали подозрения Малекита.

«Многие князья завидуют процветанию Нагарита, несмотря на то что двор Короля-Феникса по-прежнему находится в Тор Анроке, — писала провидица. — Они плетут интриги против меня. Прямо они не решаются ни в чем меня обвинить, но распространяют слухи, что я связалась с неведомыми темными силами».

Малекит прекрасно представлял, что зависть может довести князей до подобных действий и верил заверениям матери, что так называемая секта наслаждений и темные культы — это всего лишь древние и вполне невинные ритуалы нагаритян.

«Король-Феникс теперь даже порицает связи нагаритян с Каином, — продолжала Морати. — Он бы хотел, чтобы мы забыли о наших древних богах, а сам украшает свои залы добытым воинами Нагарита золотом».

В ответном письме Малекит приказал матери не раздражать князей и не выступать открыто против Короля-Феникса. Она ответила обещанием так и поступить, хотя и очень недовольным тоном.

Что-то из услышанного князем начало проникать и в жизнь колоний. Эльфы всегда любили вино, песни и чтение лирических стихов и сатир. Тем не менее Малекит проводил месяцы, а иногда и годы вдали от городов, и поэтому даже крохотные перемены резко бросались ему в глаза.

Мягкость духа и лень, которые Малекит презирал в Ултуане, начали проникать и в культуру Атель Торалиена. Среди его подданных было уже много колонистов во втором и даже третьем поколении, а им еще не доводилось братья за меч для защиты своих земель, и князь начинал бояться, что мир и покой, ради которого он боролся, разлагают его народ. Он не хотел выглядеть тираном и поэтому не протестовал открыто против винных домов и притонов удовольствий, что возникали почти в каждом городском квартале.

Вместо этого, он приказал своим чиновникам учредить практику призыва совершеннолетних нагаритян в армию. Малекит сделал из традиции закон в надежде, что дисциплина и армейская жизнь воспитают в новом поколении силу воли первопроходцев.

Однажды князь решил навестить гномов в Карак Кадрине. Войдя в приемный зал короля Брундина, несколько лет назад унаследовавшего престол своего отца, Малекит сразу заметил мрачное настроение гномов. Короля окружали серьезные, суровые гномы, среди которых князь заметил и достопочтенного Кургррика, чье состояние значительно возросло со времен его скромных сделок с древесиной.

Старый знакомец заторопился по ступеням помоста к князю, взволнованно поглаживая

длинную бороду.

— Что случилось? — спросил Малекит.

— Верховный король на пороге смерти, — ответил Кургррик, с трудом убирая руки от бороды. — По всему северу за тобой разосланы гонцы. Он хочет увидеться с тобой, князь эльфов. Ты должен отправиться в Караз-а-Карак!

Малекит бросил взгляд на помост, увидел осунувшиеся от горя лица и понял, что Кургррик не преувеличивает размеры беды.

— Передай королю Брундину мои извинения, — сказал Малекит, развернулся и выбежал из зала.

Не обращая внимания на крики и вопросы свиты, выскочил в дверь и помчался по коридорам и галереям, пока не добрался до главных ворот. Снаружи, на склоне холма, паслись лошади эльфов. Малекит перескочил через ограду загона и направился к своему коню, самому быстрому из всех. Он не стал ждать, пока коня оседлают, и вскочил ему на спину. Затем развернул его на юг, и конь сорвался в галоп по одному нашептанному ему на ухо слову. Он перескочил через ограду и направился в Вершинный проход.

Хотя Малекит мчался без остановки, его снедал страх, что он может опоздать. Когда жеребец уже падал замертво от усталости, князь повернул его к одной из эльфийских дозорных башен, что сторожили границы великого леса Элтин Арвана. Там он потребовал новую лошадь и продолжил путь на юг. Малекита обуяла настолько сильная тревога, что он, не останавливаясь для еды и сна, продолжал ехать и днем и ночью. Через три дня он достиг оплота Жуфбар. Недалеко от дороги гномы трудились над новой шахтой, и князь направил лошадь к ним. Гномы смотрели на него в полнейшем изумлении.

— Какие новости из Караз-а-Карака? — спросил Малекит.

— Пока новостей не было, — ответил мастер, потрепанный, загорелый гном с седящей бородой и крюком вместо левой руки.

— Верховный король еще жив?

— Насколько мы знаем, да.

Без дальнейших разговоров Малекит пришпорил коня и поскакал к Черной воде, где много лет назад они сражались бок о бок с Верховным королем. Не поддаваясь ностальгическим воспоминаниям, Малекит полностью сосредоточился на том, чтобы добраться до Снорри, пока тот еще жив. Он скакал по берегу в брызгах воды, погоняя коня.

На следующий день Малекит свернул на южную дорогу, что вела от Карак Варна в Караз-а-Карак. Широкая, рассчитанная на ряд из нескольких тележек дорога была вымощена камнем, и лошадь могла скакать по ней быстро. Князь лавировал среди фургонов и тележек гномов, пока не углядел караван эльфов. Он остановил выдохшегося коня у главы каравана, спешил и знаком приказал вознице остановиться.

— Князь Малекит, — удивленно произнес тот. — Что привело вас сюда?

— Мне нужна лошадь.

Малекит принялся снимать упряжь с одной из трех запряженных в фургон лошадей.

— Вы можете ехать с нами, — предложил возница, но князь больше не обращал на него внимания и ускакал без каких-либо объяснений.

Еще двое суток Малекит мчался вперед, пока наконец не увидел величественные ворота Караз-а-Карака. Впервые он не остановился, чтобы полюбоваться их золотым великолепием. Он погнал взмыленного коня в ворота, и часовой ступил было вперед, чтобы преградить ему путь, но князь не остановился. Охранники узнали князя и бросились врассыпную, отталкивая

с его пути других гномов. Под дробный, отражающийся от свода арки стук копыт Малекит промчался через ворота. Во дворце при его приближении гномы вжимались в дверные проемы и разбегались во все стороны. Малекит остановился, только когда увидел толпу королевских советников, сгрудившихся возле покоев Снорри. Князь соскочил с коня, подбежал к ним и схватил за грудки ближайшего гнома, конюшего по имени Дамрак Золотой Кулак.

— Я опоздал? — выдохнул Малекит.

Потрясенный гном ничего не смог вымолвить и только покачал головой. Князь отпустил его и обессиленно прислонился к стене.

— Вы не так поняли меня, посол, — сказал Дамрак и положил узловатую ладонь на локоть Малекита. — Король еще ждет вас.

По коридорам и залам Караз-а-Карака разносился мрачный бой барабанов. В маленькой комнате застыли две фигуры. Бледный, как его борода, король Снорри лежал на низкой, широкой постели с закрытыми глазами. Рядом с кроватью на коленях стоял Малекит, положив руку на грудь короля. Он оставался рядом со старым гномом уже третий день, почти не ел и не спал все это время.

Комнату украшали тяжелые гобелены с вышитыми сценами, где они со Снорри сражались бок о бок, хотя подвигам Верховного короля было уделено чуть больше внимания. Впрочем, Малекит не завидовал славе короля, ведь его собственное имя звучало в Ултуане на каждом шагу, а имя Снорри Белобородого едва упоминалось. Каждому народу свое, подумал эльфийский князь.

Веки Снорри дрогнули и поднялись над мутными, бледно-голубыми глазами. Губы растянулись в слабой улыбке, и дрожащая рука накрыла ладонь Малекита.

— Если бы срок жизни гномов мог сравниться с эльфийским, — сказал Снорри, — мое правление длилось бы еще тысячу лет.

— И все равно мы смертны, — ответил Малекит. — Нас оценивают по тому, что мы сделали за свою жизнь и какое наследие оставили, как и вас. Жизнь длиной в тысячелетия ничего не стоит, если все труды оказываются напрасны.

— Правда, правда, — кивнул Снорри. Улыбка сошла с его губ. — То, что построили мы, войдет в легенды, не так ли? Два великих царства вытеснили с этих земель чудовищ и демонов, и теперь наши подданные живут в безопасности. Торговля никогда не шла лучше, и оплоты растут с каждым годом.

— Твое правление было славным, Снорри, — согласился Малекит. — Твоя семья сильна, и сын сохранит великие начинания.

— А почему бы и нет? — согласился Снорри. С кашлем он сел на кровати и утонул в пышных, вышитых золотом белых подушках. — Пусть мне трудно дышать и тело не слушается меня, но моя воля крепка, как камень, из которого сложены эти стены. Я гном, а в нашем народе живет сила гор. Я слаб телом, но мой дух отправится в Залы предков.

— Там его встретят Грунгни и Валайя, — продолжил Малекит. — Ты с гордостью займешь там свое место.

— Я не закончил, — нахмурился Снорри. С мрачным выражением король продолжил: — Слушай мою клятву, эльф Малекит, товарищ на поле битвы, друг у очага. Я, Снорри Белобородый, Верховный король гномов, передаю свой титул и права моему старшему сыну. Когда я пройду через ворота Зала предков, я буду наблюдать за своим королевством. Пусть

знают враги и союзники, что моя смерть не станет концом моего правления.

Гнома охватил приступ жестокого кашля, с губ брызнули капельки крови. Суровое морщинистое лицо повернулось к Малекиту. Эльф смотрел ему прямо в глаза.

— Если нам будет угрожать страшный враг, я вернусь к своему народу, — поклялся Снорри. — Если самые гнусные создания этого мира будут захлебываться воем под воротами Караз-а-Карака, я снова возьму в руки свой боевой топор и горы сотрясуются от моего гнева. Слушай меня, Малекит с Ултуана, и запоминай. Мы вершили великие дела, и я оставляю это наследие тебе, мой боевой товарищ и друг. Поклянись на моем смертном одре, что ты слышал мою клятву. Поклянись на моей могиле моему духу, что ты не предашь идеалы, за которые мы боролись. И знай, что нет никого более презренного в этом мире, чем клятвопреступник.

Малекит взял руку короля в свою и стиснул его ладонь.

— Клянусь, — сказал он. — Клянусь на могиле Верховного короля Снорри Белобородого, правителя гномов и друга эльфов.

Глаза Снорри затуманились, и его грудь больше не поднималась от дыхания. Чуткий слух Малекита не мог обнаружить никаких признаков жизни, и он не знал, услышал ли король его слова. Князь отпустил руку Снорри, сложил его руки на груди и легким движением длинных пальцев закрыл другу глаза.

Затем он встал, бросил на мертвого короля последний взгляд и вышел из комнаты. Снаружи, среди нескольких дюжин придворных гномов, стоял сын Снорри Трондик.

— Верховный король умер. — Малекит обвел глазами собравшихся гномов, пустой тронный зал, затем перевел взгляд на Трондика. — Теперь ты Верховный король.

Не произнеся больше ни слова, Малекит пробрался через толпу и вышел в тронный зал. Там он остановился на полдороге к трону и уставился на высокий помост. Он прекрасно помнил первый свой визит. В тот раз все внимание Малекита было уделено Аэрнуису, на Верховного короля он почти не обратил внимания. А сейчас он мог думать только о лежащем в маленькой спальне гноме.

Трон стоял пустым. Все опустело. Войны с орками и чудовищами выиграны. Эльфы усмирили леса, а гномы завоевали горы. Бел Шанаар украл у него власть над колониями. Казалось, что Снорри, пусть и неумышленно, забрал с собой в могилу последние дни славы. Теперь его друг мертв, и бороться больше не за что. Кроме как за трон Феникса.

За следующее десятилетие Малекит еще более отдалился от своего двора в Атель Торалиене. Он поступил так, как в свое время в Нагарите, — назначил мудрый, уважаемый совет из князей и прочих сановников править от своего имени и передал титул посла Карнеллиосу, князю Котика, который участвовал еще в первых переговорах с гномами и которому те вполне доверяли. Когда Малекит убедился, что дела находятся в надежных руках, он объявил, что намерен отправиться на север, в многолетний поход, из которого может не вернуться, и пригласил с собой добровольцев.

После такого заявления Малекит провел инспекцию замков и крепостей, защищавших земли Атель Торалиена, и повторил свой призыв перед всеми гарнизонами. Из добровольцев он отобрал лучших капитанов, рыцарей и лучников и вернулся в столицу с семьдесятю воинами.

На подъезде к Атель Торалиену князь и его отряд наткнулись на огромный лагерь за пределами городских стен, размером почти в полмили. Для знати были раскинуты

роскошные шатры и павильоны, а палатки поскромнее насчитывались сотнями.

У восточных ворот повелителя встретил Еасир.

— Слава богам, что вы вернулись. — Лейтенант ухватил под узды коня Малекита, чтобы помочь князю спешиться.

— Что-то случилось? — спросил Малекит и перекинул поводья одному из воинов. — Орда орков? Чудовища с севера?

— Нет, нет, — заверил его Еасир. — Никакой угрозы.

— Тогда почему у ворот расположилась целая армия каких-то проходимцев? — Малекит окинул взглядом палаточный город у дороги.

— Они хотят идти с вами в поход, — выдохнул Еасир.

— Все? — приподнял бровь князь.

— Шесть тысяч семьсот двадцать восемь. По крайней мере, так выходит по списку, который завел для добровольцев Аландриан. Сперва они заполонили город, и на верфях и рынке не осталось места. Пришлось выселить их за городские стены и предоставить им провизию.

— Я не смогу взять с собой больше пяти сотен, — ответил Малекит. — Отошлите всех, у кого есть жены и дети, и тех, кому не доводилось проливать кровь в битве. Так мы немного сократим их численность.

— Да, ваше высочество. Многие из них не из Нагарита; вы возьмете их с собой?

— Только если они принесут клятву верности Нагариту, — нахмурился князь. — И не надо брать никого моложе трех сотен лет. Мне нужны опытные воины.

— Тут восемнадцать князей из разных княжеств. С ними что прикажете делать?

— Они хотят урвать немного от моей славы, — отрезал Малекит. — Отошли обратно всех, кто не родился в Нагарите. Я поговорю с теми, кого ты сочтешь достойным моего внимания.

— Как пожелаете, ваше высочество. — Еасир с поклоном удалился.

Малекит смотрел на лагерь и видел, как на глазах начинает расплзаться новость о его возвращении. Трубили рога, эльфы выходили из палаток и начинали собираться под воротами. Сотни выкрикивали его имя, чтобы привлечь к себе внимание. Малекит отвернулся и вошел в город.

— Закройте ворота, пока они не уйдут, — приказал он одному из часовых.

Малекит выбрал себе в спутники пятьсот эльфов: достаточно для управления кораблем и сражений, и при этом такое количество можно будет прокормить в дикой местности. Почти половина из них были ненамного моложе самого князя, а некоторые даже прибыли с ним сюда с Ултуана. Все они не имели семей, поскольку Малекит знал, что ведет экспедицию в неизведанное, и не хотел плодить вдов и сирот.

Аландриан занимался обеспечением похода и отправкой тех, кому отказали. Среди забот он умудрился найти одним вечером своего князя.

— Все готово? — спросил Малекит.

Он сидел в низком кресле на балконе своего городского дома. На маленьком столике стоял хрустальный графин, и князь жестом предложил Аландриану угощаться. Лейтенант налил себе бокал золотистого вина и присел рядом.

— Если позволите, я хотел бы дать вам совет, ваше высочество, — деликатно начал он. — Возможно, вам подойдет пятьсот первый доброволец.

— Пятьсот первый? — Малекит со смехом кивнул. — Ты предлагаешь, разумеется, себя?

— Да, ваше высочество. Еасир едет с вами, и я тоже хочу.

— Это невозможно, — ответил Малекит. — У Еасира нет семьи. А у тебя красавица-жена и двое чудесных дочерей. Я лучше отрублю себе руку, чем лишу их отца.

— Вы рождены для славы, — произнес Аландриан. — Я служил вам верой и правдой. Я прошу только, чтобы вы позволили мне продолжить службу.

— Срок твоей службы окончен, — ответил Малекит и поднял руку, чтобы остановить протесты лейтенанта. — Я уже подготовил бумаги, в которых титулы князя Нагарита и правителя Атель Торалиена переходят к тебе.

— Князя? — выдавил Аландриан.

— Верно, — Малекит рассмеялся над потрясенным выражением лица друга. — Я хотел немного подождать перед оглашением, но ты невольно подтолкнул меня. Ты станешь моим регентом в Элтин Арване. Еасир прежде всего солдат, и я назначаю его главнокомандующим Нагарита — этот титул носил я при жизни отца. У тебя достаточно терпения и мудрости, и ты обладаешь даром слова. Ты лучше послужишь мне не копьем, но пером. Правь Атель Торалиеном в лучших традициях Нагарита. Всегда будь готов прийти на помощь родине. Но главное, радуйся данной тебе богами жизни и старайся получить от нее лучшее!

Малекит поднял свой кубок, и Аландриан оторопело ответил на тост — он все еще не мог прийти в себя после откровений князя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Поздний отъезд

За несколько месяцев до отъезда Малекита навестил неожиданный гость. Князь сидел в верхней комнате возвышающейся над Атель Торалиеном башни и просматривал договор передачи власти преемникам. Хотя у него было несколько дворцов в городе и в лесных угодьях, он предпочитал заниматься делами именно здесь, в построенной на старой части стены башне, где он защищал город от орков.

Малекит третий раз перечитывал один из запутанных параграфов, когда его отвлек шум за окном. В башне послышалось оживление: хлопали двери, кто-то с топотом сбегал по ступенькам. Он попытался снова сосредоточиться на запутанном бюрократическом языке документа, но шум не стихал, и вскоре Малекит раздраженно отшвырнул бумаги и встал. В тот же момент в дверь торопливо постучали.

— Что? — спросил князь.

Дверь распахнулась, и в комнату с коротким поклоном вошел Еасир.

— Я пытаюсь сосредоточиться! — прорычал Малекит.

— Простите за вмешательство, ваше высочество, — выдохнул Еасир и снова поклонился, уже более церемонно. — Будьте добры, выгляньте в окно.

— В окно? — переспросил князь.

Он повернулся и вышел через открытый проем на маленький балкон. По улицам внизу толпы эльфов спешили в порт, а некоторые даже бежали. Малекит поднял голову и через крыши оглядел гавань.

Тихие воды блестели под ярким весенним солнцем. Дюжины кораблей качались на якоре, все выглядело спокойным, и Малекит не заметил ничего необычного. Затем он перевел взгляд на юг и увидел ряды приближающихся черных парусов.

Он прикрыл ладонью глаза и стал рассматривать армаду. Десять кораблей, девять из них ничем не примечательны, за исключением черных с серебром флагов Нагарита на мачтах. Но внимание его привлек десятый корабль.

Он без усилий скользил по волнам, четыре огромных треугольных паруса наполнял ветер, волны разбивались о золоченый нос. Малекит еще никогда не видел такого огромного корабля, не меньше замковой башни, с тремя корпусами: центральный корпус поддерживали два по бокам, причем каждый не уступал в размерах военному кораблю. На его палубе возвышались башни из темного дерева, отделанного переливающимся золотом. Малекита поразили величественные и в то же время элегантные очертания: он никогда не видел судна настолько великолепного.

Подобно льву среди стаи собак, корабль рассекал волны в центре армады. При подходе к берегу паруса сложились, и судно скользнуло к самому длинному причалу. С других кораблей послышались звуки горна — так они приветствовали благополучное прибытие своего флагмана.

Малекит поборол желание прыгнуть с балкона и бежать к пристани; вместо этого он приказал Еасиру принести плащ и меч. И ждал, нетерпеливо постукивая пальцами по узорному парпету балкона и наблюдая, как приближается огромное судно. Он уже мог разглядеть команду на палубе в нарядных красно-белых камзолах. По неслышной ему команде матросы бросились сворачивать грот.

Еасир снова вошел в комнату, прицепил к поясу Малекита ножны и набросил ему на плечи пурпурный плащ. Немного торопливее, чем ему бы хотелось, князь вышел из комнаты и спустился по длинной винтовой лестнице. При его приближении часовые распахнули двери, но Малекит даже не удостоил их взглядом, так не терпелось ему оказаться снаружи. На улице толпились жители города, и, хотя многие расступались перед ним, некоторые так торопились на набережную, что не замечали князя. Еасир шагал перед ним и расчищал дорогу; когда неосмотрительные эльфы понимали свою ошибку, они падали на колени и просили прощения. Таким образом Еасир быстро расчистил путь до пристани, но выход на причалы оказался полностью перекрыт толпой сбежавших поглазеть на эльфийскую армаду.

Некоторые осознали, что создают препятствие, но могли только пожимать плечами и кланяться. Они попытались освободить проход, но собравшаяся толпа не позволяла этого. Гомон стоял такой, что выкриков Еасира никто не слышал, и в конце концов Малекиту пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам.

Он вытащил из ножен Авануир и поднял его перед собой острием в безоблачное небо. От одного слова лезвие окутала магическая сила. На кончике меча появилась огненная стрела, которая с пронзительным визгом взлетела в воздух и привлекла внимание всех вокруг.

Эльфы начали расступаться перед своим правителем — некоторые неуклюже вспрыгивали на вытасенные на берег лодки, другие карабкались на балконы и навесы. Подобно расступающейся перед кораблем воде, толпа раздалась перед Малекитом. С довольным кивком князь убрал меч в ножны и зашагал по освободившемуся проходу к причалу.

Он прошел по выбеленным доскам изгибающегося пирса, упер руки в бока и наблюдал, как огромный корабль медленно заходит на швартовку. Эльфы с толстыми тросами в руках ловко прыгали через борт и закрепляли судно.

С корабля спустили широкий трап. Малекит сделал несколько шагов и остановился у основания трапа.

На первой ступени трапа появилась высокая элегантная женщина. Морской бриз заставлял трепетать шелковые ленты ее одежд. С кошачьей грацией она начала спуск, и Малекит смог наконец-то разглядеть лицо Морати, такое же красивое и молодое, каким он его помнил.

Вдова Аэнариона грациозно спустилась на берег и остановилась перед сыном. Она протянула ему руку, и Малекит поцеловал ее, а затем помог матери сойти на причал, отбросив в сторону плащ.

Морати повернулась к нему и улыбнулась.

— Мой милый сын, — промурлыкала она.

— Драгоценная матушка, — ответил Малекит с церемонным кивком.

Когда толпа на пристани лучше разглядела происходящее, от пирса до складов пронесся потрясенный шепот. Затем воцарилась почтительная тишина, в которой слышались лишь крики чаек и шум волн. Эльфы потихоньку снова начали пробираться вперед; те, кто стоял далеко, вытягивали шеи и вставали на цыпочки, чтобы разглядеть королеву Нагарита. Многие родились уже в Атель Торалиене и никогда ее не видели.

Мать и сын рука об руку неторопливо направились к башне. Они не смотрели друг на друга, но поглядывали на толпу с приветливыми улыбками. Лицо Малекита полностью скрывало его истинные чувства.

А ведь он совершенно не ожидал прибытия Морати и боялся привезенных ею новостей. В голову не приходило ни одной безобидной причины, по которой мать променяла бы комфорт Анлека на пребывание в колонии. Неужели она перегнула палку в отношениях с Бел Шанааром и тот отправил ее в ссылку? Корабль тоже оставался загадкой. Очевидно, что делали его в Нагарите, но ни одна верфь за пределами Лотерна не смогла бы произвести такого великана. Как такое сокровище попало в руки Морати и что она собирается с ним делать?

Хотя Малекита терзали все эти вопросы, он заставил себя шагать медленно и с достоинством принимать поклоны и приветствия все увеличивавшейся толпы.

Мать отвечала на приветствия, исполненная всегдашнего самодовольства. Он видел, что вызванный ее приездом фурор доставляет Морати немалое наслаждение. С самого раннего детства Малекит замечал, что его мать всюду привлекает к себе внимание, и только мощный свет Аэнариона может затмить ее. Подобно тому как камень впитывает тепло полуденного солнца, так и Морати сейчас купалась в восхищении эльфов Атель Торалиена.

Дорога до башни заняла продолжительное время. Когда они входили в ворота, Малекит оглянулся через плечо и заметил, что к Еасиру присоединился Аландриан. Жестом он предложил матери взойти по лестнице первой и повернулся к своим лейтенантам.

— Оставьте нас пока наедине, — приказал князь. — Но не уходите далеко, вскоре я вас позову. Еасир, пошли кого-нибудь на пристань, чтобы проводили слуг матери в Звездный дворец.

Эльфы с поклоном собрались удалиться, но тут Малекиту пришла в голову еще одна мысль.

— Предупредите моих слуг.

Ответом ему послужили недоуменные взгляды.

— Мать привезла с собой огромную свиту. И их всех надо кормить.

Лейтенанты кивнули и ушли, а Малекит поспешил за матерью. Он перепрыгивал лестницу через три ступеньки, но, несмотря на это, Морати уже ждала его наверху. Она встретила его улыбкой и протянула руку. Со вздохом князь взял ее под руку и вывел на балкон. На сей раз провидицу и князя Нагарита встретили восторженными криками. Улицы были забиты эльфами, и изо всех окон выглядывали любопытные лица.

— Зачем ты приехала? — прошептал Малекит и помахал рукой восхищенной толпе.

— Я приехала навестить тебя, мой замечательный сын, — ответила Морати с ослепительной, предназначенной для зрителей улыбкой. — Ты должен понимать, что мать волнуется за сына. До меня дошли слухи, что ты собираешься в дикие места в поисках каких-то нелепых приключений, и я решила, что лучше навестить тебя до отъезда.

— Ты не сумеешь отговорить меня, — предупредил Малекит. — Я собираюсь выступать через несколько дней.

— Отговорить? — с легким смешком переспросила Морати. — А зачем же мне отговаривать тебя? Разве не я стояла на пристани Нагарита, когда ты отплывал сюда, и велела тебе снискать славу и величие? Разве ты не выполнил мое пожелание, и с тех пор я смотрю на твои достижения с любовью и гордостью?

— Прости меня, — ответил князь. — Если ты приехала лишь для того, чтобы поддержать меня, я очень признателен.

Морати ответила не сразу, незаметным жестом предложив вернуться в комнату. Последний раз махнув рукой толпе, Малекит открыл балконную дверь.

— Так все-таки зачем ты здесь? — спросил он. В его тоне звучало искреннее любопытство.

— Тебе не нужна моя поддержка, — заявила Морати.

Она указала на бутылку на столе, князь достал чистый бокал и налил ей вина. Мать кивком поблагодарила его, сделала глоток и продолжила:

— Ты слишком давно не был на Ултуане. Я собиралась настаивать на твоём возвращении, но затем поняла, что такой поступок не принесет пользы и только озлит тебя.

— Ты права, я не вернусь на Ултуан. Почему ты считаешь, что мне нужно вернуться именно сейчас?

— Не сейчас, но довольно скоро, — ответила Морати. — Я чувствую, что правление Бела Шанаара заканчивается. Его узурпация твоих заслуг в отношениях с гномами стала последней попыткой повысить свою популярность. Но теперь, когда колонии процветают и все княжества купаются в роскоши, Тиранок ничем не выделяется среди прочих. Лучшие из нагаритян давно покинули остров, и новое поколение желает подражать тебе, а не Бел Шанаару. В спокойствии таится слабость, ибо, прежде чем вложить меч в ножны, его нужно выковать в пылающем огне. Но на Ултуане огня не осталось. Хотя империя эльфов растет, Ултуан угасает.

— Если Ултуан угасает, это вина правящих там князей, — заявил Малекит. Он тоже налил себе вина.

— Я о том и говорю, — отрезала Морати. — У Бел Шанаара нет достойного преемника, а его двор так же слаб, как и он сам. Результатом твоих подвигов в колониях воспользовались другие. И тебе следует вернуться, чтобы забрать то, что по праву принадлежит тебе.

— А как ты согласишься на то, что я вообще не вернусь на Ултуан? — спросил Малекит. — Что, если я решил прожить свою жизнь здесь, вдали от удушающих объятий нашего острова?

— Тогда я прокляну тебя как последнего глупца и отрекусь от тебя. Но я знаю, что ты сейчас неискренен. Наш остров похож на когда-то любимую тобой девушку, которая вышла за другого. Но даже если ты больше не хочешь смотреть на ее лицо, любовь продолжает жить в твоём сердце, чтобы она ни сделала.

— Да, ты права, — признался Малекит. — Наша страна — как возлюбленная, которая отвергала меня много раз, и все же ее взгляд не отрывается от меня и манит обещанием, что однажды она все-таки примет мои ухаживания. Тем не менее, если ты говоришь правду, быть может, уже слишком поздно: красота увяла и Ултуан ждет забвения и скорая смерть. Возможно, будет лучше, если мы порвем последние связи с этим маленьким островком и отправимся в большой мир.

С перекошенным от ярости лицом Морати подошла к сыну и отвесила ему пощечину. Повинуясь рефлексу, он поднял руку, чтобы ответить на нападение, но быстрая, как змея, Морати перехватила его запястье. Длинные и острые ногти вонзились в кожу, и по руке Малекита потекла кровь.

— Как ты смеешь! — прошипела провидица. — Твой отец посвятил всю свою жизнь борьбе за Ултуан и спас его ценой собственной жизни. Я думала, что воспитала тебя лучше. Я думала, что ты не станешь одним из самовлюбленных идиотов, которых при дворе Бел Шанаара считают князьями. Как смеешь ты своим равнодушием приговаривать Ултуан к смерти!

Малекит, оскалившись, отдернул руку и попытался было отвернуться, но Морати не отставала и развернула его лицом к себе.

— Ты имеешь наглость поворачиваться ко мне спиной и собираешься точно так же отвернуться от родного острова! — прорычала она. — Возможно, Первый совет оказался прав в том, что выбрал не тебя: не из-за нависшей над тобой тьмы, но потому, что ты слаб и не заслуживаешь большего.

— Что еще я могу сделать? — спросил князь. — Во имя Нагарита я завоевал новые земли и создал величайший союз в истории нашего народа. Что еще я могу дать Ултуану?

— Себя. Править — значит служить. Аэнарион понимал это. Он служил Каину, поскольку ни один другой господин не был достоин его верности. Ты тоже должен быть готов служить высшим целям и силам.

Морати сделала глубокий, успокаивающий вдох.

— Служи Ултуану — и ты станешь Королем-Фениксом. Защити его от внешних и внутренних врагов — и остров сам потянется к тебе. Отправляйся на север и изучи людей. Преодолей ледяные пустыни и сразись с темными богами, что угрожают нашему миру. Но затем возвращайся на Ултуан и займи место правителя, чтобы защитить нас. Боюсь, что только ты сумеешь спасти нас от опасностей, которые я предвижу. Я видела, как Ултуан снова охватят пожарища и жажда крови. Колонии сгорят, и все, что нам дорого, канет в пустоту.

— Так что ты видела и когда это произойдет? — спросил Малекит.

— Ты же знаешь, что будущее не предопределено, — ответила провидица. — Я заглядываю вперед и вижу смерть. Снова к нам придет война, и эльфы призовут Нагарит, как это уже было при твоём отце. Я предупреждала Первый совет, что так случится, но они не послушали меня. Ты должен узнать все, что сможешь, о Хаосе и о людях, потому что наше будущее переплетено с ними. А затем возвращайся и забери то, что так долго ускользало от тебя. Пусть Анлек снова станет маяком надежды.

На лице матери в одинаковой мере отражались и надежда, и страх — и Малекита захлестнула волна любви к ней. Он обнял ее за плечи. Морати дрожала, хотя он не мог сказать, от тревоги или предвкушения победы.

— Пусть будет, как ты говоришь, — произнес князь. — Я отправлюсь на север и найду там свою судьбу. Затем я вернусь на Ултуан и буду охранять его от опасностей.

— А у меня есть достойный твоего путешествия конь, — сказала Морати.

Она взяла сына за руку, подвела к окну и указала на огромный корабль, который теперь стоял на якоре в гавани.

— Он назван «Индраугниром», в честь дракона, с которым был дружен твой отец. Сидя на нем, он сражался с демонами. Они умерли вместе на Оскверненном острове, после того как Аэнарион вернул Убийцу богов на черный алтарь. Этот драконий корабль заменит тебе дракона. Его имя не останется незамеченным народом Ултуана.

— Это великолепный корабль. Однако нагаритяне не сумели бы построить подобное судно. Откуда он взялся?

— Мы говорим об Ултуане как о кокетливой девице, и это правда, — ответила Морати. — Многие князья восхищаются нашим островом и готовы помогать ему. Князь Аэлтерин из Лотерна — один из таких. Он построил первый драконий корабль и подарил его тебе. В ближайшие годы на верфях Лотерна построят еще несколько, но «Индраугнир» останется первым и самым величественным.

— Значит, у тебя есть союзники и за пределами Нагарита.

— Их немало. Некоторые из принимавших участие в Первом совете князей уже умерли от старости или ран, а их наследники задумываются, правильный ли выбор сделали отцы. Не все были счастливы постоянно, а тысяча лет — это долгий срок для того, чтобы находиться под властью правителя куда менее достойного, чем Аэнарион. У нас есть сторонники в каждом из княжеств и во всех колониях. Недовольство растет, ибо, хотя эльфы и живут в комфорте, их дух остается неудовлетворенным. Я делаю что могу, чтобы расшевелить их. Сейчас никто не знает, что такое голод, страх и лишения. И все же многие считают, что Ултуан превратился в золотую клетку. Мы молимся богам, и они отвечают мне в видениях и снах.

— Я много слышал о твоих молитвах. Ты испытываешь судьбу, связываясь с подобными богами. Морай-хег и Нету не те божества, с которыми можно общаться по своему усмотрению. Отец заплатил чересчур высокую цену за милость Каина; не стоит недооценивать силы, с которыми ты связалась.

— Тебе нечего бояться, — ответила Морати. — Настоящие темные ритуалы проводят только посвященные жрецы и жрицы. Наши же церемонии больше походят на обычные вечеринки. Бел Шанаар будто возмущен нашими ритуалами, но даже он знает, что Атарту, Гекарту и других богов нельзя оставить в полном забвении.

— Но если ты открыто выступишь против Бел Шанаара, такой поступок сочтут изменой, — предостерег Малекит. — Я знаю, что ты хочешь ослабить его власть, но будь осторожнее и не погуби Нагарит. Ни один из ултуанских князей не пойдет против Короля-Феникса, и если ты поспешишь, то оставишь Нагарит слабым и без союзников.

— Я не буду предпринимать никаких решительных действий. — Морати села в кресло у письменного стола. Она откинула назад длинные черные волосы и посмотрела на сына. — Я не собираюсь подрывать авторитет Короля-Феникса и добывать тебе потрепанную корону, которая стоила бы меньше крестьянской шапки. Пусть слабым сочтут Бел Шанаара, но не его титул. И когда ты взойдешь на трон Феникса, мощь Анлека возродится. Я всего лишь орудие, которое необходимо для достижения этой цели. Я не могу стать Королем-Фениксом. Только ты, сын Аэнариона, можешь потребовать то, что принадлежит тебе по праву.

Малекит, обдумывая слова матери, снова наполнил свой стакан. Затем подошел к окну и глянул на «Индраугнир». Название было очень удачным: как о драконе отца слагали легенды, так и этот корабль прославит Малекита. Мать прекрасно умеет управлять общественным мнением, и теперь, привлекая внимание Ултуана к невиданному кораблю, она заставит всех вспомнить первого Короля-Феникса и, в свою очередь, подготовит трон для его сына.

— А что же с Вечной королевой? — после раздумий спросил князь. — Если я сменю на троне Бел Шанаара, то все равно не смогу жениться на своей сводной сестре.

— Это не имеет значения, — ответила Морати. — Я убедила многих князей в том, что свадьба Бел Шанаара и Иврейн — всего лишь пустая формальность, потому что Король-Феникс должен быть потомком Аэнариона. После войны с демонами эльфы мечтали вернуться к идиллическому правлению Вечной королевы, но сейчас лишь единицы помнят эпоху до правления Аэнариона. Вечная королева всего лишь политическая фигура, и не более того, а подлинная власть Ултуана принадлежит не Авелорну, а Тор Анроку. Вечная королева не имеет никакого веса, она всего лишь поднявшаяся выше своего положения жрица.

— А что с Морелионом? — спросил Малекит.

— Старший сын Аэнариона живет в одиночестве где-то на западных островах. У него нет желания становиться преемником отца, а даже если он и захочет занять трон, у него нет ресурсов, чтобы серьезно претендовать на это. Верь мне и верь Нагариту. А вот когда ты захочешь продолжить дело отца, моментально найдутся те, кто поможет тебе.

— Тогда я буду ждать исполнения воли богов, — заявил Малекит. — Когда они подадут мне знак, я пойму. Я верну Ултуану славу, а память о моем правлении будет греметь в истории не менее громко, чем легенды об отце.

— Хорошо, — с улыбкой сказала Морати. — А теперь скажи, какой дворец ты порекомендуешь для отдыха усталой матери?

Как и предполагал Малекит, Морати приехала в сопровождении многочисленной свиты: охрана, повара, садовники, музыканты, художники, поэты, актеры, летописцы, прислужники, дуэньи, цирюльники, жрецы и портные — всего около семи сотен. Все они были уроженцами Нагарита, и таких эльфов жители Атель Торалиена видели впервые. Уже несколько десятилетий с Ултуана прибывало все меньше и меньше эмигрантов, поэтому новейшие веяния моды оставались для колонистов загадкой. Морати глубоко презирала придворных модников, но не упускала возможности обернуть ситуацию в свою пользу и здесь.

Провидица тщательно поддерживала свою репутацию законодательницы мод и щедрой меценатки. Она покровительствовала молодым талантливым поэтам, певцам и лицедеям. Таким образом Морати давала понять, что двигается в ногу с новым поколением, в то время как Бел Шанаар и его сподвижники выглядели весьма старомодно. Благодаря колдовству Морати внешне не постарела ни на день, в то время как годы не пощадили Короля-Феникса. Одним словом, и старикам, и молодежи Морати казалась идеалом: она хранила традиции и вместе с тем не отставала от времени.

Огромная свита ясно показывала широкий спектр интересов правительницы Нагарита. От поэтов, которые стенали об увитых белым плющом винных домиках, до жонглеров с вызывающей татуировкой и плотателей огня — никто из сопровождающих Морати не остался незамеченным в Атель Торалиене. Но самое сильное впечатление на местных эльфов произвело прибытие жрецов и жриц.

Малекит не поощрял развитие религии в Атель Торалиене. Аэнарион воспитал его в недоверии к жрецам, которые в свое время отказали ему в поддержке. Хотя князь никогда открыто не запрещал строительства храмов, но любой жрец, осмелившийся на подобную наглость, очень скоро расклевывался в своей дерзости. При таких обстоятельствах жрецов в Атель Торалиене очень скоро можно было по пальцам пересчитать. Но с прибытием Морати как будто прорвало плотину, и жрецы всех мастей буквально заполонили город.

В ранние дни правления Вечной королевы эльфы ублажали богов в определенных местах, посвященных тому или иному божеству. Эльфы приходили к священным гротам, непорочным ручьям, зловещим пещерам или вершинам, чтобы договориться с богами или воздать им хвалу.

Но теперь, когда эльфы расселились по всему миру, Морати потихоньку изменила роль жрецов. Когда-то они лишь ухаживали за храмами. Но благодаря провидице они стали сосудами власти богов. Теперь не эльфы совершали паломничества к святым местам, а жрецы сами несли по миру благословение богов.

Жители Атель Торалиена были долго лишены духовного наставничества и поэтому с восторгом приняли прибывших и толпами шли на их ритуалы. Однажды князь пожаловался матери на это, но она со смехом отмахнулась.

— Твоя нелюбовь к религии противоестественна, Малекит, — сказала она. Провидица с сыном прогуливались по внешней стене города над взбуренным ветром заливом. — Если ты хочешь избавиться от своей ненависти, тебе придется преодолеть тайные страхи.

— Я ничуть не боюсь жрецов, — фыркнул Малекит.

— И тем не менее ты никогда не заходишь в храмы и не возносишь богам самой скромной хвалы. — Морати остановилась и прислонилась спиной к парапету. Низко висящее солнце ласкало ее светлую кожу. — Возможно, тебя пугают сами боги?

— Боги никогда не благоволили к Нагариту. Не вижу причин унижаться перед ними.

— И все же боги играют в твоей жизни серьезную роль, — предупредила мать. — Твой отец стал Королем-Фениксом с согласия Азуриана, и он освободил наш остров с мечом Каина в руке. Его первая жена была избранницей Иши. Твоя кровь взывает к богам.

— Теперь сильны другие боги. — Взгляд Малекита невольно потянулся к северу, к невидимому царству Хаоса. — Боюсь, даже Азуриан сейчас мало на что способен.

— Все равно прими богов, пусть не душой, но ради усиления твоей власти. Не имеет значения, веришь ты в то, что боги тебя слушают, или нет. Главное — это помнить, что твой народ верит. И если они убедятся, что на тебе лежит милость богов, их преданность только возрастет.

— Я не собираюсь править, прибегая ко лжи, — ответил Малекит. — Когда-нибудь мы совсем освободимся от богов, и это будет только к лучшему.

Морати промолчала.

Прибытие Морати нарушило привычный порядок в городе, и Малекит знал, что мать сделала это неслучайно. Морати прекрасно понимала, сколь переменчивы эльфы, и поэтому приложила максимум усилий, чтобы демонстративное прибытие, передача сыну «Индраугнира» и его отъезд запомнились надолго.

Из всей огромной свиты только несколько дуэний и провидиц намеревались возвратиться с Морати на Ултуан. Остальные, по словам матери Малекита, были ее даром Атель Торалиену.

И вот настал день отплытия. Князь нагаритян стоял на борту качающегося на волнах залива «Индраугнира». Рядом стояли верные Аландриан и Еасир. Лучшую из просторных кают заняла Морати. Трое эльфов оглядывали город, который вырос, наверное, вдесятеро по сравнению с тем поселением, куда они приплыли около тринадцати сотен лет назад. Все знали, насколько изменилась с тех пор их жизнь, и молча предавались воспоминаниям.

— Итак, куда вы отправитесь? — спросил Аландриан.

— Сначала на запад. А потом... — Малекит указал на север. — А потом — навстречу судьбе, какой бы она ни была — великой или бесславной.

— Великой, я уверен, — с добродушной улыбкой ответил Аландриан. — Боги избрали вас для великих дел, мой князь. В то время как мы, простые смертные, трудимся в вашей тени.

— Ну, я и моя тень скоро уплываем, — улыбнулся Малекит. — А в мое отсутствие наслаждайся теплом и светом. Если сказанное тобой правда, то когда я вернусь, я буду способен затмить солнце и звезды!

Князь попрощался с Аландрианом. Лейтенант обещал, что будет охранять город и хранить верность Нагариту. На палубу вышла Морати, чтобы помахать толпе, которая собралась на пристани. Ветер наполнил паруса, и «Индраугнир» тронулся в путь; к полудню город уже скрылся за горизонтом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Зов Каина

Как и сказал Малекит, они плыли на запад. Сперва следовало доставить Морати в Нагарит, а значит, ее нужно было высадить в Галтире. Через тридцать дней после отплытия из Атель Торалиена попутный ветер принес их к северным островам возле Ултуана.

Возвышавшиеся из морских глубин скалистые острова защищали берега Нагарита и Крейса от высоких волн, нагоняемых северным ветром. Один из островов на западе архипелага возвышался над другими — Оскверненный остров. Там находилось святилище Каина, черный плоский валун, из которого торчал Сеятель вдов, меч Каина.

Морати стояла на палубе и вглядывалась в туман и брызги волн. К ней подошел Малекит.

— Ты думаешь об отце? — спросил он.

— Да. Более тысячи лет назад он прилетел сюда на «Индраугнире» и сделал последний вдох. Сейчас Аэнарион всего лишь воспоминание, легенда, которую рассказывают детям, а они восхищаются его деяниями, хотя и не очень-то верят в них. Даже я знала только Короля-Феникса, потому что мы встретились уже после того, как он вытащил меч. Даже я до этого знала его только понаслышке, а его жизнь до получения благословения Азуриана остается загадкой. Сейчас же величайшего из эльфов нет с нами. Но после него остался ты.

Малекит немного постоял рядом с матерью. Он глядел на темные тусклые камни, а морские брызги растекались по его лицу.

— Осталось кое-что еще, — наконец произнес он.

— И что же? — спросила мать.

— Никто не высаживался на Оскверненный остров после того, как Аэнарион вернул меч Каину. Они с «Индраугниром» лежат тут и по сей день. Нужно вернуть их тела в Анлек и похоронить с честью, чтобы князья со всего мира могли прийти и выказать уважение первому Королю-Фениксу. Даже Бел Шанаару придется преклонить колени перед его останками на глазах у князей. А когда моего отца положат в мавзолей, не уступающий пирамиде Азуриана, и поставят скелет величайшего из драконов Каледора охранять его, я возьму себе его доспех. Князья запомнят, как Бел Шанаар кланялся этому доспеху, и люди снова увидят, что я — сын Аэнариона, возрожденный Аэнарион.

— Так ты вернешься со мной в Нагарит? — спросила Морати.

— Только с телом отца!

Князь приказал приготовить лодку и поставить «Индраугнир» на якорь. Затем Малекит сменил княжескую мантию на боевой доспех. Морати наблюдала, как лодку спустили на воду, и улыбнулась сыну, когда тот перепрыгнул через борт и ухватился за канат. С мальчишеской озорной улыбкой князь Нагарита соскользнул по канату в лодку.

Моряки оттолкнулись от борта корабля, и лодку тут же подхватили бурные волны. Вскоре они нашли крохотную бухту, где стали на якорь. Малекит спрыгнул на берег — остальные эльфы старались даже ненароком не прикоснуться к проклятой каменистой почве.

На Оскверненном острове не было никаких признаков жизни. В трещинах меж камней не тянулась к солнцу трава. В тени валунов не ползали жуки. В темных озерах прибрежной

полосы не таились крабы. Чем дальше вглубь острова продвигался Малекит, тем тише становился даже ветер.

Князь довольно долго бродил по острову, ничего не находя. Наконец он взобрался на скалистый утес и только тогда обнаружил, что день клонится к вечеру и солнце уже нависло над горизонтом. Хотя он и с пренебрежением относился к суевериям, но тем не менее перспектива заночевать на Оскверненном острове Малекита не прельщала, и поэтому он заторопился найти останки и вернуться на ожидавшую его лодку.

Гораздо более энергично он продолжил поиски, однако без какого-либо результата. Малекит уже начинал думать о возвращении, когда его внезапно остановило странное ощущение.

Он не слышал голосов, не видел знаков, но со всей определенностью его тянуло на юг, будто кто-то его звал. Малекит бросил взгляд на садящееся солнце и, торопливо перескакивая с камня на камень, последовал на зов.

Довольно скоро он вышел на широкое, плоское место примерно в центре Оскверненного острова. Черные неровные камни с красными прожилками образовывали грубый круг. Плоская земля внутри его была гладкой, как стекло, и черной, как полночь. В середине круга стоял кубический блок из такого же камня, а над ним что-то переливалось, едва видимое. Малекит огляделся, но не обнаружил никаких следов отца или «Индраугнира». Они должны были побывать здесь, ведь Аэнарион вернул меч Каина на его алтарь, перед которым сейчас и стоял его сын.

Стоило мыслям коснуться Убийцы богов, как до ушей Малекита донеслись приглушенные звуки. Князь осмотрел алтарь Каина более пристально. Звуки усилились. Это были крики боли и вой ужаса. Над площадкой разносился звон металла, грохот боя. Малекит услышал биение колотящегося сердца, и ему показалось, что он краем глаза видит, как клинки кромсают плоть, а от тел отрываются конечности.

Красные прожилки на алтаре запульсировали, как артерии. С алтаря потекла кровь. Малекит понял, что слышит шум собственного сердца, ведь оно колотилось в груди, как молот кузнеца.

Тонкий свист, подобный тому, когда меч рассекает воздух, прозвучал в ушах Малекита. Князь какое-то время прислушивался к нему, а загадочный зов манил его подойти еще ближе к алтарю. Шаг, другой — и вот князь Нагарита оказался возле окровавленного святилища, как когда-то его отец.

Наполовину погруженное в камень оружие переливалось перед глазами Малекита: оно принимало очертания то топора, то меча, то копья. Наконец мерцание прекратилось, и перед Малекитом появился украшенный драгоценными камнями жезл с навершием в форме луковицы. Князь в недоумении разглядывал его — вряд ли этот предмет можно было назвать оружием, скорее он напоминал скипетр, символ верховной власти. Когда Бел Шанаар приезжал в Атель Торалиен, в его руках был очень похожий жезл.

И тут Малекит понял значение видения. Весь Ултуан станет его оружием. Но в отличие от отца, чтобы сокрушить своих врагов, ему потребуется не меч и не копьё. В его распоряжении будут армии, и они выполнят любое его приказание. Если он возьмет в руки скипетр Каина, никто не сможет противостоять ему. Перед глазами Малекита замелькали картины будущего.

Он возвращается на Ултуан и отправляется в Тор Анрок. Он приносит Бел Шанаара в жертву Каину и становится правителем эльфов. Он делается правой рукой бога убийства и

правит целую вечность. В его тени селится смерть, он разрушает царство гномов, поскольку эльфы становятся настолько сильны, что им не нужны уже никакие союзники. Он вырезает тысячи звероловцев, а колья вдоль длинных дорог его империи украшаются трупами орков и гоблинов.

Малекит рассмеялся, когда увидел, как горят деревни людей, их мужчин кидают в огонь, женщинам вырезают сердца, а головы детей разбивают о камни. Подобно штормовой волне, эльфы завоевывают все, что лежит перед ними, и Малекит правит империей, которая занимает весь земной шар, а дым от жертвенных костров затмевает солнце. Его носят в огромном паланкине, сделанном из костей уничтоженных врагов, а дорогу перед ним поливают реками жертвенной крови.

— Нет! — внезапно закричал Малекит.

Он оторвал взгляд от скипетра и бросился плашмя на каменистую землю.

Он долго лежал с зажмуренными глазами и колотящимся сердцем и пытался отдышаться. Наконец он успокоился и открыл глаза. На первый взгляд ничего не изменилось. Он не видел ни крови, ни огня. Только немые камни и свист ветра.

Последние лучи заходящего солнца залили святилище оранжевым светом. Малекит поднялся на ноги и, спотыкаясь, побрел прочь от каменного круга. Он не осмеливался оглянуться. Теперь он точно знал, что не найдет останков отца, поэтому направился прямо к лодке.

Когда князь оказался на «Индраугнире», он приказал капитану взять курс на север и поднять все паруса, пока Оскверненный остров не скроется из виду. Никто не пытался оспорить его приказания, хотя Морати с любопытством оглядела сына, когда тот быстрым шагом прошел мимо нее в свою каюту.

Поскольку Малекит не нашел останков отца, он отказался возвращаться на Ултуан и пересадил мать на один из торговых кораблей, идущих на остров. Несмотря на ее протесты, Морати проводили с «Индраугнира» без лишних церемоний, а потрясенный капитан купеческого судна оказался обладателем небольшого состояния в золоте и драгоценных камнях за провоз королевы-провидицы в Галтир.

К концу короткого путешествия, в течение которого Морати постоянно выказывала недовольство, а ее колдуньи пугали команду, капитан уже жалел, что не запросил больше.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Найденная корона

Малекит упивался свободой, как вином. Он повернул «Индраугнир» на север и направился к ледяным землям, что обрамляли царство Хаоса. Несколько лет князь и его команда исследовали побережье холодных северных островов, намереваясь составить карты для будущих путешественников. Попытки эти остались безуспешными, поскольку близость Пустошей Хаоса и постоянно меняющаяся линия льда перекраивали пейзажи каждый сезон.

Составить карту человеческих поселений тоже оказалось невозможно: люди вели кочевой образ жизни и следовали за непредсказуемой миграцией лосей и мелкой дичи.

Земли эти были суровы и бедны ресурсами. Тем не менее Малекита не оставляло желание подчинить север своей воле.

И вот Малекит с большим отрядом добровольцев высадился на ледяной берег. Они нагрузили на запряженные коренастыми лошадками сани еду и палатки и завернулись в меховые плащи. На «Индраугнире» осталось всего несколько человек; им было приказано возвращаться к месту высадки каждые пятьдесят дней и ожидать возвращения экспедиции. И Малекит с воинами отправились в путь, чтобы узнать, какие же секреты скрывают северные земли.

В Пустошах Хаоса нагаритяне встретили больше врагов, чем где-либо раньше. Пустоши буквально кишели чудовищами, извращенными магией Хаоса, и каждый раз, когда эльфы разбивали лагерь, на часовых совершали нападение очередные ужасные твари.

Здесь люди были намного более развитыми, чем их сородичи с юга. То ли им помогали неведомые союзники, то ли темные боги Хаоса, но они носили доспехи из кожи и бронзы и закаленное оружие. Они с удивительным искусством сражались мечами и топорами, а некоторые обладали шаманским даром и осыпали нагаритян заклинаниями темной магии.

Многие тамошние люди носили на себе отпечаток Хаоса: у них были чрезмерно мускулистые тела и зверские черты лица. У некоторых было заколдованное оружие, подаренное богами Хаоса. Малекит как-то убил вожака с крыльями, как у летучей мыши, и чешуйчатой кожей; тот сражался зазубренным мечом, который постоянно кричал что-то на жутком древнем языке. Авануир так же оборвал жизнь главы племени с телом змеи и доспехом из твердой, как сталь, кости.

Хотя Малекит никогда не заходил на территорию царства Хаоса, его отряд нередко подбирался очень близко к его неопределенным границам. Воздух там дрожал от магических излучений. На грани видимости реяли просторные безумные пейзажи: кошмарные леса из плоти, горы костей, реки крови и горящие небеса. В Пустошах Хаоса, окраинах царства Хаоса, правили демонические неестественные силы. И впервые за тысячу лет Малекит скрестил меч с демонами.

Малекит вел армию все дальше на северо-восток в поисках знака, который был бы понятен только ему одному. По правде говоря, его начинало охватывать отчаяние. После отъезда из Атель Торалиена миновало пятнадцать лет, но князю казалось, что он ни на шаг не приблизился к желаемой цели. Перед ним не было огромной вражеской армии, лишь немногочисленные племена людей и демонические создания. Не было здесь и богатств,

которые можно было бы с почестями отослать на Ултуан. Лишь бесконечный блеклый снег, камень и лед.

Из-за лишений и тягот армия Малекита сильно уменьшилась, и князю все чаще казалось, что экспедиция его закончится ничем. Они все дальше углублялись на север, к самой границе царства Хаоса. Нагаритяне чувствовали его разочарование и беспокоились, что он решится на какие-либо отчаянные действия.

Однажды они попали в сильную снежную бурю, Малекит приказал остановиться и переждать.

Ночью, когда палатки нагаритян бомбардировал снежный ураган, Еасир решил поговорить со своим господином. Они сидели наедине в палатке Малекита. Им пришлось завернуться в меха и согреваться у магического горящего камня — обычный огонь разжечь не удалось. Полотнище билось и трещало на ветру.

— Если бы вы дали нам знать, чего ищете, мы бы сумели вам помочь, — произнес лейтенант.

— А что, если я скажу, что хочу постучаться в ворота Хаоса? — спросил Малекит. — Ты последуешь за мной?

Еасир ответил не сразу, но выражение ужаса на его лице было красноречивее слов.

— Значит, есть границы, которые даже нагаритянин не смеет переступить? — сказал князь.

— Я бы посоветовал так не поступать, ваше высочество, — Еасир с осторожностью подбирая слова. — И все же, если после моих слов вы будете настаивать на своем, я последую за вами, как и все остальные ваши солдаты.

— И какие доводы ты приведешь, чтобы разубедить меня?

— Ни одна живая душа еще не возвращалась из царства Хаоса.

— Но если мы отправимся в сердце Хаоса и вернемся оттуда, разве о нас не будут слагать легенды? — спросил Малекит.

— Если вернемся, — предостерег Еасир.

— Я и не знал, что холод так пагубно влияет на тебя, Еасир, — презрительно бросил князь.

— Меня сдерживает не страх, — резко возразил капитан. — Я с радостью выступлю против любого врага, смертного или демона. Но нас запомнят как глупцов, и мы покроем себя позором, а не славой, или, что еще хуже, нас вообще не запомнят, если мы отправимся в царство Хаоса и не вернемся. Наша история закончится ничем.

Малекит осклабился — не от злости, но от разочарования. Он знал, что в словах Еасира есть резон, однако князь не мог вынести мысли о том, что ему придется вернуться в Нагарит с поджатым хвостом.

— Пока я не стану принимать решения, — провозгласил он. — Утреннее солнце может принести свежие мысли.

Так и вышло.

Перед рассветом буран утих, и над тундрой воцарилось спокойствие. В палатку Малекита заглянул взволнованный Еасир. Следом за ним князь выбрался наружу, чтобы посмотреть, что же так взбудоражило его солдат.

На севере, в свете зарождающегося дня, виднелись какие-то строения. На усыпанном

снегом холме из ледяной почвы выросли облепленные инеем дома. С такого расстояния он не мог рассмотреть их точные очертания, но сразу становилось ясно, что странные грани вытесала из серого и черного камня не природа. Свет раннего утра блестел на свисающих с необычных балконов сосульках и искрами рассыпался на непривычной формы куполах. Малекит отдал приказ сворачивать лагерь и готовиться к выступлению.

Сперва он оценил расстояние в две-три мили, но безликая тундра обманлива, и только спустя несколько часов нагаритяне приблизились к неизвестным постройкам.

Эльфы никогда не видели подобных домов — ни у гномов, ни у людей. Стены этих строений казались не вытесанными, а сплавленными из камня без каких-либо швов. Стены пересекались под непривычными углами, а окна и двери чернели странными проемами. Малекит не видел ни изгибов, ни закругленных арок. Некоторые здания были настолько низкими, что их крыши оказывались на уровне его головы, в то время как другие возвышались на несколько этажей по дюжине футов в высоту.

Поначалу нагаритяне просто бродили по широким, неровным улицам, просторным террасам и лестницам со ступеньками разной высоты. Дороги пересекались через неравные участки и выводили на неровные площадки в форме звезд. Малекит не заметил других материалов, кроме камня, — ни дерева, ни металла — и убедился, что поселение очень древнее. Вскоре стало ясно, что город огромен, гораздо больше всех виденных когда-либо эльфами.

Тут, на границе царства Хаоса, расстояния были крайне обманчивы, и это в полной мере относилось и к городу. Короткие переулки при приближении становились шире, улицы оказывались длиннее, чем можно было предположить по фасадам расположенных на них зданий, а парадные проезды, по которым, казалось, можно прошагать целую милю, заканчивались в мгновение ока.

Наконец Малекит и его отряд решились зайти в одно из зданий. Они выбрали дом в пять этажей, который неестественно расширялся кверху, к серым небесам. Плоские стены испещряли сотни маленьких темных окон. На первом же этаже находилась только широкая лестница, которая вела вниз; эльфы не обнаружили ничего, что помогло бы подняться на верхние этажи.

Они достали сделанные гномами фонари, где горел серебристый огонь, и спустились по ступенькам. Лестница привела их в запутанный клубок туннелей и залов, и довольно быстро Малекит начал опасаться, что они заблудятся. Он приказал на каждом перекрестке оставить по воину с зажженным фонарем, чтобы не потерять из виду обратный путь. Таким образом они медленно осматривали катакомбы. Они не нашли никаких признаков строителей города — лишь голый камень без узоров и цвета.

После целого часа поисков — гораздо дольше, чем можно было предположить, судя по внешним размерам здания, — они подошли к другой лестнице. Она вела вверх, но пролеты совершенно странным образом пересекались. Становилось несомненным, что лестница поднималась гораздо выше потолка, хотя с виду достигала лишь середины первого этажа.

От дыхания в воздухе поднимался пар. Малекит с воинами поднимались по лестнице, оставляя на каждой площадке по часовому. Они преодолели подъем за удивительно короткое время и вышли на еще один пустой этаж с широкими окнами, через которые виднелось затянутое облаками небо.

Малекит подошел к ближайшему окну, выглянул наружу и тут же отпрянул с удивленным вздохом. Лестница привела их на этаж выше того, где они вошли в здание,

потому что внизу он видел оставленных у входа часовых. Город простирался во всех направлениях, докуда доставал взгляд, и там терялся в сером тумане.

Князь прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. Затем, немного придя в себя, высунулся из пустого окна и позвал часовых. Те с испуганными вскриками подняли головы; их голоса едва долетали до Малекита, как будто с весьма значительного расстояния.

Малекит приказал нагаритянам покинуть здание, что заняло еще около часа. Когда он поднял голову к небу, солнце полностью скрылось за облаками, так что пришлось полагаться на инстинктивное чувство времени. По его расчетам, была середина дня, и князь знал, что в это время года солнце садится рано, — весь путь от горизонта к горизонту занимает у него несколько часов. Малекит приказал покинуть город до наступления ночи, а завтра вернуться.

Без солнца никто из нагаритян не мог указать, с какой стороны они вошли в город. Они отправились по своим следам на снегу, но вскоре следы пропали, хотя снегопада не было. Малекит, встревожась, обнаружил вдобавок, что пятеро воинов его отряда пропали. Никто не мог вспомнить, где их видели в последний раз, и князь боялся, что они затерялись в городе, и скорее всего, навсегда.

Малекит чувствовал, что тревога солдат перерастает в панику, поэтому приказал отряду оставаться на месте. Очевидно, близость царства Хаоса влияла на восприятие, и он уже не мог доверять собственным глазам. Поэтому Малекит обратился к более глубоким чувствам — плывущей из Врат Хаоса магии.

Князь закрыл глаза и отключил все внешние ощущения. Он вошел в медитативное состояние. Этому его еще в юности обучила Морати. Обычно ему не требовалось особых усилий для поимки ветра магии, но сейчас он искал идеальной точности.

Он представил себя крошечной точкой, пылинкой, и позволил внутренним чувствам потянуться наружу, совсем недалеко. Ветры магии дули здесь равномерно во всех направлениях. Князь немного расширил сферу своих поисков и охватил большую часть города. Сейчас же он нашел более-менее постоянный поток энергии, текущий в одном направлении. Малекит мысленно отметил его расположение и открыл глаза.

Он снова собрался с мыслями и теперь чувствовал легкую, но настойчивую тягу Хаоса и знал, в какой стороне находится север. Малекит повернулся на юг и приказал нагаритянам следовать за ним.

Они прошагали почти час, когда князь почувствовал другое течение магии. Что-то поблизости создавало завихрение в потоке, наподобие заклинательного камня гномов. Теперь он был уверен, что при необходимости сумеет вывести свой отряд из города, так что Малекит решил отклониться от пути и исследовать это завихрение. Теперь Малекит безошибочно выбирал дорогу и вел нагаритян к источнику аномалии.

Его внимание привлекло одно из зданий. Оно возвышалось башней из пяти ярусов, где каждый следующий ярус отклонялся от предыдущего немного в сторону. От этого все здание казалось покореженным рукой древнего неизвестного бога. В стене первого яруса зияло несколько арочных проходов, но на верхних ярусах Малекит ничего не разглядел. Хотя он и не смог бы сказать почему, но здание напоминало храм.

Малекит приказал половине воинов растянуться по периметру здания, которое стояло на огромной восьмиугольной площади с неровными сторонами. Другую половину он взял с собой внутрь. Некоторое время они бродили по коридорам, лестницам и туннелям. Малекит чувствовал, как магия кипит вокруг, но на стены здания наложено заклинание, которое удерживает ее внутри.

Наконец он нашел место, где яростно клубился магический вихрь. Жестом он приказал воинам остановиться и подошел к точке, где сходились несколько потоков энергии. От такого наплыва магии даже князю стало дурно.

Там он разглядел треугольную дверь, незаметную с любого другого места. Он указал на нее и велел Еасиру точно следовать всем его указаниям. Ничего не понимающий лейтенант, повинувшись жестам князя, подошел к двери. Еасиру казалось, что Малекит направил его к сплошной стене, и в шаге от нее он замешкался, но окрик князя заставил его шагнуть вперед. С гримасой, с прищуренными в предвкушении удара глазами Еасир сделал последний шаг, но едва не упал, когда оказался на верхней ступени странной асимметричной лестницы, похожей на найденную в первом обследованном ими здании.

Из-за колдовства лестницу никто не видел; ведущая к ней дверь находилась как бы немного в стороне от этого мира. Когда Еасир прошел через нее, он пропал из виду, но через несколько мгновений вернулся и жестом пригласил следовать за ним.

Короткая лестница вела вниз, хотя в этом невероятном городе такие понятия, как время и направление, были очень зыбкими. Ступени привели их в абсолютно черную комнату, ее освещал только свет эльфийских фонарей. Казалось, что воздух здесь прямо всасывает в себя свет, и даже в сиянии ламп Малекит не видел дальше десяти шагов перед собой.

Он осторожно сделал пару шагов и обнаружил, что ступает по выложенному плитами полу, — причем каждая плита занимала свое строго определенное место в непонятном геометрическом узоре. Серые, как и весь камень построек в городе, плиты слегка прогибались под ногами. Малекит поводил фонарем вправо и влево и увидел вырастающие из мрака фигуры — они стояли на пьедесталах по сторонам широкого прохода. Князь поднял руку, чтобы идущие следом воины остановились, и повернулся к левому ряду фигур.

В серебристом свете фонаря фигуры казались сделанными из какого-то тусклого сплава, но вблизи Малекит рассмотрел, что перед ним скелеты из серой кости. По пропорциям торса и длине конечностей они соответствовали скорее эльфам, хотя толщина костей больше подходила людям, а рост — гномам. Их черепа чуть отличались от всех виденных прежде Малекитом.

Скелеты покрывали черные саваны с натянутыми капюшонами. На шеях и запястьях висели нити темных бус, возможно черного жемчуга. В правых руках они держали зазубренные мечи, а в левой — треугольные щиты, без каких-либо украшений.

Малекит прошел немного вдоль шеренги неподвижных стражей, но не смог представить, сколь далеко она тянется, хотя и почувствовал, что расстояние между ними сужается и два ряда сходятся где-то за пределами видимости.

Князь оглянулся на свой отряд и пораженно остановился. Хотя он мог бы поклясться, что прошел не более пятидесяти шагов, свет фонарей эльфов блеснул отдаленными звездочками на затянутом туманом небе, причем слева и выше.

Малекит крикнул, чтобы к нему прислали группу воинов, и его голос заметался между далеких стен. Судя по эху, комната оказалась гораздо просторнее, чем можно было предположить снаружи. С дрожью Малекит дождал подкрепления — свет фонарей приближался с каждым ударом сердца, будто с каждым шагом эльфы покрывали несколько ярдов.

Еасир округленными глазами смотрел на парад скелетов. Он ничего не говорил, но Малекит заметил выражение тревоги на лице своего лейтенанта. С ободряющим кивком князь развернулся и пошел по проходу. Тот действительно постепенно сужался и привел

нагаритян к огромной ступенчатой пирамиде, чья вершина терялась в тени. Малекит поднялся на несколько ступеней, обошел пирамиду и увидел, что к ней тянутся расположенные с неравными промежутками еще пять линий скелетов. Князь вернулся к своим воинам и приказал нескольким встать у подножия ступеней, а остальным следовать за ним.

Ступени вывели на ровную площадку шириной — насколько невозможным это ни казалось — с подножие пирамиды. На низких табуретах сидело семь фигур. Они походили на скелеты внизу, только их украшало больше бус из черного жемчуга и броши из того же темного материала. Шестеро смотрели наружу, на каждый из сходящихся к пирамиде рядов. Вместо капюшонов их головы венчали простые тонкие обручи с черными матовыми камнями. Седьмая фигура сидела лицом к Малекиту, хотя князь подозревал, что она встречала бы пришедших независимо от того, откуда бы те появились. Ее корона была гораздо больше и сделана из серебристо-серого металла с похожими на рога завитками — единственный природный узор, который заметил во всем этом городе Малекит.

— Ваше высочество! — выкрикнул Еасир — и рука Малекита дернулась к мечу.

Только тогда он осознал, что его другая рука уже тянется к мертвому королю, чтобы снять с его черепа корону. Князь даже не понял, когда подошел к нему, и встряхнул головой как после удара.

— Не следует ничего трогать здесь, — сказал Еасир. — Это место проклято — богами или кем-то еще.

Малекит рассмеялся, но звук оказался придушенным и плоским, без звенящего эха, которым разносился его предыдущий крик.

— Думаю, этот великий король больше не правит здесь, — сказал князь. — Вот он, мой знак, Еасир. Я не могу придумать лучшего заявления о своей судьбе, чем вернуться на Ултуан с этой короной на голове. Свидетельство предшествующих времен.

— Предшествующих чему? — спросил Еасир.

— Всему! Хаосу, Вечной королеве, даже богам. Разве ты не чувствуешь древности этого места?

— Чувствую, — прорычал Еасир. — Тут живет древнее зло, разве вы не видите? Я повторяю, это место проклято.

— Ты был готов следовать за мной во Врата Хаоса, — напомнил Малекит. — Ты предпочтешь, чтобы мы оставили это сокровище здесь?

Еасир пробурчал что-то нечленораздельное, но Малекит воспринял его слова как согласие. Князю и так не требовалось разрешения, чтобы взять то, что он хотел и откуда хотел. Его привела сюда магия, и он знал, что это неслучайно. Чья воля за ней скрывалась — богов или чья-то еще, но она привела его к древнему королю, чтобы забрать его корону.

С улыбкой Малекит снял корону с черепа мертвого короля; она снялась очень просто и оказалась легкой как пушинка.

— Корона у вас, пора уходить, — резким от страха тоном сказал Еасир.

— Успокойся, — произнес Малекит. — Разве она не придает мне величественности?

Князь Нагарита надел на голову корону — и мир исчез...

По огромному залу разливался золотистый свет. Он исходил не из определенного источника, а просто сиял со всех сторон. Еасир заморгал, чтобы прошли поплывшие перед глазами яркие пятна. Когда зрение восстановилось, он лучше разглядел, где находится.

Зал оказался больше любого парадного зала Ултуана или царства гномов. Когда Еасир повернулся, чтобы оглядеться, то увидел, что стен становится то больше, то меньше: только что он стоял в восьмиугольной комнате, но тут же она превратилась в треугольную.

Он поднял голову вверх и увидел далекий потолок, который тянулся к горизонту, — настолько протяженный, что он не мог определить, где тот встречается со стенами. С него под странными углами свисали огромные неровные сталактиты. Еасир оторвал взгляд от безумного зрелища и повернулся к своему повелителю.

Малекит выглядел так, будто его заморозили. Он стоял рядом с королевским скелетом на середине площадки в той же позе — его пальцы прилипли к странной железной короне. Еасир с воплем ринулся вперед, он боялся, что на его князя наслали какое-то заклинание. Но его остановил крик одного из воинов, лейтенант повернул голову и увидел, как несколько нагаритян указывают на что-то в зале.

Еасир проследил взглядом и увидел то, чего опасался с первых минут пребывания в древнем зале: скелеты сошли со своих постаментов и разворачивались к центральной площадке. Они тоже светились и целенаправленно двигались вперед, держа наготове оружие и щиты. Еасир бросил быстрый взгляд на сидящие на пирамиде фигуры и с облегчением увидел, что хотя бы те не шевельнулись. Лейтенант ринулся к противоположной стороне помоста — мертвые воины наступали со всех сторон.

— Приготовиться к обороне! — приказал Еасир, и нагаритяне сомкнули кольцо из щитов и копий. — Князь!

Капитан пробежал по площадке и положил руку на плечо Малекита, будто хотел его разбудить.

Но стоило ему коснуться князя, как по телу Еасира побежали искры и его отшвырнуло в сторону. Тело онемело, а мышцы дергались в спазмах от магической энергии. Еасир сжал зубы и попытался взять свое тело под контроль, но у него не осталось сил. Он лежал и стонал, руки и ноги налились свинцовой тяжестью, в глазах темнело.

Раздались встревоженные крики, но лейтенант не мог разобрать слов сквозь звон в ушах. В кратких вспышках просветления он видел, как нагаритские лучники натягивают тетиву и выпускают с края помоста стрелы, но не мог сказать, попадают ли те в цель. Со стоном он перевернулся на живот, онемение начало проходить — его сменила режущая боль в костях и теле.

Еасир попытался заговорить, но смог только шипеть сквозь сжатые зубы. Боль пронзила позвоночник и растеклась в голове. Среди заполнившего череп жужжания и визга лейтенант расслышал крики и ужасный топот костяных ног по каменному полу. В затуманенном болью мозгу метнулась паническая мысль: «Мы обречены».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Изначальные враги

Вокруг Малекита метался калейдоскоп режущих глаз цветов. Князя наполняло странное ощущение, будто его подняли высоко в воздух и в то же время он стремглав летит вниз, в бездонную глубину. Голова кружилась, а по коже бегали мурашки. Все тело пульсировало и наливалось неведомой энергией.

Через какое-то время — мгновение или вечность — кружащиеся цвета начали сгущаться. Они образовали виденный только в страшных снах пейзаж, над которым и парил эльфийский князь. Небеса полыхали огнем, по ним ползли черные облака, а внизу простиралась бесконечная равнина — царство Хаоса.

В одной стороне Малекит заметил заброшенный сад. Над иссохшими стволами согнутых и поваленных деревьев витал вонючий туман и роились мухи, а между зарослями лишайника текли ручейки пузырящейся гнили. Болотистые лужи вспучивались пузырями, испуская ядовитые газы.

В центре зарослей возвышался невероятных размеров обветшалый мавзолей из крошащегося камня и изъеденного червями дерева. Краска отшелушилась, а голые пятна закрывали болезненного вида желтые лианы и крупные черные розы. Из сотен дымоходов вырывался дым, а украшенные горгульями трубы выплевывали на потрескавшиеся плиты комья ихора.

В дыму и ядовитых парах ковыляли демоны чумы и смерти — огромные раздутые создания с покрытой чирьями плотью и изрытой оспинами кожей. Их сопровождали слюнявые животные, похожие на слизней с гроздями щупалец, откуда капали ядовитые выделения. Мириады клещей ползали по просевшим стенам и крыше, а по запущенному саду бродили легионы циклопических демонов с одним потрескавшимся рогом и монотонно что-то напевали.

Малекит отвернулся, и его взгляд упал на могучую цитадель из сверкающих зеркал и хрусталя. Ее поверхность переливалась всеми цветами радуги, почти прозрачными, замутненными лишь извивающимися потоками магии. Двери зияли распахнутыми ртами, а окна уставились на князя лишенными век глазницами. На шпилях тонких башен горели разноцветные огни и осыпали землю внизу фонтанами искр.

Вокруг невиданного дворца раскинулся огромный лабиринт с хрустальными стенами. Извивающиеся проходы пересекались во всех направлениях и проходили над и под друг другом. Арки из пламени соединяли между собой части лабиринта; они переливались синим, зеленым, фиолетовым огнем, а потом сменялись цветом, не предназначенным для глаз смертных.

Небо над ужасной башней наполняли стаи парящих в магических потоках существ, жутких и похожих на акул. Вокруг лабиринта резвились бесформенные, хохочущие создания — они скакали и прыгали в безумном веселье. Взгляд Малекита вернулся к цитадели, и князь увидел, что огромная галерея открылась.

Там прогуливались загадочные существа с разноцветными крыльями и птичьими лицами, в блестящих голубых и розовых робах, с перекрученными посохами в руках. Одно из созданий остановилось и поглядело на князя. Его глаза зияли колодцами бесконечного безумия, глубокими океанами клубящейся силы, что грозила затянуть в них навсегда.

Малекит оторвался от завораживающего взгляда и осмотрел выжженную пустошь, окруженную длинной цепью вулканов, по черным склонам которых текли реки лавы, а над кратерами поднимались клубы сажи. В скальной породе были высечены огромные сторожевые башни, украшенные черепами бастионы, а с зубцов стен свисали тысячи тысяч пурпурных знамен.

Землю покрывали разрывы и провалы, которые наливались кровью, будто раны от постоянных ударов божественного меча. Между алыми озерами кучами были навалены скелеты немислимых созданий, а вокруг колыхались барханы из серой костной пыли. По руинам бродили гончие размером с лошадь, покрытые красной чешуей и с огромными клыками; их вой наполнял воздух и мешался с треском и скрипом костей.

В сердце разрушения стояла гигантская башня — настолько огромная, что она закрывала весь горизонт. Башня на башне, стена из черного камня и бронзы на стене — замок мог сдерживать армию, собранную со всей вселенной. Горгульи сплевывали вниз кипящую кровь, а краснокожие воины с поджарыми телами и раздутыми, увенчанными рогами головами патрулировали стены. На самом высоком парапете стояло существо, рожденное из самой ярости, которой дали звериное, крылатое тело. Оно било себя в обнаженную грудь и завывало, подняв голову к темному небу.

Малекит с содроганием повернулся в другую сторону, где его завороживала картина невиданной красоты. Прекрасные поляны с нежно колышущимися изумрудными деревьями обрамляли золотистые пляжи. Там пенились голубые волны, а блестящие безмятежные озера так и манили к себе. Усыпанные белейшим снегом вершины величественных гор блестели под невидимым солнцем. Крошечные создания в деревенских костюмах резвились в этом раю; они смеялись и болтали, ласкали друг друга. На изумрудных лугах паслись стада великолепных зверей, чьи тела переливались и меняли цвет. Князь не мог оторвать глаз от переменчивых, разноцветных узоров. Его завораживала их красота и тянуло туда, к ним.

Внезапно Малекит разгадал ловушку, в которую чуть не попал, и оторвал взгляд от гипнотических видений. Он чувствовал, что за ним наблюдают внимательные глаза потусторонних созданий. При мысли, что вот-вот его душу препарируют и она, совершенно беззащитная, предстанет перед богами Хаоса, князя охватил страх. Он хотел бежать, но со всех сторон лежали владения темных богов. Последним, подстегнутым ужасом усилием воли он пожелал оказаться в другом месте — и его тут же подхватили крутящиеся водовороты магии.

Когда зрение прояснилось, Малекит обнаружил, что парит высоко над миром, будто стоит на пороге мироздания и оглядывает оттуда царства людей, эльфов и гномов, а также всех прочих созданий. Он видел джунгли Люстрии, где по руинам городов Древних ползали человекоящеры. Видел зеленые волны марширующих по выжженной пустыне орочьих племен.

Над миром витали ветры магии, и сейчас он видел их так ясно, как никогда в жизни. Князь наблюдал, как они вытекают из Врат Хаоса на севере и разлетаются по северным землям. Портал Ултуана выглядел огромным завихрением, которое подпитывалось энергией всего мира. Он видел глубокие дыры темноты и яркие горы света.

В тот миг в голове Малекита все встало на свои места. Перед ним лежал целый мир, и он видел его так, как умела только его мать. Над землей струились потоки силы, которых никогда не касалась воля смертного. Над океанами и равнинами проносилось дыхание богов; оно спускалось в ущелья и колыхало леса. Вся магия, добрая или злая, шла из Хаоса.

Картина поражала своей красотой — так взлохмаченное штормом море завораживает тех, кому не грозит его смертельная хватка.

Малекит ненадолго задержался в видении. Теперь он понимал, что за корона обжигала ему голову. Она выступала в роли некоего ключа, и создала ее раса, жившая задолго до появления эльфов — даже до прихода Древних. Ему не составило бы труда остаться здесь вечно и восхищаться изменчивой географией магических ветров. Он может провести тут вечность, изучая их при помощи короны, но так и не открыть все их секреты.

Но что-то не давало ему покоя, что-то в глубине души грозило вмешаться и прервать наблюдение.

Еасир с трудом поднялся на колени; он еще чувствовал слабость после магического удара. Встревоженные крики эльфов все нарастали по мере того, как скелеты начали подъем по ступеням пирамиды. Лейтенант подполз к краю верхнего уровня и взглянул вниз на мертвый легион, который безупречным строем надвигался на эльфов. Скелеты маршировали в ногу, будто их вела общая воля. Стрелы не производили почти никакого эффекта, отскакивая от светящихся костяков, а чаще просто пролетали сквозь них, как сквозь призраков.

Когда первый ряд скелетов достиг верхней ступени, нагаритяне ударили копьями. Вонзающиеся в черепа и ребра серебряные копья нанесли существенно больший урон, чем стрелы, и немало скелетов рассыпалось и исчезло в затухающем сиянии золотистого света. Но наступление продолжалось неумолимо, как прилив, и едва один ряд падал, его место занимал следующий.

Клинки скелетов ничуть не затупились с того дня, как их выковали, и без усталости впивались в щиты и плоть. Вокруг Еасира звенели крики боли и страха, а он пытался вытащить свой меч, но ножны оказались прижаты к полу, а у него не хватало сил, чтобы приподняться.

Слева от него эльф с криком покатился по ступенькам с перерезанным призрачным клинком горлом. Скелет встал на освободившееся в линии обороны эльфов место и повернул скалящееся лицо к Еасиру. Древний воин занес над головой черный меч со сверкающим золотистым светом клинком. Еасир вскинул перед собой щит, и клинок ударился в него с глухим звоном.

Снова и снова меч ударялся в щит с упорной, методичной жестокостью. После десятого удара руки Еасира окончательно ослабли, и от одиннадцатого край щита ударил его по лицу. Оглушенный ударом, лейтенант не мог уже ничего сделать, когда меч скелета снова взлетел в воздух. Он уставился в глаза мертвого часового и не увидел в них ничего, кроме наполненных тьмой колодцев.

Заполнивший комнату золотистый свет ярко вспыхнул и ослепил Еасира. Эльф вскрикнул и зажмурил глаза в ожидании смертельного удара. Но меч все не опускался, и Еасир приоткрыл один глаз, в ужасе от того, что может увидеть.

Скелет все еще нависал над ним с поднятой рукой, но аура вокруг него погасла, оставив лишь легкое свечение, и он не двигался.

Еасир открыл второй глаз и осмелился выдохнуть. Затем он услышал за спиной хриплый смех и медленно повернул голову, боясь представить, что за видение его ждет.

На середине площадки стоял Малекит; корона на его голове сияла мощью. Лицо князя сияло энергией. Лицо приняло пренебрежительное выражение, величественное, но в то же

время жестокое. Взгляд оставался отрешенным. Князь довольно долго смотрел на Еасира, но, казалось, не видел его. Затем Малекит протянул руку, и по его команде скелеты ожили, развернулись и зашагали вниз по ступенькам. С облегченным вздохом Еасир наблюдал, как они вернулись на свои постаменты и замерли там.

При помощи короны Малекит видел магические силы, заставлявшие скелеты двигаться. Остановить их не составило труда, и следующим мысленным приказом князь вернул их в вечный сон. Весь зал заполняли огромные золотистые арки и блестящие колонны, невидимые для всех, кроме него. Благодаря короне он видел магию древних архитекторов города, изогнутые галереи и вытянутые балконы, сооруженные при посредстве магических сил, о которых не подозревал даже он. Вот почему в зале не было другой магии: там уже имелась собственная сила, гораздо мощнее прихотливых ветров магии. Подобно тому как воздух не может проникнуть в твердый предмет, так и ветры магии не могли ворваться в переполненный заклинаниями зал.

Теперь, при помощи внутреннего зрения короны, у князя появилась возможность самому управлять магией Хаоса. Мать предупреждала, что Хаос — самый страшный враг. Ожидаемые от армий орков и зверолодей опасности — сущие пустяки в сравнении с легионами демонов. Боги Хаоса строили планы и ждали — ведь в их распоряжении была вечность. Князь внезапно понял, что эльфы не смогут всегда прятаться за силой портала, он лично ощутил медленно растущую силу богов Хаоса, когда стоял среди них.

Все части головоломки сложились в сознании Малекита. Люди севера служат сосудами для темных богов, и их процветание будет усиливать влияние их тайных повелителей. Придет день, когда портал падет и в мир снова ворвутся орды Хаоса. Ултуан окажется к ним не готов, Бел Шанаару даже в мечтах не стоит надеяться достойно встретить такую угрозу. У Малекита не осталось сомнений, что благодаря этой короне он станет орудием, которое защитит эльфов от величайшей опасности.

Медленно, с усилием Малекит снял с головы корону. Величественная магическая архитектура пропала из виду, и князь обнаружил, что находится в странном зале под древним городом. Его окружили верные нагаритяне: они уставились на своего господина полными страха и восхищения глазами.

Малекит улыбнулся. Теперь он знал, что должен сделать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Культы Китарая

Возвращение князя

Возрождение Анлека

Воля Азуриана

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Беспокойство роскоши

Когда Малекит взял магическую железную корону, далеко на юге Ултуана другой эльф тоже принял вызов судьбы. Скромный капитан лотернской гвардии Каратриль вел свой отряд по прибрежной дороге. Ему дали секретное задание, о котором знали лишь единицы при дворе Эатана. И совсем уж никто не знал, что эта ночь положит начало целой серии событий, которые завершат эльфийский золотой век.

По ночному небу гуляли отблески света из тысячи окон Сверкающей башни. Волны в пенных искрах разбивались о камни, на которых стоял маяк. По свету Сверкающей башни корабли пересекали залив и проходили под огромной аркой Изумрудных врат, за которыми лежали тихие воды пролива Лотерна.

Их белые паруса отбрасывали на спокойные воды отблеск.

За крутыми откосами, застроенными домами и башнями, где в бесконечном дозоре двигались часовые, вздымалась громада Сапфировых врат. Кованое серебро створок переливалось в магическом свете огромных драгоценных камней. В лунном свете за воротами лежала тихая безмятежная лагуна.

По берегу тянулись многочисленные причалы с пришвартованными кораблями. Вдоль берега дрейфовали крохотные ялики и прогулочные яхты, увешанные золотистыми фонариками, и над шелковистыми водами разносились смех и пение. Среди леса мачт торговых судов и поджарых яхт выделялись мощные военные корабли. Огромные «драконы» уверенно покачивались на якоре, золоченые носы и отделанные серебром бортовые арбалеты не давали забыть об их суровом предназначении. Стремительные «ястребы» мелькали среди линейных кораблей; морская гвардия была начеку.

На противоположной стороне лагуны раскинулся на холмах город Лотерн. Зеленые террасы, пышные виноградники и просторные виллы связывали извилистые дорожки: они поднимались от берега к великолепным дворцам и стройным башням на лотернских холмах. В городе было тихо — но то было затишье перед бурей.

Лотерн одолевала тревожная истома, как и весь остров эльфов, буквально утопавший в распутстве и всевозможных излишествах. То, что начиналось с безобидных поэтических музыкальных вечеров, продолжилось в кровавых жертвоприношениях, извращенных ритуалах и заигрывании с запретными силами.

Культ наслаждений привлекал последователей простыми чувственными ловушками, ведь эльфы всегда переживали эмоции и ощущения очень сильно. Привычные нормы морали были отброшены.

Немногие понимали, насколько глубоко темные культы пустили корни в их обществе. Еще меньше эльфов знало об истинных масштабах распространения зловещего культа наслаждений. Бел Шанаар и верные ему князья искали способ ослабить влияние расплодившихся мрачных сект, пресечь появление их новых последователей и восстановить спокойствие в обществе.

На Каратриля была возложена задача уничтожить недавно появившуюся в Лотерне секту. Вот куда он и вел свой отряд по извилистым улочкам города.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В особняке князя Аэлтерина, на окраине Лотерна, церемония подходила к

кульминации.

В воздухе мраморного зала клубились фиолетовые и голубые пары — они поднимались от жаровен, сделанных из перекрученных костей неизвестных животных. Опыренные наркотическими испарениями, гости извивались на покрытом красным ковром полу: рыбаки и дворяне, слуги и законодатели вперемешку. Кто-то рыдал в кошмарном видении, другие истерически хохотали, некоторые просто постанывали от возбуждения.

Вокруг извивающегося клубка тел стояла дюжина обнаженных до пояса жрецов. Их тела покрывали выписанные лисьей кровью символы, а длинные волосы, смазанные жиром этого животного, торчали иглами.

Верховная жрица Дамолиена негромко распевала заклинание; ее голос почти терялся в какофонии, царившей в огромном зале. На плечах жрицы красовалась окровавленная шкура лисы, и время от времени женщина замолкала и пропускала сквозь пальцы мех. Дамолиена вздрагивала от наслаждения, когда шелковистый мех касался особо чувствительной от наркотика кожи.

Гости один за другим впадали в ступор, в зале воцарилась тишина. С удовлетворенным кивком Дамолиена отослала одну из жриц за князем Аэлтеринем, хозяином дома, чтобы тот смог принять участие в последней стадии церемонии. Но стоило жрице направиться к двойным дверям зала, снаружи раздался шум. Громкие голоса и вскрик заставили всех жриц повернуться к дверям. Дамолиена вытащила из-за пояса серповидный жертвенный нож, и тут дверь с грохотом распахнулась.

В нее ввалился князь Аэлтерин, натыкаясь на бесчувственные тела гостей. Из раны на его груди текла кровь, и алые капли полетели в лицо Дамолиены, когда князь споткнулся об одно из тел и рухнул на землю. В дверной проем ворвались воины в серебристых доспехах, обнаженными мечами в руках. Голову командира украшал высокий шлем с выгравированными золотом прыгающими львами, а с его меча стекала кровь. Он вытащил из-за пояса листок пергамента и одним взмахом раскрыл его, так что стала видна печать Короля-Феникса Бел Шанаара.

— Князь Аэлтерин из Лотерна! — провозгласил воин. — Я Каратриль, капитан лотернской гвардии, и вот королевский приказ о вашем аресте.

Аэлтерин пополз через тела сонных эльфов на полу. Он не отрывал умоляющих глаз от Дамолиены.

— Защити меня... — прошипел князь.

— Сложите оружие и сдавайтесь, — спокойным голосом приказал Каратриль. — Отдайтесь на милость Короля-Феникса.

Дамолиена улыбнулась. Быстрым, как у змеи, языком, она слизнула с губ кровь Аэлтерина.

— Милость для слабых, — промурлыкала жрица и прыгнула через комнату.

С дьявольскими визгами остальные жрицы последовали за своей госпожой. Их растопыренные пальцы украшали острые длинные ногти. Каратриль отпрыгнул, и острие кинжала Дамолиены чудом не проткнуло ему глаз. Один из солдат выступил вперед с занесенным мечом и вонзил его в грудь верховной жрицы. Та беззвучно упала, но ее последовательницы продолжали бросаться на стражу.

Атаковали они яростно, и двоим из гвардейцев Каратриля острые когти разодрали горло, прежде чем их товарищи сумели остановить обезумевших жриц взмахами меча.

Каратриль брезгливо прошелся между бесчувственными искателями наслаждений, вложил в ножны меч и протянул князю Аэлтерину руку.

— Князь, вы ранены, — мягко сказал он. — Пойдемте с нами, чтобы лекари могли обработать ваши раны. Бел Шанаар не желает вам зла, он лишь хочет помочь.

— Бел Шанаар? — прорычал князь. — Самозванец! Узурпатор! Его правосудие пристало воронам над прогнившим трупом. Я проклинаю его! Пусть Нету заточит его в самом черном провале!

С последним усилием Аэлтерин, герой битвы в Мардальской долине и защитник Линтуина, поднялся на ноги. С пренебрежительной усмешкой он подхватил одну из бронзовых жаровен и высыпал дымящиеся угли на свою мантию. Прозрачная ткань моментально вспыхнула — и князя охватило голубое пламя. Оно переметнулось на ковер, Аэлтерин упал, и вскоре огонь уже охватил висящие на белых стенах гобелены.

В дыму и смертельных языках пламени Каратриль и его отряд принялись бегом вытаскивать наружу бессознательных эльфов, но пожар быстро разгорался, и внутри оставалось еще не меньше дюжины беспомощных эльфов. Когда один из солдат ринулся обратно в зал, Каратриль ухватил его за руку.

— Слишком поздно, Аэренис, — сказал капитан. — Огонь успокоит их. Может быть, теперь они обретут покой, который искали.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Двор Короля-Феникса

Величественные орлы кружили над головой; их тени мелькали на шершавых камнях горного перевала. Огромные птицы с крыльями в два эльфийских роста в размахе могли поднять в воздух горного льва. Каратриль придержал коня и какое-то время просто смотрел в голубое небо, где парили среди снежных пиков Кольцевых гор великолепные крылатые хищники. Звон упряжи нарушил его созерцание — это сопровождающий капитана Аэренис остановил рядом своего коня.

От холодного горного воздуха эльфов защищали синие шерстяные плащи. Плащ Каратриля был оторочен золотой каймой, что отмечало капитанское звание. Оба носили легкие кольчужные юбки, отделанные выбеленной кожей, и широкие пояса, украшенные драгоценными камнями и серебром. К седлам были приторочены вытянутые белые щиты; щит Каратриля украшало изображение вставшего на дыбы льва, а Аэрениса — простая золотая руна, «Саратай», символ независимости и негибаемой защиты. На обоих красовались высокие шлемы, столь любимые эльфийскими воинами. У Каратриля — с львиным семейным гербом, у Аэрениса — без украшений, за исключением одного бирюзового пера на плюмаже.

Они были вооружены копьями с лезвиями в форме листа и длинными луками — луки с ненапрянутой тетивой были приторочены к седлам, а за спиной висели колчаны со стрелами с белым оперением. К счастью, оружие применять пока не приходилось: путешествие протекало вполне мирно.

Несмотря на это, эльфы не расслаблялись. Они пересекали хребет Кольцевых гор, где портал Ултуана образовывал кольцо мистической энергии. Тут и воздух, и земля прямо дрожали от пульсирующей магии. Каратриль и Аэренис имели повышенную чувствительность к магическим потокам, так что вполне ощущали ее присутствие и мощь.

Сюда влекло и других созданий, и те вырастали на подпитке магической энергией до необычайной величины. Кроме орлов, тут водились гораздо менее дружелюбные существа, например грифоны с телом огромного льва, головами и крыльями птиц. Они сооружали на горных пиках логова, в то время как гигантские змеи и василиски прятались в пещерах и омытых магическими бризами ущельях.

Лейтенант посмотрел на Каратриля блестящими за забралом глазами.

— Капитан, — тихо спросил он, — вас что-то беспокоит?

— Ничего серьезного, — успокоил помощника Каратриль. — Это просто причуда, если можно так сказать.

— Так что за причуда?

— Их ничего не тревожит, этих орлов, — негромко произнес капитан. — Они едят, размножаются и выращивают птенцов и так далеки от наших бед. Они свободны, они летают и охотятся, и их не смущают печали и страх. Ты знаешь, поговаривают, что маги в Сафери умеют превращаться в лебедей и ястребов.

— А вы бы хотели парить как птица? — с сомнением спросил Аэренис. За Каратрилем не водилось славы фантазера или поэта. — О саферийцах говорят многое, да и вообще там живет странноватый народ. Но я сомневаюсь, что они умеют превращаться в птиц. Магия не действует так просто, — по крайней мере, мне так кажется. Да и в любом случае — зачем

вам становиться птицей? Вы не беззаботны и не капризны. А вдобавок как тогда быть с клятвой верности Королю-Фениксу?

— И вот поэтому-то нам следует поскорее доставить вести королю. — Каратриль с мрачной улыбкой повернулся к младшему эльфу.

Они тронули лошадей и направились вниз по извилистой горной дороге. Лошади осторожно выбирали путь среди серых камней, а ущелье все сужалось, пока не стало шириной в бросок камня. Свет утреннего солнца не проникал сюда через густые кроны деревьев, и всадники ехали в прохладной тени.

Воздух над ними плясал и переливался — это едва заметное магическое зарево играло над горными пиками.

Время от времени над головами проносилась тень парящего орла. Землю устилали бледные изломанные камни, так что приходилось ехать медленно и тщательно выбирать дорогу. Разбросанные тут и там кусты белого чертополоха из последних сил цеплялись за жизнь под нависающими каменными грядками, на них еще виднелись последние яркие цветы. Тут и там текли тонкие ручьи талой воды с ледников.

Царила тишина, ее лишь иногда нарушал шелест ветра. Эльфы ехали молча, каждый был погружен в собственные мысли. Каратриль хорошо знал своего лейтенанта и еще никогда не видел его в таком состоянии.

— Плохие мысли? — спросил он и направил коня так, чтобы тот шел рядом с лошадью лейтенанта. — Тебя беспокоит случившееся во дворце князя?

— Да, — признался Аэренис.

— Мне жаль, что мы не смогли спасти всех. — Каратриль догадался, что его товарища мучит чувство вины.

— И не только это. Я увидел там знакомую. Это была подруга моей сестры, Гларионель.

— Пламя разгорелось слишком сильно, ты бы не сумел спасти ее. — Каратриль положил руку на плечо младшего эльфа.

— Я знаю, — кивнул тот. Он поднял лицо к небу и продолжил, будто говорил сам с собой: — Хотя меня печалит ее смерть, но боль причиняет другое. Зачем она пришла туда? Она всегда начинала смеяться первой и замолкала последней. Почему она решила искать милости запретных богов? — Аэренис прикрыл на мгновение глаза и затем посмотрел на Каратриля. Из темно-синих глаз лейтенанта катились слезы. — Как могла такая прекрасная девушка опуститься так низко?

Каратриль ответил не сразу, он обдумал свои слова. Он не мог утешить Аэрениса, поскольку не мог понять его страданий. Сам капитан был единственным в роду: его семья погибла в войне с демонами. Он всецело посвятил себя долгу.

— Я не знаю, — произнес Каратриль. Он убрал руку и отвел с лица прядь серебряных волос. — Возможно, ее привело любопытство, а удержала страсть. Я слышал, что не все ходят на такие собрания по доброй воле. Некоторых обманывают, других силой забирают из дома и приучают к наркотикам. Те, у кого можно было найти ответы на твои вопросы, сейчас мертвы. Ищи утешение в том, что мы спасли хотя бы кого-то.

— Вы мудрый советчик. — Аэренис встретил взгляд командира грустной улыбкой. Затем ее сменило серьезное выражение, и лейтенант отвел глаза. — Возможно, вам, а не Аэлтерину следовало стать князем.

Каратриль искренне рассмеялся, и Аэренис бросил на него потрясенный взгляд.

— Что вы находите смешным? — нахмурился он.

— В моих венах нет княжеской крови, — объяснил Каратриль. — Мои отец и дед не были князьями, которым пристало управлять землями. Меня вполне устраивает моя роль, потому что я сын простых крестьян. Когда Аэнарион и князья сражались с демонами, моя семья пряталась за их щитами и благодарила их. Их убили в полях пшеницы, а не на поле брани. Я не стыжусь, ибо даже самому могущественному князю необходимы вода и хлеб. Я верю, что жизнь и судьба найдут место для всех нас, и эта мысль меня утешает.

— Будем надеяться, что этой ночью жизнь приготовила нам постели в Тор Анроке, — пошутил Аэренис. Ему очень хотелось развеяться.

— И конечно, одну из златовласых тиранокских красавиц, которая согреет ее для тебя! По ущелью эхом разнесся их смех, и стая птиц взлетела в темнеющее небо.

Осеннее солнце уже висело над горизонтом, когда Каратриль и Аэренис выехали на заросшие высокой травой равнины Тиранока. Теперь эльфы позволили лошадям перейти на рысь.

В Тираноке, как и во всех Внешних княжествах, было холоднее, чем во внутренних землях, поскольку тут дули морские ветры, а центр острова защищали Кольцевые горы. И солнце пригревало, и поездка получалась приятной, тем более что Каратриль и Аэренис проводили ее в непринужденной беседе.

Впереди, всего в двух лигах, на белоснежном холме раскинулся Тор Анрок.

У подножия холма, среди свежевспаханых полей, сгрудились белые дома с красными черепичными крышами. Из труб поднимались тонкие струйки дыма. Над ними вздымались окрашенные закатным солнцем в оранжевые и розовые тона стены Тор Анрока; от них две широкие дороги спиралью спускались к подножию холма. С высоких стен свисали сине-желтые флаги Тиранока, и легкий ветерок едва шевелил их.

Каратриль и Аэренис пустили лошадей в галоп и поскакали напрямик по полю. Скоро они выехали на вымощенную шестиугольными красными плитами дорогу, ведущую к городу.

По обе стороны дороги росли яблони и вишни, упорно не желавшие расставаться с уже золотыми и красными листьями. Урожай был собран, и земля за невысокими изгородями тихо и мирно готовилась к зимнему сну.

Вскоре эльфы подъехали к городским воротам. Въезд в Тор Анрок обрамляли две башни с узкими бойницами, из которых простреливались все подходы к воротам. На плоской крыше каждой башни стоял мощный стреломет.

Золотые ворота Тор Анрока были открыты, но проезд преграждали две стоящие бок о бок колесницы. Их украшали вырезанные из дерева орлиные головы, а загнутые назад крылья образовывали борта. В каждой колеснице застыли два суровых воина: один с длинным посеребренным копьем, а второй с натянутым луком. Часовые внимательно следили, как Каратриль и Аэренис заставили своих лошадей перейти на шаг и подъехали к воротам.

— Кто приехал в Тор Анрок, столицу Тиранока, к трону Короля-Феникса? — грозно спросил копейщик с левой колесницы.

— Капитан Каратриль из Лотерна, с посланием к его величеству Бел Шанаару, — ответил Аэренис, когда они остановились в дюжине шагов от ворот. — И я, его помощник, Аэренис, лейтенант Лотерна.

— Да брось, Фирутал, к чему такие строгости, — произнес, спешиваясь, Каратриль.

Копейщик с мрачным выражением лица сошел с колесницы и приблизился к ним.

— Это не моя прихоть, дружище. — Фирутал протянул в приветствии руку, и Каратриль

пожал ее. — По приказу Бел Шанаара охрану удвоили. Нам велено патрулировать дороги и границы и присматриваться к чужакам.

— Но я не чужак, — возразил Каратриль. Он повернулся и жестом подозвал Аэрениса. — Я привез Королю-Фениксу важные новости, а когда твое дежурство закончится, мы сможем распить кувшин вина; как ты смотришь на это?

Фирутал без улыбки кивнул.

— Мое дежурство заканчивается в полночь; я отыщу тебя.

— Не забудь. — Каратриль под звон упряжи запрыгнул обратно в седло.

Фирутал быстро дошагал до своей колесницы и вскочил в нее. Одним словом он тронул лошадей с места и освободил проезд Каратрилю и Аэренису.

— Поторопитесь, я сообщу Королю-Фениксу, что вы тут, — сказал он и бросил через плечо взгляд на возвышающуюся над городом дворцовую башню. — Он с нетерпением ожидает известий.

Дорога за воротами разделялась, и они свернули налево. Внимание их привлек крик птицы: к башне Тор Анрока летел посланный Фируталом сокол. Вокруг них от гор до моря протянулись багровые в сгущающихся сумерках поля. Вскоре дорогу окружили низкие домики, и они въехали на окраины Тор Анрока.

Звон посуды и кухонные запахи напомнили Каратрилю, что последний раз ели они довольно давно, и он понадеялся, что встреча с Бел Шанааром окончится быстро, а потом они наконец-то поужинают.

Капитан обратил внимание на тишину и спокойствие в городе. Когда они проехали вторые ворота, внутреннюю стену и оказались на территории города, ему бросилось в глаза отсутствие людей на улицах. Дорога продолжила подъем — она закручивалась вокруг вершины холма все более тугой петлей, а здания с каждым витком становились все выше, пока не начали нависать над дорогой, и вскоре двое эльфов обнаружили, что едут по длинному, освещенному фонарями туннелю. Они немного проехали в мигающем свете ламп; от стен эхом отражался стук копыт и позвякивание упряжи. Белые стены оживляли яркие фрески, изображавшие сбор урожая и соревнования колесниц, охоту на оленей и ломящиеся от товаров базары.

Наконец всадники выехали на широкую площадь, где стоял дворец. Вымощенная теми же красными плитками, что и дорога, площадь простиралась на три сотни шагов. В центре площади в темнеющее небо вздымался дворец Короля-Феникса. В его узких окнах сиял золотистый свет.

— Туда, — указал налево Каратриль.

Перед дверьми башни дорога оставалась пустой, и там двумя рядами стояла стража из пятидесяти колесничих, полностью перекрывая проход во дворец.

Однако никто не попытался им помешать, а слуга принял лошадей, когда они спешили у ворот дворца. Высокие дубовые двери охотно распахнулись перед прибывшими; за ними оказался просторный, освещенный золотыми фонарями зал со сводчатым потолком. В дальнем конце мраморная лестница витками поднималась вверх. К ней вела красная ковровая дорожка, и Каратриль с некоторым смущением приподнял запятнанный дорожной грязью подол плаща.

С лестницы быстро спускался эльф в просторной синей робе с вышитыми золотом птицами.

— Капитан Каратриль, я Палтрейн, дворецкий его величества, — представился он с небрежным кивком на нижней ступеньке лестницы.

Каратрилю бросились в глаза острые скулы и большие темные глаза под гривой черных волос. Неторопливым жестом дворецкий пригласил воинов следовать за ним.

На лестнице он не отрывал глаз от Каратриля.

— Его величество с нетерпением ждет новостей из Лотерна, — произнес он. — Мы не получали никаких известий от князя Аэлтерина и его придворных уже несколько недель.

Каратриль на мгновение замешкался и бросил быстрый взгляд на Аэрениса.

— Не беспокойтесь, капитан, — все, что услышит от вас Король-Феникс, я узнаю немедленно.

— Боюсь, у нас не слишком радостные вести, — ответил Каратриль.

Палтрейн встретил его слова понимающим кивком, но по-прежнему не отрывал от капитана глаз.

Они поднялись на несколько пролетов. Широкие арки выводили с лестницы в коридоры и галереи. На четвертом уровне Палтрейн свернул с площадки и провел их в просторный внутренний амфитеатр. Пустые сейчас деревянные скамьи окружали круглую площадку. В дальнем конце зала, на свободном от расположенных подковой скамей, сидел на золотом троне с высокой спинкой Король-Феникс; рядом с ним стояли несколько важного вида эльфов.

Когда воины подошли поближе, они увидели, что Бел Шанаар занят разговором. На короле красовалась мантия: она состояла из нескольких слоев золотой и белой ткани с деликатной вышивкой серебряными завитками и рунами. С плеч свисал длинный плащ из белых перьев, подшитый золотой нитью и сапфирами. На лице Короля-Феникса проступали тонкие морщины, единственный признак возраста у эльфов, а зачесанные назад светлые волосы удерживал золотой обруч с одним изумрудом. Ярко-синие глаза внимательно смотрели на советников, и король слушал их с поджатыми губами и нахмуренным лбом.

— Его величество, Бел Шанаар, Король-Феникс Ултуана, — благоговейно прошептал Палтрейн, когда они ступили на покрытый лаком деревянный пол.

Он незаметно указал на невысокого молодого эльфа слева от короля — тот стоял со скрещенными на груди руками и недовольным выражением лица.

— Элодир, сын Короля-Феникса, наследник тиранокского трона.

Фамильное сходство бросалось в глаза.

С другой стороны стоял высокий, плотного сложения эльф в длинной позолоченной кольчуге, подпоясанный широким черным поясом, с которого свисал меч.

— Имрик из Каледора, сын Менита. Внук величайшего мага, Каледора Укротителя Драконов.

— Кто же не знает Имрика, — ответил Каратриль. Он с восхищением рассматривал легендарного воина.

— Третий, и последний, королевский советник, Тириол, — продолжил Палтрейн. — Один из могущественных князей-магов, правитель Сафери.

Серебристые волосы Тириола свисали до пояса тремя перетянутыми черными кожаными полосками косами. Его пышная желто-белая мантия постоянно переливалась, потому что советник то и дело переминался с ноги на ногу.

— Это тот Тириол, который возглавлял Первый совет? — благоговейно спросил

Аэренис.

— Тот самый, — ответил Палтрейн. Он повысил голос и провозгласил: — Капитан Каратриль из Лотерна, ваше величество.

— Благодарю, Палтрейн, — ответил Бел Шанаар. Он так и не повернулся к вошедшим. Дворецкий поклонился и без единого слова вышел из зала. Каратриль и Аэренис остались предоставленными самим себе. Им ничего не оставалось, как прислушиваться к дискуссии.

— Мы не можем выказывать милость, — покачал головой Имрик.

— Но многие из них не столько нарушители, сколько жертвы, — предостерег Бел Шанаар. — Их одолевают страхи, а жрецы искусно этим пользуются. Я говорил со многими, и они даже не понимают, как низко пали. Тут замешана темная магия, некая злая воля, которую мы еще не обнаружили.

— Тогда надо найти главарей и допросить их, — предложил Элодир. Князь сделал шаг к своему отцу. — Мы не можем позволить культам бесконтрольно распространяться по стране. Тогда наша армия окажется под угрозой, а про мирных эльфов я уж и не говорю. Хотя некоторым это может показаться чересчур суровым наказанием, но мы должны настаивать на строгом исполнении законов.

— Ты правильно говоришь, Элодир, но кого мы должны заставлять? — спросил Тириол. Как обычно, голос Тириола звучал тихо и многозначительно.

Князь провел тонкими пальцами по серебряным волосам — он тщательно подбирал слова. Взгляд темно-зеленых глаз обвел по очереди придворных.

— Мы все догадываемся, где корень зла, но никто не решается назвать его по имени. Значит, это придется сделать мне. Нагарит.

— Слухи и пересуды не являются поводом для решительных действий, — ответил Бел Шанаар. — Возможно, наши гости принесли важные известия.

Каратриль ошарашенно молчал, так внезапно король обратил на него внимание. Король-Феникс и три князя вопросительно смотрели на него, и капитан прочистил горло и собрался с мыслями.

— Я принес плохие новости, ваше величество, — наконец тихо произнес он. — Мы с моим товарищем торопились изо всех сил, чтобы сообщить вам, что князь Аэлтерин из Лотерна мертв.

Имрик нахмурился, а остальные князья склонили головы.

— Нас постигло несчастье, и великий князь лишился милости богов, — продолжал Каратриль. — Мне неизвестно как, но князь Аэлтерин сам стал последователем культа наслаждений. Мы не знаем, как долго он там пробыл. Судя по всему, некоторое время князь состоял в союзе с темной жрицей Атарты и, пользуясь своим положением, мешал нам выведать замыслы служителей культа. Только благодаря случайности, когда одна из пленниц во сне прошептала его имя, мы напали на след, который и привел нас в особняк князя.

— И почему же князь Аэлтерин не стоит перед нами, чтобы опровергнуть эти обвинения? — спросил Элодир. — Почему ты не привел его сюда?

— Он убил себя, ваше высочество. Я пытался образумить его, убедить предстать перед судом, но его охватило безумие, и он не слушал моих доводов. Не знаю, что заставило его так поступить, и не имею смелости строить догадки.

— Правящий князь состоит в сговоре с силами тьмы, — пробормотал Тириол, поворачиваясь к Королю-Фениксу. — Дела обстоят даже хуже, чем мы предполагали. Когда

весть о падении Аэлтерина разнесется по Ултуану, за этим последует волна страха и пересудов.

— Без сомнения, именно этого и добиваются участники заговора, — сказал Бел Шанаар. — Если князьям больше нельзя доверять, к кому обратятся подданные? Чем меньше они будут доверять власть имущим, тем сильнее их умами будет овладевать страх и все больше эльфов станет обращаться к культам.

— Но при чем тут остальные князья? — спросил Имрик.

— Предательство князя Аэлтерина запятнает репутацию всех князей, — грустно покачал головой Бел Шанаар. — Если мы хотим избавить народ Ултуана от искушения, нам необходимо объединиться. Но как мы сможем действовать сообща, если среди нас есть предатели?

— Если мы разделимся, то придем к ужасной анархии, — предупредил Тириол. Он начал расхаживать вокруг трона. — Власть в княжествах сейчас и так хрупка, а лучшие правители далеко за океаном, в колониях.

— Наш лучший правитель сидит на этом троне, — возразил Элодир.

— Я говорю не об отдельных личностях, — успокаивающе поднял руку Тириол. — И все же хотелось бы, чтобы князь Малекит приехал на Ултуан, пусть даже только для того, чтобы уладить дела со своими нагаритянами. Не хотелось бы проводить расследования в Нагарите в его отсутствие.

— Ну, Малекита тут нет, зато есть мы, — резко ответил Бел Шанаар. На мгновение он замолчал, провел рукой по лбу. — Тириол, каково заключение магов Сафери?

Князь-маг прекратил расхаживать и развернулся на каблуках лицом к Королю-Фениксу. Сложил в рукавах своей просторной мантии руки и задумчиво поджал губы.

— Вы были правы, когда говорили о темной магии, ваше величество, — произнес Тириол. — Наши предсказатели ощущают рост темной энергии, и она собирается в портале. Она копится в Кольцевых горах, откуда ее черпают жрецы культов. Является ли это целью культов, мы пока сказать не можем. Эта магия сильна и опасна и не подвластна никому из магов.

— А разве нельзя разрушить эту магию? — спросил Имрик.

— Портал со временем сделал бы это, если б темную магию постоянно кто-то не подпитывал, — объяснил Тириол. — К несчастью, мы не можем ничего сделать для ускорения этого процесса — только заставить культы прекратить практику.

— И мы снова возвращаемся к главному вопросу, — вздохнул Бел Шанаар. — Как избавиться от культов?

— Решительные действия, — прорычал Имрик. — Созвать князей; разослать им приказы собрать войска. Лечить болезнь огнем и мечом.

— Твое предложение угрожает гражданской войной, — предостерег Тириол.

— Но бездействие также угрожает разрушением, — возразил Элодир.

— И ты возглавишь такое войско, Имрик? — спросил Бел Шанаар, поворачиваясь на троне к каледорскому князю.

— Нет, — резко ответил тот. — В Каледоре пока нет заразы, и я буду охранять его покой.

— В Сафери нет знаменитых полководцев, — пожал плечами Тириол. — И думается мне, что другие княжества не захотят рисковать и вести открытую войну.

— Тогда кто же возглавит охоту? — с раздражением в голосе спросил Элодир.

— Капитан Каратриль, — произнес Бел Шанаар.

Каратриль вздрогнул — его удивило, что король еще помнит о его присутствии. Он предположил, что князя уже выслушали все, что хотели, и ожидал предложения, чтобы уйти.

— Как я могу служить, ваше величество? — спросил он.

— Я снимаю тебя с должности капитана гвардии Лотерна. — Бел Шанаар встал во весь рост. — Ты верен и надежен, предан нашему народу и сохранению мира и справедливого правления. Я назначаю тебя моим герольдом, вестником Короля-Феникса. Ты донесешь мои слова до князей других государств. Ты спросишь, найдется ли среди них такой, кто захочет возглавить борьбу с вредоносными культами. Мы должны избавить Ултуан от бесчестных последователей порока. Тот князь, который сумеет спасти нас от наступающей тьмы, получит благодарность всей земли и трона.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дерзкая клятва

Каратриль устал так, как не уставал уже много лет. Уже восемьдесят дней, с тех пор как он стал герольдом Короля-Феникса, он ездил вдоль и поперек по Ултуану. Он несколько раз пересек Кольцевые горы — в южном направлении, где в высоких замках жили Наездники драконов, и в северном, где воины носили шкуры свирепых белых львов, которых убивали голыми руками.

Каратриль пересек море Сумерек и море Снов на пути в Сафери, где правили маги и поля вспахивались зачарованными плугами, а города освещались призрачным огнем. Он сел на корабль, шедший в Авелорн, и посетил прекрасные леса Вечной королевы, хотя и не увидел ритуальную жену Короля-Феникса, а лишь ее строгую свиту из служанок и жриц Иши. В Иврессе он лавировал на лодке между восточными островами и спал под раскидистыми кронами Атель Иврейна. Он донес приказ Бел Шанаара до князей Внешних княжеств тогда, когда зима уже смыкала свою ледяную хватку.

Лишь тогда он вернулся к Королю-Фениксу с ответами: никто из князей не захотел возглавить армию Ултуана в борьбе с культом наслаждений.

Теперь он отдыхал и уже седьмой день сидел на одной из скамей в приемной короля, подремывая под монотонные голоса князей внизу. Они постоянно приезжали и уезжали, советовались с королем Бел Шанааром и друг с другом и из всех княжеств Ултуана приносили зачастую невеселые новости.

Насколько мог судить Каратриль, конфликт с культом наслаждений и излишеств стремительно нарастал. По собственному опыту в Лотерне он знал, что стоит уничтожить одну секту, как ее место тут же занимает новая. Становилось очевидно, что уже некоторое время секты процветают и за пределами крупных городов. Отдаленные, стоящие на отшибе охотничьи домики нередко становились местами встреч приверженцев запрещенных ритуалов. Повсюду можно было встретить члена той или иной секты, и никто не мог сказать, сколько чиновников, дворян и военачальников им сочувствуют.

Главная беда заключалась в том, что каждое княжество считало себя способным побороть возникающий фанатизм и подозревало соседей в потворстве ему. Хотя княжества и были формально объединены под короной Феникса, каждое являлось суверенным владением своего князя.

Никто из князей не позволил бы другому командовать его армией и не допустил бы в свои земли чужие войска. Прямолинейному Каратрилю казалось, будто они постоянно позируют и просят помощи, но сами никогда не предлагают ее. Когда-то он издали восхищался величавыми правителями, но вблизи величие их представлялось сомнительным.

Впрочем, некоторые князья оказались единомышленниками герольда. По наблюдениям Каратриля, Имрик больше других разделял его взгляды на ситуацию. Он всегда говорил прямо, хотя считали его резким и даже грубым. Больше всего на свете он боялся бездействия.

Внук великого Каледора Укротителя Драконов считался самым влиятельным среди князей, и его положение вызывало в сердцах многих зависть. Все боялись каледорцев, потому что их армия была гораздо мощнее тех, которыми могли похвастаться другие княжества.

Каратриль очень скучал по родному Лотерну, но Бел Шанаар постоянно вел переговоры

с князьями, и Каратриль обязан был выполнять его поручения.

В окружении высокопоставленной знати капитан чувствовал себя одиноким. Аэренис вернулся в Лотерн через несколько дней после приема у короля. Знакомых в Тор Анроке у него было немного, и вдобавок вскоре ему стало ясно, что должность герольда не только лишает его свободного времени, но и мешает окружающим откровенно говорить в его присутствии. Все настойчиво переводили свои разговоры на пустяки, а сами искали у него подтверждения слухов о происходящем при дворе Короля-Феникса. Каратрилю же не хотелось делиться тем, что он знал, чтобы король не счел его сплетником, недостойным оказанного доверия.

Чем больше Каратриль узнавал о тайной стороне сект: о том, как эльфы ведут нормальную на первый взгляд жизнь, но при этом тайно участвуют в извращенных ритуалах за закрытыми дверями, — тем более недоверчивым он становился. Со временем он решил прекратить свои редкие вылазки в город и, когда приезжал в Тор Анрок, вообще не выходил из дворца.

Каратриля разбудило оживление среди двора: к совету присоединилось еще двое эльфов. Он сразу же узнал князя Финудела, правителя Эллириона, и его сестру, княжну Атиель. Они приехали два дня назад и произвели переполох обещанием предоставить для борьбы с культом кавалерию и отряды копейщиков. Каратриль наклонился вперед, подпер рукой подбородок и начал прислушиваться к обсуждению.

— Против кого же они выступят, мой дорогой Финудел? — говорил князь Батинаир из Ивресса. — Ведь ты не можешь провести их маршем по всем деревням и городам Ултуана.

— Вероятно, ты просто ищешь возможность нарушить согласие между княжествами ради собственной выгоды, — добавил Каладриан, еще один представитель знати Ивресса. — Ни для кого не секрет, что в последнее время казна Эллириона истощилась. Война нужна тем, кому нечего терять, а платят за нее другие. Наши экспедиции за океан приносят на родину богатство и товары из колоний. Возможно, Эллирион нам завидует.

Финудел с перекошенным от злости лицом открыл было рот, но Атиель положила руку на плечо брата.

— Не стану отрицать, что наше княжество не преуспело так, как другие, — тихо ответила княжна Эллириона. — Частично потому, что Внутренним княжествам приходится платить пошлины Лотерну за проход наших судов в Великий океан. Я подозреваю, что Внешние княжества обладают монополией на торговлю только благодаря этим пошлинам.

— Мы не можем нести ответственность за причуды географии, — презрительно процедил князь Лангарел, один из родственников Харадрина Лотернского. — Наши военные корабли несут охрану всего острова. Таким образом, вполне справедливо, что остальные княжества вносят свой вклад в поддержание обороны.

— И от кого вы собрались нас оборонять? — прорычал Финудел. — От людей? Этим дикарям и через реку-то не под силу перебраться, а от нас их отделяет океан. От гномов? Они счастливы в своих горах и пещерах. От рабов Древних? Их города лежат в руинах, а цивилизацию поглотили джунгли. В вашем флоте нет никакой необходимости, это всего лишь проявление высокомерия Лотерна.

— Неужели вам необходимо каждый день обсуждать в моем присутствии свои старые обиды? — резкий голос Бел Шанаара осадил князей. — Ссорами мы ничего не достигнем, а потеряем многое. Пока мы спорили о доходах с колоний, наши города на родине погрязли в

разврате. Вы хотите, чтобы мы все забыли о своих корнях и перебрались на новые земли? Давайте прекратим эти бесконечные споры, в мире хватит богатства для всех.

— Секты набирают силу, это очевидно, — произнес Тириол со своего места.

Все выжидающе повернулись к магу.

— Пока портал сдерживает ветры магии, но в горах ее становится все больше. На самых высоких пиках бродят странные создания, рожденные силой Хаоса. Меч Аэнариона и портал Каледора одолели не всю тьму на нашем острове. В диких землях по-прежнему живут отвратительные монстры. Темная магия подкармливает их, делает смелее и сильнее. Даже сейчас на горных перевалах путешественников подстерегают опасности. А что будет зимой, когда охотники и солдаты не смогут сдерживать этих чудовищ? Манतिकоры и гидры спустятся на равнины и станут разорять наши деревни и хутора? Если мы позволим культу наслаждений процветать и дальше, даже портал может не устоять, и в мир снова придет эра тьмы и демонов. Есть среди собравшихся кто-то, кто готов предупредить ее приход?

В воцарившейся тишине князя встали и подозрительно разглядывали друг друга, стараясь не встречаться взглядом с Королем-Фениксом.

— Возможно, у одного из князей есть такое желание, — эхом прокатился от дверей властный, глубокий голос.

В сопровождении вздохов и перешептываний новоприбывший уверенно прошел по покрытому лаком паркету. Стук его сапог для верховой езды разносился по залу громом военных барабанов. Позвякивали кольца длинной кольчужной юбки, а золотой нагрудник украшал свернувшийся кольцами, готовый напасть дракон. Черный как ночь плащ удерживала на плечах застежка в виде золотой розы с черным самоцветом. На согнутой в локте руке он держал высокий шлем с надетым на него странным обручем из темно-серого металла с выступающими шипами. Сложная повязка из золотых нитей придерживала надо лбом волосы цвета воронова крыла, заплетенные в косы и перехваченные костяными кольцами с высеченными на них рунами. Темный пронзительный взгляд обвел присутствующих. Фигура его излучала власть и силу, подобно тому как фонарь излучает свет.

Князя расступались перед ним, как вода перед идущим на всех парусах кораблем. В спешке они спотыкались и наступали на длинные плащи и мантии. Некоторые чопорно склоняли головы или невольно отшатывались, пока он быстро шагал к трону Короля-Феникса. Затянутая в черную перчатку рука незнакомца лежала на золотом навершии спрятанного в ножны из черного дерева меча.

— Князь Малекит, — ровным голосом произнес Бел Шанаар, поглаживая нижнюю губу тонким пальцем, — если бы я знал о вашем приезде, я подготовил бы подобающую встречу.

— Нет никакой необходимости в церемониях, ваше величество, — ответил Малекит. — Я решил, что лучше вернуться неожиданно, чтобы наши враги не проведали о моем прибытии.

— Враги? — переспросил Бел Шанаар и оглядел князя зорким, ястребиным взглядом.

— Даже по другую сторону океана, где я сражался с мерзкими чудовищами и жестокими орками, до меня доходили слухи о постигших родину несчастьях. — Малекит развернулся лицом к князьям. — Плечом к плечу с гномами, рядом с их королями, я и мои товарищи сражались за безопасность наших земель. Мои друзья отдавали жизнь за защиту колоний, и я не позволю, чтобы их жертвы оказались напрасными.

— Так ты вернулся к нам, услышав, что потребовалась помощь, Малекит? — надменно

спросил Имрик. Он скрестил руки и встал лицом к лицу с нагаритским князем.

— Наверное, ты знаешь о самой большой нашей беде, — мягко произнес Тириол. Он сделал несколько шагов и встал между Малекитом и Имриком. — Мы хотим объявить войну вероломному злу, которое расплодилось уже по всему Ултуану. По всему.

— Именно поэтому я и вернулся. — Малекит, не дрогнув, встретил пристальный взгляд мага. — Нагарит запутался в этих сетях не меньше, чем другие княжества, а некоторые говорят, что даже больше. Мы живем на одном острове, под правлением Короля-Феникса, и Нагарит не станет потворствовать темной магии и запрещенным ритуалам.

— Ты наш лучший военачальник и самый дальновидный стратег, князь Малекит, — с робкой надеждой произнес Финудел. — Если все присутствующие согласятся, поднимешь ли ты знамя Короля-Феникса и возглавишь ли борьбу против этих негодяев?

— Из всех князей именно в тебе течет самая благородная кровь, — зачастил Батинаир из Ивресса. — Бок о бок с отцом ты боролся с тьмой, и ты сможешь вернуть Ултуану свет!

— Этан с тобой, — прижал к сердцу сжатый кулак Харадрин.

Хором зазвучали просьбы, но все замолчали, стоило Малекиту поднять руку. Князь Нагарита повернул голову и молча посмотрел на Бел Шанаара. Король-Феникс сцепил под подбородком пальцы и какое-то время сидел с поджатыми в раздумье губами. Затем он посмотрел на сурового Имрика и вопросительно поднял брови.

— Если такова воля Короля-Феникса и его двора, Каледор не будет чинить препятствия князю Малекиту, — медленно произнес Имрик, после чего повернулся и вышел из зала.

Морщины на лбу Бел Шанаара чуть разгладились, он откинулся на спинку трона и кивнул нагаритскому князю.

— Я буду действовать только с одобрения совета, — провозгласил Малекит. — К Анлеку уже подъезжает отряд моих лучших воинов, закаленных в схватках за океаном. Я соберу армию, и ни один дом, погреб или пещера не ускользнет от нашего внимания. Гонцы отправятся во все стороны и донесут до наших ушей все слухи, так что врагу будет негде укрыться. Мы не станем отказывать в милости, потому что не хотим убивать без нужды тех, кто всего лишь заблуждается. Мы выкорчем это дающее гнилые плоды дерево, которое кормит ложью наш честный народ, и освободим попавших в его тень пленников. И неважно, как высоко вздымается крона, неважно, какой властью обладают его вожди, — им не избежать правого суда!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Путешествие во тьму

Караван Малекита двигался на север. Князь возглавлял колонну верхом на огромном черном жеребце в сбруе из черной кожи с серебром. За ним ехало шесть сотен нагаритских рыцарей; в прохладном осеннем воздухе развевались и щелкали их серебряно-черные шпандарты. Стало известно, что многие последователи культа наслаждений уже сдались на милость князя. Жители Нагарита выходили навстречу отряду — они давно жили в страхе перед сектами, которые приобрели значительную власть в отсутствие Малекита. Многих заставляли служить культам против воли и запугивали угрозами принести в жертву. Им казалось, что они сбросили тяжелое иго; все улицы заполнили эльфы и прославляли победное возвращение своего законного правителя.

Для демонстрации поддержки Короля-Феникса с Малекитом ехало три сотни колесниц Тиранока. Из Эллириона по приказу князя Финудела тоже прибыло подкрепление. Семь сотен рыцарей пересекли Кольцевые горы через перевал Единорога и встретились с караваном в сотне лиг от Анлека. За ними следовало десять сотен копейщиков, набранных в Этане и Иврессе; сейчас они пересекали Внутреннее море, чтобы присоединиться к армии, выступающей против темных культов.

За караваном тянулся длинный обоз. Фургоны Тор Анрока походили на знаменитые колесницы, только были гораздо крупнее, и каждый тянула упряжка из четырех лошадей под яркими попонами, увешанными символами и флагами королевства. Всего за армией следовало не менее сотни фургонов с поварами и мастерами по изготовлению стрел, кузнецами и конюхами, пекарями и оружейниками, и каждый вез с собой все необходимые инструменты и материалы. Также с ними ехали жрецы и жрицы Азуриана и Иши, астромансеры Лилеат и предсказатели Коурданрина, отобранные для экспедиции Бел Шанааром.

И если эльфы Тиранока и Эллириона радовались своим мистическим попутчикам, нагаритяне, и особенно Малекит, не обращали на них решительно никакого внимания.

Среди прочих ехал и Каратриль, уполномоченный действовать от имени Короля-Феникса.

Ясным утром они подъехали к вздымающемуся над пенистой рекой каменному мосту. Это был Наганат — река, бравшая начало в горах и бурлящим потоком несшаяся к морю. За ее бурными водами лежал Нагарит.

Малекит смотрел на север отрешенным взглядом. На его лице не отражалось никаких эмоций, но в голове кружилось множество мыслей. Он клялся себе, что никогда не вернется сюда, пока не будет готов занять свое законное место.

Внутри кипело возбуждение. Но к нему примешивались грусть и сожаление. Перед тем как перебраться через реку, Малекит приказал колонне остановиться и спрыгнул с коня. Он почувствовал на себе взгляд Каратриля, повернулся к капитану и улыбнулся.

— Я не ступал на эту землю более тринадцати сотен лет, — тихо произнес князь.

— Должно быть, вы рады возвращению, — сказал Каратриль.

— Да, очень рад, — кивнул Малекит. Он еще раз кивнул и вдруг усмехнулся. Затем расхохотался, и взгляд его заблестел. — Очень рад!

Каратриль засмеялся вместе с ним: он только сейчас понял, какую глупость сказал. Взгляд Малекита помрачнел.

— Я пренебрегал обязанностями правителя, — сказал он. — В мое отсутствие появились эти мерзкие секты. Из моих земель, из выкованного кровью моего отца княжества расползлась чума, которая губит Ултуан. Но я искореню ее!

— Нельзя винить себя за слабость и испорченность других, — покачал головой Каратриль. — На вас нет вины.

— Я соглашусь, что вина не только моя. Но все мы несем ответственность за вырождение и забвение традиций, и я — в большей степени, чем остальные.

Князь запрыгнул в седло черного жеребца и повернулся лицом к колонне. В утреннем воздухе его голос разносился далеко и четко.

— Помните, что перед вами земли Нагарита! — выкрикнул он. — Именно здесь Аэнарион-Защитник построил Анлек, и отсюда он выезжал на битвы с демонами. Мы пришли сюда не как завоеватели. Мы освободители. Мы спасем это княжество от упадка и бесчестия. Мы принесем свет туда, где поселилась тьма. Мы не будем наказывать тех, кто свернет с пути порока и вернется к нормальной жизни. Сражайтесь, но слушайте свое сердце и лишь потом поднимайте меч.

Малекит вытащил из ножен и высоко вскинул свой меч; по украшенному рунами клинку заструилось голубое пламя. Он закончил торжественным кличем:

— Эта земля пропитана кровью ваших прадедов! Это Нагарит, а он не склоняет головы перед тьмой! Я его князь, и это мои земли!

Армия взорвалась громкими криками — кричали как нагаритяне, так и эльфы из других княжеств.

Малекит убрал в ножны меч и выхватил из рук знаменосца штандарт. Лихо пришпорив коня, он галопом поскакал через мост с развевающимся над головой серебристо-черным нагаритским флагом. С победными криками колонна последовала за ним.

По мере того как солдаты продвигались по Нагариту, ситуация становилась яснее. В первой же деревне радостные толпы устилали им путь цветами, а дети пели солдатам под аккомпанемент флейт и арф. Деревенская староста, достопочтимая эльфийка с седыми волосами до пояса, надела Малекиту на голову веночек из лавровых листьев и без устали благодарила Каратриля.

Темноволосые девушки подносили проходившим мимо солдатам букеты цветов, а некоторые из них запрыгивали на колесницы, обнимали и целовали воинов. Каратриль не видел такого праздника даже на карнавале Иши, и его сердце пело.

Когда они подошли к центральной площади, настроение изменилось. Там беленые дома пестрели пятнами сажи и зияли обгорелыми дверными и оконными проемами. В центре столпились три десятка эльфов, а их окружали жители с копьями и кинжалами на изготовку.

Изорванные черные платья и мантии пленников покрывала кровь, и на многих лицах виднелись синяки и порезы. У некоторых были и более серьезные ранения. Головы одних были небрежно обриты наголо, в то время как на обнаженной коже других проглядывали нарисованные белой краской руны Азуриана.

Последователи культа встретили солдат хмурыми вызывающими взглядами и гримасами; на лицах многих застыло отрешенное выражение, а некоторые опускали от стыда глаза и рыдали, прикрыв лицо руками. Жалость наполняла сердце Каратриля, когда он

смотрел на отступников. Князь жестом приказал войску остановиться. С каменным лицом он рассматривал пленников со своего великолепного коня.

— Предатель! — закричал один из них, молодой эльф в набедренной повязке. Его голое тело покрывали дюжины порезов; скорее всего, он сам себя изранил. — Каин не простит тебе измены!

Малекит ничего не сказал, а продолжал смотреть на почитателей культа наслаждений, хотя краем глаза он заметил, как сморщился Каратриль при упоминании бога убийства.

— Эрет Хиаль поглотит тебя, сын Аэнариона! — сплюнул второй, старик в изорванной в лохмотья черно-синей мантии.

— Тихо! — приказал Каратриль. Он вытащил из ножен меч и подстегнул коня. Пленники отшатнулись от него. — Существуют причины, по которым мы не произносим эти имена вслух. То, что вы связались с подобными богами, уже является достаточным доказательством вашей вины. Приберегите проклятия для другого раза!

Стройная эльфийка с покрашенными в рыжий цвет и уложенными при помощи воска в длинные иглы волосами встала и одним движением оголилась перед солдатами с похотливой улыбкой. На ее груди, животе и бедрах синей краской были выписаны картины разврата.

— Может быть, милость Атарты придется тебе по вкусу, мой господин. — Она провела рукой по своей бледной коже. — Тут найдутся эльфы, которые охотно удовлетворят любую твою прихоть.

Малекит жестом отослал Каратриля назад, спрыгнул с коня и встал перед служительницей Атарты. Хотя девушка была привлекательной, он чувствовал к ней отвращение. Ее красивое тело пропитывала темная магия. Князь спокойно снял свой плащ и прикрыл им обнаженную девушку.

— В унижении других нет никакого наслаждения, — сказал он и погладил ее по волосам. — Мы несем любовь, а не похоть. Я вижу в твоих глазах страх, и я понимаю его. Тебя пугает месть смертных, а не богов. Но не бойся. Мы не палачи. Мы не будем утолять жажду мести кровью. С тобой будут обращаться честно и с достоинством. Мы не будем судить тебя за сомнения и отчаяние. Твоя слабость вызывает сожаление. Я не сомневаюсь, что некоторые ступили на этот путь добровольно и со злыми намерениями, и со временем правосудие доберется до них. Но даже им будет предоставлена возможность исправиться. Лекарши исцелят ваши раны, как физические, так и душевные. Мы выманит поселившуюся внутри вас тьму и освободим вас из ее хватки. Со временем вы снова познаете мир и гармонию.

Малекит велел жителям принести пленникам чистую одежду, воду и пищу и приказал большей части армии двигаться к Анлеку. Накормленных и одетых пленников взяли под стражу, и Малекит продолжил поход.

От деревни дорога повернула на северо-восток, к горам, и несколько миль шла вверх, пока не вывела к густому лесу. Высокие сосны образовывали стены по обоим сторонам колонны, и ее окутали предзакатные сумерки. Не раздавалось ни звука; жутковатая тишина поглотила все издаваемые птицами и зверями звуки.

— Странное место, — пробормотал себе под нос Каратриль.

Его услышал один из рыцарей Анлека и придержал свою лошадь рядом с герольдом.

— Это Атель Саруи, — сказал он.

Это означало «Лес тишины», Каратриль никогда прежде не слышал этого названия.

— Понимаю, почему его так называли, — произнес он. — Ты родом отсюда?

— Нет! — выпалил рыцарь. Вопрос явно привел его в замешательство. — Здесь нет ни единой живой души. Говорят, что за этим лесом у подножия гор есть огромная пещера. В ней находятся одни из Адир Кинат, врата Мирай, подземного мира. Если бродить около гор, то рискуешь привлечь внимание Эрет Хиали и один из ее рефалимов унесет тебя во тьму.

При упоминании запретных имен темной богини и ее бестелесных слуг Каратриль содрогнулся. В Лотерне никогда не произносили их вслух, поскольку законопослушные граждане не поклонялись Китарай, как иногда называли темных богов. Рыцарь заметил его беспокойство.

— Не бойтесь, капитан, — спокойно сказал он и вытащил из-под ворота кольчуги серебряный амулет. Руну Йенлуи, символ баланса, украшали три сверкающих алмаза. — Это подарок друга из Сафери, и он защитит нас. Жителям севера часто приходится упоминать запретные имена, поскольку многие храмы темных божеств находятся в наших землях.

— Но почему же на родине Аэнариона допускаются служения им? — спросил Каратриль.

— Китарай надо время от времени улаживать. Нельзя забывать о богах безнаказанно, особенно если эти боги обладают гнусным, вспыльчивым характером. Когда-то за храмами ночных богов ухаживал всего лишь один жрец или жрица. Они служили им, чтобы не гневить темных господ, и задабривали их невинными жертвами. — Рыцарь опустил взгляд. — Иногда, в отчаянные времена, приходилось посещать их зловещие храмы, потому что есть вещи, о которых не знают даже Азуриан и Иша. Даже Аэнарион обращался к их мудрости.

— Но как же поклонение отвратительным богам распространилось так широко? — спросил Каратриль.

— От праздности или с горя многие эльфы стали обращаться к Китарай, чтобы облегчить душу или найти ответы на вопросы, которые лучше не задавать. Об умерших любимых, о неразрешимых загадках, о забытых с приходом Хаоса радостях. Довольные полученной милостью, эти заблудшие души начали открывать для себя темные секреты. Они извратили ритуалы умиротворения и превратили их в восхваление. Они хранили свои церемонии в тайне и строили новые храмы в других землях. В тени, незаметно для законопослушных граждан, они совершали свои преступления и заманивали новичков. За пять сотен лет они заполонили весь Ултуан и проникли во дворцы и лачуги, к богатым и бедным. Знайте, что наша задача будет нелегкой.

— А как получилось, что ты не попался в их сети? — спросил Каратриль.

Рыцарь заправил талисман под кольчугу и отвел длинные черные волосы. Сзади на шее у него красовался шрам в форме изогнутого кинжала.

— С чего вы так решили? Много лет я трудился с клинками Каина в руках и был священным палачом Анлека. Отец воспитал меня в морали культа, и я не знал ничего другого. Но когда он приказал мне вырезать сердце моей сестры, я убил его и сбежал с нею. Мы пересекли море, чтобы оторваться от погони. Со временем я встретил князя и рассказал ему о бедствиях нашего народа. Я Маранит, капитан Нагарита на службе князя Малекита, и он послал меня, чтобы собрать к его возвращению эту армию. Я не могу надеяться смыть со своей души это пятно, но, если мои старания помогут освободить других, я умру довольным.

— И я горжусь тем, что буду сражаться бок о бок с тобой. — Каратриль протянул руку.

Рыцарь крепко пожал ее затянутой в кольчужную перчатку ладонью.

— Наш поход изменит Ултуан навсегда, — произнес Маранит. — Сражайтесь рядом с князем, и история запомнит вас.

Каратриль кивнул и отъехал в сторону. Его переполняло любопытство, и он немного отстал от колонны и поехал рядом с пленниками, наблюдая за ними. Одета в белые льняные одежды девушка, которая вызывающе предлагала себя на площади, сейчас выглядела вполне целомудренно. Она вымыла и заплела в косы волосы и смыла мерзкие рисунки. Порой она бросала на Каратриля робкие взгляды, и ее глаза совсем не сверкали былой наглостью. Каратриль улыбнулся ей и помахал рукой. Затем спрыгнул с лошади и повел ту в поводу.

— Как тебя зовут? — спросил он девушку.

— Друтейра.

— Я Каратриль из Лотерна. Я никогда не видел нагаритских девушек с такими светлыми волосами, как у тебя.

— Я не из Нагарита, господин.

— Не нужно называть меня «господин». Я не князь, а всего лишь капитан гвардии. Можешь звать меня Каратриль или капитан, как тебе больше нравится. И как ты здесь оказалась?

— Я из Эллириона, капитан. Довольно давно, около двадцати лет назад, мы с братом пасли табун у подножия гор. Появились одетые в черные плащи всадники, и мы сперва подумали, что им нужны лошади. Галдарин, мой брат, пытался сопротивляться, но его убили. Они не тронули лошадей, но забрали меня и привезли сюда, в храм Атарты.

— Двадцать лет? — выдохнул Каратриль. — Как ужасно, должно быть, участвовать в их жутких ритуалах!

— Сначала было очень страшно, — согласилась Друтейра. — Меня били и хлестали кнутом, пока я не перестала чувствовать боль. Я перестала плакать. Мне стало безразлично, что происходит со мной. Затем они принесли черный лотос, и мы пировали в честь Атарты. Меня научили искусству любви, и я каждый день предавалась утехам Атарты. Затем умерла Хелреон, и я унаследовала титул жрицы и изучила сокровенные тайны нашей богини.

Голос девушки зазвучал заносчиво и вызывающе, но внезапно она замолчала и разрыдалась.

— Впервые за двадцать лет я увидела, во что превратилась, — простонала она. — Я приказывала приводить в храм других девушек, и их притаскивали силой, как в свое время притащили меня. Я видела жуткие вещи, но смотрела на них с радостью. Что я наделала!

Каратриль успокоил ее и положил девушке руку на плечо. Она не смотрела на него, но опустила голову и продолжила плакать. Он искал слова, чтобы ее утешить, но ничего не приходило в голову.

Они так и шли некоторое время, пока плач не прекратился. Каратриль повернул голову и заметил, что она смотрит на него покрасневшими, заплаканными глазами.

— Что со мной будет? — спросила она.

— Как и обещал князь Малекит, тебе не причинят зла, — заверил капитан. — Скорее всего, когда ты полностью излечишься, тебя отправят обратно в Эллирион. Уверен, что семья считает тебя мертвой и обрадуется, когда ты к ним вернешься.

Девушка молча кивнула.

— Расскажи мне об Эллирионе, — попросил Каратриль.

Ему не хотелось шагать в тишине. За время службы герольдом он посетил многие царства, но ему хотелось услышать от Друтейры воспоминания о ее родине.

— Краше всего он по вечерам, когда солнце садится за горы и заливают поляны золотом, — произнесла девушка. — Насколько видит глаз, тянутся пастбища с зеленой, как изумруд, травой. Белые дикие лошади скачут у подножия гор; они зовут наших коней и уводят их с собой. Мы слушаем, как разносит их ржание ветер, слышим, как они дразнят своих сородичей, которые ходят под седлом.

— Разве это не печально? — спросил Каратриль. — Разве тебе не хотелось, чтобы все лошади бегали на свободе?

Друтейра засмеялась:

— Вы говорите глупости, капитан. Лошади Эллириона гордятся нашей дружбой и называют своих диких собратьев глупцами. Им нравится перезвон упряжи и блеск серебряного мундштука. Вы бы видели, как гордо они бегут. У них есть сочная трава и теплые стойла, а когда приходят зимние дожди, они приглашают родичей на постой.

Каратриль хотел что-то сказать, но услышал, как во главе колонны выкрикивают его имя.

— Прости, меня зовут, — с сожалением улыбнулся он. — Я с удовольствием еще поговорю с тобой.

— И я с вами, — ответила Друтейра. — Вы расскажете мне о Лотерне.

— Обязательно, — пообещал он и вскочил в седло. Он уже собирался пришпорить коня, но тут его посетила неожиданная мысль. — Скажи мне, Друтейра из Эллириона, а что мой конь думает обо мне?

Девушка немного нахмурилась и вдруг улыбнулась. Она положила ладонь на морду коня, наклонилась к нему и что-то прошептала на ухо. Тот с коротким ржанием заплясал на месте, и эльфийка захихикала.

— Что? — обиженно спросил Каратриль. — Что он сказал?

— Он счастлив носить вас на себе, — сообщила Друтейра. — Вы хорошо с ним обращаетесь.

— А что тебя рассмешило?

— Он говорит, что за время путешествия вы стали тяжелее. Ему кажется, что вы набираете жирок.

Каратриль возмущенно фыркнул и рассмеялся.

— Слуги во дворце князей не позволят герольду Короля-Феникса голодать. Наверное, мне стоит научиться говорить «нет».

Он пустил коня рысью и не видел, как за его спиной хитро улыбнулась Друтейра. Она вернулась к остальным пленникам, и они зашептались между собой.

Когда Каратриль доскакал до головы колонны, князь Малекит разговаривал с одним из вороньих герольдов. Новоприбывший сидел на черном жеребце, а с его плеч свисал плащ из темных перьев. Усталое, бледное лицо закрывал капюшон. Всадник держал в руке длинное копьё, а с его седла свисал короткий лук и колчан со стрелами с черным оперением. Князь Нагарита повернулся к Каратрилю.

— Позволь представить тебе капитана Каратриля из Лотерна, герольда Бел Шанаара, — произнес Малекит. — Это Эльтириор, один из вороньих герольдов Нагарита.

— Большая честь для меня, — сказал Каратриль.

Эльтириор ответил ему кивком.

— Очень хорошо, — сказал князь своему герольду. — Призови своих братьев в Анир Атрут; вы будете следить за шпионами культа. Встретимся там через три дня и выступим к Эалиту.

Малекит послал коня рысью, и Каратриль последовал его примеру.

— Ты не встречал прежде герольдов из вороньего ордена? — спросил князь.

— Я слышал о северных герольдах. Но мне сложно сказать, какие рассказы о них являются вымыслом, а какие правдой. Но все они звучат довольно зловеще.

Малекит рассмеялся.

— Соглашусь, что в них есть что-то мрачноватое, — кивнул князь. — Немногим эльфам доводилось с ними встретиться; большинство видело лишь одинокие фигуры на далеких барханах и диких горных перевалах, а рассказывают о таких встречах непременно шепотом.

— Откуда они взялись? — спросил Каратриль.

— Из Нагарита. Их орден основал мой отец в те времена, когда наши земли осаждали демоны. Созданные магией демоны Хаоса могли появляться где и когда хотят, а вороньи герольды следили за их появлением и доносили о нем армии Аэнариона.

— И они до сих пор хранят верность вам? — спросил капитан.

— Они хранят верность Нагариту. Меня устраивает, что у нас общие цели. Эльтириор принес невеселые новости. Кажется, мы подтолкнули врагов к действию. Когда слухи о нашем прибытии разошлись по Нагариту, многие последователи культов покинули Анлек и отправились на юг. Они устроили себе пристанище в Эалите, к югу от Анлека. Это старая крепость, ее построил мой отец для защиты дороги, по которой мы сейчас едем. Мы не сможем попасть в Анлек без стычки с ними.

— Будет битва? — спросил Каратриль.

— Вороньи герольды выступают в роли разведчиков. — Малекит проигнорировал заданный вопрос. — Ни у кого нет глаз зорче, чем у северных всадников, а наши враги не заметят их приближения. Они не отдадут Эалит добровольно. Передай остальным капитанам, что я жду их сегодня ночью в своей палатке; надо подготовиться к битве.

Тут он заметил нахмуренные брови Каратриля.

— Ты прав, что испытываешь беспокойство, — сказал князь. — Мы не должны с радостью идти в бой, и в нем должны участвовать только добровольцы.

— Я не сомневаюсь в нашем деле, — заверил его капитан. — Я уничтожу тьму даже ценой собственной жизни, если потребуется.

— Не торопись отдавать жизнь, — предупредил Малекит. — Я защищал этот остров более тысячи лет, и я видел, как многие мои товарищи отдали жизнь буквально ни за что, в то время как выжившие пожинали плоды победы. Я вырос в Анлеке, когда вокруг бушевали демоны. Мои самые ранние воспоминания — это копье, меч и щит. Мои первые слова — это война и смерть. Я вырос среди кровопролития в тени меча Каина, и я не сомневаюсь, что он все еще висит надо мной. Возможно, правду говорят, что семья моего отца проклята и война будет преследовать нас вечно.

— Не могу представить, каково было жить тогда, — сказал Каратриль. — Страх, жертвы, боль множества потерь. Должен признаться, я благодарю богов, что не застал те времена.

— Очень мудро с твоей стороны. Не стоит искать войну ради войны, ведь она не

оставляет за собой ничего, кроме могил и пепла. И все же надо помнить, что, хотя цивилизация построена на фундаменте мира, защищают ее военными методами. Существуют силы, которые хотели бы видеть нас уничтоженными, стертыми с лица земли и сгинувшими навечно в темноте. С ними невозможно договориться: им неведомо понятие свободы и они существуют только для того, чтобы уничтожать и подавлять других.

— Но наши враги не демоны, нам предстоит встретиться со своими земляками, — произнес Каратриль. — Они дышат, смеются и плачут совершенно так же, как и мы.

— Именно поэтому мы приложим все усилия, чтобы обойтись с ними милосердно, — заверил его князь. — Всю свою жизнь я сражался с жестокими врагами. Последние годы я блуждал по самым дальним закоулкам мира и навидался всякого. В лесах Элтин Арвана мы сражались с гоблинами — наездниками на огромных пауках, и я боролся с троллями, которые умеют залечивать свои самые страшные раны. В ледяных пустынях севера жуткие крылатые создания расшвыривали моих солдат, как тряпичных кукол, а обмазанные кровью своих соплеменников дикари кидались на наши копья. Иногда мы рыдали от встреченных кошмаров, и я видел, как закаленные воины разбегались в страхе. Но я также видел примеры такого геройства, о которых не расскажут даже самые великие саги. Я видел, как лучник запрыгнул на спину чудовища с головой быка и стрелой выколол ему глаза. Я видел, как мать зарезала дюжину орков, чтобы защитить своих детей. Как триста копейщиков двадцать дней удерживали узкий проход против бесчисленной орды бесформенных чудовищ. Война — это грязь и кровь, но она полна смелости и самопожертвований.

— Не знаю, хватит ли у меня сил устоять в подобных ситуациях, — сказал Каратриль.

— Даже не сомневаюсь, что хватит, — заверил его Малекит. — Я вижу горящий в твоём сердце огонь, преданность долгу, и я без колебаний буду сражаться бок о бок с тобой, Каратриль из Лотерна.

Дорога свернула на запад и наконец-то вывела их из леса. К полудню голова колонны вышла на высокий уступ. Внизу раскинулась Урительт Орир, болотистая пустошь, которую оживляли лишь засохшие деревья и величественные черные камни. На тощей почве кое-где росли островки жесткой травы, а по берегам тощих ручейков цеплялись за жизнь пучки камыша.

На востоке виднелись Кольцевые горы; к северу их обрывистые склоны становились все выше, и самые отдаленные вершины венчали белые снежные шапки. Над ними собирались облака, но над Урительт Орир небеса сияли голубизной, а воздух бодрил осенней прохладой.

Дорога снова повернула на север и прямой стрелой побежала через равнину, пересекая по широким мостам многочисленные речушки. С приближением заката войско остановилось и разбило лагерь. Вскоре в сумерках засияли дюжины костров, а звездное небо затянуло дымом. Шатер Малекита установили в центре, в окружении палаток его рыцарей. На шесты повесили серебряные фонари, которые отбрасывали на землю круги желтого света.

То там, то тут раздавались грустные звуки арф и флейт. Негромко пелись старинные жалобные песни, от которых на ум приходили пережитые в прошлом горести, — так воины готовились к горестям будущим.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Поход на Эалит

Когда опустились сумерки, Каратриль бродил по лагерю в поисках пленников — ему хотелось снова увидеть Друтейру. Но он никак не мог их найти, а в ответ на его расспросы все только пожимали плечами. Эльфы Эллириона и Тиранока считали, что пленники находятся в лагере нагаритян, а нагаритяне отрицали подобное предположение. В конце концов Каратриль неохотно вернулся в свою палатку.

Та находилась недалеко от центрального круга. Пока он ужинал привезенными из Тор Анрока припасами — в этих краях не водилось дичи, — из лагеря нагаритян до него доносился смех и веселье. Он слышал старинные военные гимны, прославляющие величие Нагарита и его князей. Капитан запил сухой хлеб и сыр водой из фляги, и тут появился посланец Малекита с приглашением на совет.

Стража пропустила его, Каратриль поднырнул под полог и оказался на толстом красном ковре, расстеленном на земле. С потолка свисали на цепях золотые светильники, заливая все мягким светом. Дюжина раскаленных жаровен наполняла шатер теплом. Слуги в синих мантиях разносили вино. Каратриль жестом отказался от предложенного бокала и принялся высматривать знакомые лица. В шатре была уже как минимум дюжина эльфов; некоторые в красивых нарядах рыцарей Анлека, пара тиранокцев в синих одеяниях с белым поясом (такой же широкий пояс повязывал поверх доспехов и Каратриль) и трое в темно-красных плащах, в них он узнал командиров эллирийских штурмовых отрядов.

Каратриль заметил первого помощника Малекита, Еасира, — тот говорил с эллирийцами, — и капитан подошел к ним.

— Дружище Каратриль! — обрадовался Еасир. Он обвел жестом собеседников. — Ты знаком с Гариедином, Анельтайном и Беллаэнотом?

— Увы, лишь мельком. — Каратриль поприветствовал их наклоном головы.

— Я надеялся поговорить с тобой, герольд, — произнес эльф, которого представили как Анельтайна. — Но ты почти все время с князем Малекитом, я просто не мог выбрать подходящий момент. Наверное, неплохо, если князь прислушивается к твоему мнению.

— Я бы не сказал, что князь прислушивается ко мне, — оторопело ответил Каратриль. — Хотя я с удовольствием провожу время в компании князя Малекита.

— А он в твоей, — сказал Еасир. — Я и парой слов с ним не перекинулся за последнюю неделю.

— Я не хотел отнимать все время князя... — начал Каратриль, но Гариедин протестующе замахал рукой.

— Не извиняйся, — сказал эллирийский капитан. — Мы просто завидуем, вот и все. Уверен, что если бы любого из нас назначили герольдом Бел Шанаара, нам уделяли бы такое же внимание.

— Итак, что на уме у князя? — спросил Беллаэнот. — Кто поведет нас на Эалит?

— Уверен, что эта честь достанется рыцарям Анлека, — сказал Еасир. Он протянул пустой кубок одному из слуг, и его тут же наполнили. Капитан сделал глоток и продолжил: — В конце концов, Эалит принадлежит Нагариту, и не пристало нам быть в хвосте, как каким-то иврессийцам.

— Что касается меня, я с радостью уступлю эту честь тебе, — ответил Беллаэнот. —

Говорят, что там мощнейшая система укреплений. Не хотел бы я быть в первых рядах, штурмующих эту крепость.

— Вы плохо знаете Малекита, — заверил их Еасир. — Он храбрее крейсийского льва и сильнее каледорского дракона. Но, что самое важное, он хитрее саферийского лиса. Он не пошлет нас на битву, не составив подробнейший план. Нет, я уверен, что наш доблестный князь уже придумал, как выбить оттуда еретиков, и не заставит нас без необходимости бросаться на стены Эалита.

— Возможно, добрый герольд знает что-либо об этом плане? — предположил Гариедин, и все повернулись к Каратрилю.

— Я? — выдавил тот. — Вы заблуждаетесь, если думаете, что князь Малекит посвящает меня в свои планы.

Лица других эльфов выражали недоверие.

— К тому же, — добавил Каратриль, — у меня нет привычки говорить о вещах, которые князь предпочитает держать в тайне.

— Значит, тебе что-то известно, — произнес Беллаэнот. Он заметил кого-то за спиной Каратриля и закивал. — В любом случае мы скоро это узнаем.

В палатку вошел Малекит, подхватил с подноса ближайшего слуги бокал и осушил его одним глотком. Затем поставил бокал на золотой поднос и оглядел, ни на ком не задерживаясь взглядом, помещение.

— Мои доблестные капитаны, — произнес он, — мои верные товарищи. Я вынужден попросить у вас прощения. В наши суровые времена трудно сказать, кому можно доверять, и поэтому я решил не доверять никому. Я не могу быть уверен, что в моем лагере нет шпионов, и поэтому мне пришлось ввести в заблуждение всех вас.

По шатру пробежал встревоженный шепоток, но он тут же стих, когда князь продолжил говорить.

— С тех пор как мы вышли из Тор Анрока, я знал, что наши враги скрываются в Эалите. Я не хотел, чтобы они догадались о моих подозрениях, поэтому держал тайные советы только с вороньими герольдами: им я доверяю не только свою жизнь, но и само княжество. Как я и надеялся, наши враги уверены в своих силах, поскольку знают, что мы выступили без специальной подготовки к штурму. Они считают, что нам придется соорудить осадные башни и тараны и ждать подкрепления. Они верят, что у них достаточно времени, чтобы укрепить оборону и добрать войско. В лесах вокруг Эалита прячутся отряды: они ждут сигнала, чтобы уничтожить наши припасы и потрепать войско. Но они просчитаются!

Двое слуг поставили посредине кресло из темно-красного дерева с высокой спинкой в виде обвившегося вокруг стройной башни могучего дракона. Ножки и подлокотники трона были вырезаны в виде покрытых чешуей когтистых лап. Малекит расстегнул пряжку черного плаща и бросил его на спинку трона, но сам пока не сел. С прищуренными глазами он повернулся лицом к капитанам.

— Двое наших пленников украли лошадей и сбежали; они и принесут в Эалит подслушанные у болтливых солдат новости, — продолжил князь. — В них говорится, что мы будто бы выступаем к Энит Атруту, что в двух днях пути на запад от Эалита. Мятежники убедятся, что нападение им пока не грозит, и не будут готовы к нему. К закату Эалит станет нашим.

— Простите, ваше высочество, но армия не может двигаться так же быстро, как

одинокий всадник, — произнес один из эллирийцев. — Даже если мы доберемся до Эалита за день, мы не сможем скрыть наше приближение.

— Ты прав, Артенрейр. — Князь наслаждался разыгрываемым спектаклем. — Неважно, достигнем мы Эалита за день или за сотню дней: у нас все равно недостаточно сил, чтобы взять крепость штурмом. Более того, такая победа была бы для нас весьма нежелательной, потому что я хочу пролить как можно меньше крови. Там, где не спасет грубая сила, поможет хитрость.

— Я же вам говорил, — с улыбкой прошептал Еасир.

Каратриль продолжал внимательно слушать Малекита.

— Наши враги думают, что Эалит в безопасности, но они ошибаются. На протяжении долгих столетий цитадель никто не атаковал, и многие позабыли ее секреты. Многие, но не я и не вороньи герольды. Эалит возведен на скале, к которой ведет единственная дорога, а над ней нависают башни и стены. Вернее, так думают наши враги.

Малекит понизил голос до шепота и встретился глазами с ближайшими князьями, будто посвящал в секрет каждого из них.

— На самом деле в Эалите имеется и другой вход. Существует прорубленный в камне туннель, который ведет в цитадель. Его проделали, чтобы предоставить защитникам крепости возможность выбраться наружу и атаковать осаждающих с тыла. Выход из него лежит в пещере в миле от крепостной стены. Мы выступим до рассвета отрядом из ста воинов и под покровом темноты войдем в древний туннель. Он приведет нас в самое сердце врага, и наш удар станет полной неожиданностью. Армия выступит за нами и отрежет пути к отступлению. Мы убьем или возьмем в плен предводителей и заставим остальных сдаться. Когда кукловоды перестанут дергать за ниточки, наши враги из воинов превратятся в трусливых любителей разврата.

— Кто поедет с вами, ваше высочество? — спросил Еасир.

— Отряд будет сборным — из самых умелых наездников: сорок нагаритян, тридцать эллирийцев и тридцать лучших всадников Тиранока. Если взять больше, мы не сможем подобраться к Эалиту незамеченными, а наша сила в скорости и скрытности, а не в числе.

Малекит заметил разочарование на лице Каратриля. Капитан Лотерна с натяжкой мог назвать себя хорошим наездником. Он отлично владел копьем и мечом, но верхом ездил не слишком умело. Малекит поднял руку, чтобы привлечь внимание капитана, и улыбнулся:

— Мой доблестный Каратриль, ты поедешь с нами, не беспокойся! Я не оставлю воина с таким храбрым сердцем и верной рукой в арьергарде!

— Я буду благодарен вам, ваше высочество, — с глубоким поклоном произнес Каратриль. — Поход с такими благородными товарищами — большая честь для меня.

Когда капитаны вышли, Малекит уселся на трон. Через несколько мгновений Еасир привел в шатер небольшую группку завернутых в темные мантии эльфов. Они откинули капюшоны, и Малекит увидел перед собой сдавшихся на его милость последователей культа.

Когда Малекит выступал, лагерь еще окутывала темнота. Отряд собрался на окраине лагеря, и вдоль выстроившихся воинов прошли трое укутанных теньями вороньих герольдов. Они раздали всадникам длинные черные плащи, чтобы прикрыть доспехи, и полностью снаряженный отряд выступил в тишине и тайне.

Сотня всадников следовала на север за одним из герольдов по извилистой дороге, спускавшейся с уступа, где армия устроилась на ночлег. Ехали быстро, но осторожно, и

Малецит радовался ровной поступи своего жеребца. Когда дым костров остался позади, в сером предрассветном небе стали видны последние звезды. Тишину нарушал только глухой топот копыт. Они ехали теперь по пастушьей тропке через гряды невысоких холмов в тени гор. Тропу то и дело пересекали ручейки и ключи, а почва тут была достаточно плодородной: на ней рос кустарник и густые островки жесткой травы.

Они замедляли ход лошадей перед сложными участками, а порой, чтобы следовать за вороньим герольдом, приходилось ехать гуськом. Второй герольд ехал позади отряда, а третьего нигде не было видно: он еще затемно поспешил вперед на разведку.

Ближе к полудню они сделали недолгий привал, чтобы размять затекшие конечности и позавтракать хлебом и холодным мясом. Благодаря ярко светившему в ясном небе солнцу, тонкому, но теплому плащу и быстрой езде, Малецит совсем не чувствовал осеннего холода, хотя изо рта всадников и поднимался в воздух пар.

По пути они не встретили ни души, хотя время от времени проезжали мимо заросших руин древних домов и башен, рассыпанных по холмистым равнинам, будто брошенные богом игральные кости. Дорога постепенно пропала, князь нигде не видел даже тропки — становилось очевидно, что жители давно покинули эти места. В середине дня они снова остановились и напоили лошадей из бодро журчащего ручейка. Камни фундамента отмечали положение старинной мельницы, но никаких иных следов от нее не осталось.

Каратриль обратил внимание на одинокий холм недалеко от ручья: посреди желтеющей травы возвышались стены из черного камня. На вершине капитан разглядел опрокинутый белый монолит.

— Эльтуир Тарай, — раздался рядом низкий шепот.

Каратриль вздрогнул от неожиданности. За спиной стоял один из вороньих герольдов. Лицо всадника скрывал капюшон, но Каратриль разглядел изумрудно-зеленые глаза Эльтириора.

— Что ты сказал? — переспросил капитан.

— Вон тот холм, — герольд указал на голый каменный откос, — его называют Эльтуир Тарай. Там Аэнарион впервые обнажил Убийцу богов в битве. Тысячу лет назад здесь был город Тир Анфирек. Но пришли демоны и отравили своими заклятиями землю. На том холме Аэнарион в ярости занес меч Каина и сразил целый легион демонов. Мой дед Менретор сражался бок о бок с королем.

— Значит, ты князь?

— Это только титул, — отвел взгляд Эльтириор. — Когда-то эти земли принадлежали моей семье, но теперь они ничьи.

— А что случилось с городом?

— Говорят, ядовитая кровь демонов просочилась в землю и отравила ее. Тир Анфирек зачах и умер, как цветок без воды. Темная магия проникла во все камни, корни и ветви. Скот околел от болезней, а дети стали рождаться мертвыми. Потом сюда пришел Каледор и поставил впитывающий камень — он как раз готовился к созданию своего портала. Камень оттягивал темную энергию, и за прошедшие столетия жизнь медленно стала возвращаться. Крупные живые существа еще не могут здесь обитать, но уже появилась трава, и то тут, то там попадаются насекомые. Затем, лет пятьдесят назад, появились последователи темных культов, опрокинули камень и сняли все заклинания Каледора. Теперь темная магия снова собирается здесь.

— Почему же вы не подняли камень? — спросил Каратриль.

— Никто в Нагарите не знает, как это сделать. По крайней мере, никто из тех, у кого есть желание возродить эту землю. Возможно, в Сафери найдутся знающие волшебники и, когда снова воцарится мир, они сумеют поднять камень. Но боюсь, что на Эльтуир Тарае уже никогда не вырастет ничего, ведь именно на его склоне Аэнарион заключил договор с Каином.

Малекит отдал приказ собираться в путь. Эльтириор вспрыгнул в седло и ускакал, оставив Каратриля наедине с его мыслями. Капитан снова глянул на мертвый холм и содрогнулся.

По мере продвижения на север земля становилась более гостеприимной, трава достигала коленей всадников. В свете дня даже болота казались менее унылыми. До Каратриля долетали обрывки разговоров, а иногда всадники даже шутили и смеялись, будто хотели отогнать нарастающую тревогу.

Каратриль обнаружил, что едет рядом с эллирийскими рыцарями, бок о бок с их командиром Анельтайном. Их доспехи были более легкими, чем у рыцарей Анлека, и состояли только из кирасы и наплечников. В бою эллирийцы больше доверяли скорости и ловкости. Высокие шлемы украшали длинные разноцветные птичьи перья. Белые лошади их уступали в росте нагаритским жеребцам, а их упряжь блестела голубым лаком. Каждый рыцарь имел при себе короткое копьё с широким наконечником в форме листа и небольшой, но мощный лук со стрелами с синим оперением.

Из всех эльфов эллирийцы отличались наибольшей словоохотливостью и на ходу постоянно болтали между собой. Анельтайн тут же завел разговор с Каратрилем.

Сперва, по обычаю всех воинов, они поговорили о своих родных землях: сравнили женскую красоту, качество вина и прочие достоинства своих княжеств. Но вскоре разговор перекинулся на товарищей по отряду, а затем на нагаритян.

— Ничего не скажешь, они сдержанны, — говорил Анельтайн. — Конечно, по нашим меркам, все остальные эльфы молчуны, но нагаритяне говорят одно слово там, где надо бы сказать десять, и вообще молчат тогда, когда можно обойтись одним.

— Князь Малекит достаточно красноречив, — возразил Каратриль.

— Князь? Еще бы, он умеет произносить речи не хуже других, — признал эллириец. — Но он был послан Бел Шанаара к Верховному королю гномов, а я слышал, что их народ тоже не особо словоохотлив. Подозреваю, что последние две сотни лет ему приходилось говорить только для того, чтобы заполнить тишину. Нет, нагаритяне отличаются от нас: на них лежит тень.

— Ты не доверяешь им? — шепотом спросил Каратриль и бросил взгляд на едущих впереди рыцарей Анлека.

— Это слишком сильно сказано, — ответил Анельтайн. — Я с радостью буду сражаться бок о бок с ними, и я доверю им в бою свою жизнь. Просто мне неловко в их обществе. Мне не нравится их серьезность. На мой вкус, они слишком мало смеются, да и то чаще с горечью.

— Согласен, их бывает трудно понять, — сказал Каратриль. — Мы порой даже не в состоянии представить, что ими движет. Они остались людьми Аэнариона. Даже те, кто не застал страшные времена, выросли на рассказах о них. Возможно, они правы, что не смеются, потому что им есть о чем горевать. Они пострадали гораздо больше прочих, и их

раны по-прежнему кровоточат.

— Смех лечит любую рану. Он поднимает дух и изгоняет страх.

— Боюсь, что бывают раны слишком глубокие. Я, например, рад, что выступаю вместе с ними, а не против них. Многие нагаритяне покинули Ултуан и уплыли в колонии, потому что их гнала жажда схватки и тяготил мир. Мне трудно представить, как можно добровольно искать опасности, но в Нагарите воинское ремесло почитают за самое почетное. Не сомневаюсь, что любой из этих рыцарей пролил за морями больше крови, чем любой из нас прольет за всю свою жизнь.

— Наверняка, и от этого они еще больше беспокоят меня, — произнес Анельтайн. — Я слышал, что в Анлеке все еще в ходу заведенные Аэнарионом ритуалы: с рождением ребенка для него выковывают копье и меч и дарят ему. Они узнают названия оружия раньше, чем имена родителей, и младенцами спят в щитах, как в колыбели. Словом, как ты верно говоришь, лучше быть в битве на их стороне.

В полном согласии в этом вопросе они перешли к разговору об обычаях своих земель.

Солнце начало двигаться к западному краю горизонта, и тут Малекит снова объявил привал. Отряд собрался вокруг князя. Вороньих герольдов нигде не было видно.

— Скоро наступит ночь, и нам необходимо быть начеку, — заявил князь. — Вороньи герольды расчищают путь через лес, чтобы мы могли пробраться незамеченными. Когда они вернуться, мы помчимся что есть мочи. До полуночи над горами взойдет Сариор, и мы должны войти в туннель до того, как она прольет на нас свой свет. Мы не знаем, что нас ждет там, и, когда мы выступим, я не смогу отдавать приказы, потому что придется двигаться в полной тишине.

Малекит развернулся на месте и встретил яростные взгляды смотревших на него воинов.

— Я могу сказать вам только одно. Щадите тех, кто сдается, и не жалейте тех, кто сопротивляется. Я не знаю, каких ужасов нам следует ожидать и какие мерзости творятся за стенами крепости. Пусть ничто вас не смущает. Пусть вас ведут ваши мечи, потому что, хоть мы и несем милосердие, я не хочу, чтобы кто-то из вас погиб этой ночью. Молитесь Азуриану, благодарите Ишу, но не забудьте замолвить словечко перед Каином, потому что мы вступаем в его кровавое царство!

После речи князя отряд ожидал разведчиков молча. Солнце зашло, и небо зажглось звездами. Ветер усилился и принес с севера холод, так что Малекит плотнее закутался в плащ. Всадники проверяли доспехи и упряжь.

Малекит спешил, чтобы размять ноги, и прохаживался взад-вперед в ожидании. Ждать пришлось, впрочем, недолго — вскоре, почти невидимый в темноте, вернулся один из вороньих герольдов. Князь снова вскочил в седло, и отряд тронулся рысью.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Враг разоблачен

Всадники Малекита сделали небольшой крюк, чтобы объехать Эалит и подобраться к крепости с севера. В темноте князь издали разглядел замок — от зажженных огней его стены отсвечивали красно-желтым сиянием. Крепость стояла на огромном каменном утесе. Оттуда доносились смех и пронзительные крики, а вокруг башен плясали странные тени.

Самая высокая башня поднималась к звездам, а из ее узких окон лился неестественный зеленый свет. Свет на мгновение мигнул, и Малекит поморщился: князя охватила необъяснимая уверенность, что его обнаружили. Но это невозможно, ведь, укутанные в черные плащи вороньих герольдов, эльфы двигались как тени.

Эалит скрылся из виду за деревьями, и Малекиту пришлось пригнуться, чтобы поднырнуть под раскидистые ветки. В лесу царила темнота, лишь редкие отблески звездного света пробивались через густые кроны. Следуя примеру князя, отряд спешил и повел лошадей в поводу.

В центре рощи рос огромный дуб высотой не меньше сторожевой башни, и, когда Малекит провел своего коня под массивными корнями, остальным почудилось, что он исчез. Оказалось, что как раз тут вход в туннель, по высоте и ширине под стать городским воротам. Малекит вытащил из ножен меч, и его голубое пламя засветилось в темноте путеводным маяком. По рядам передали фонари, и каждый десятый всадник приторочил горящую лампу к седлу, чтобы освещать дорогу едущим за ними. Отряд двинулся по извилистому подземному ходу.

Вскоре проход начал подниматься, заворачиваясь спиралью и сужаясь. Но затем проход снова расширился, и отряд перестроился в шеренги по пять всадников. Малекит поднял руку — и воины остановились.

Впереди стояла стена голого камня. Малекит подъехал к ней и принялся тихо читать заклинание. Затем он поводит в воздухе перед собой мечом, и за светящимся кончиком оставались сверкающие в темноте линии голубого огня. В воздухе повисла яркая голубая руна. С последним словом Малекит разрубил ее мечом — и туннель наполнился ослепительным светом. На месте стены образовался широкий арочный проем, за которым лежал крепостной двор.

— Вперед! — выкрикнул Малекит и пустил коня в галоп.

Всадники пришпорили лошадей и, выставив перед собой копья, ворвались в замок.

Двор замка представлял собой крошечный ад. От дюжины медных жаровен поднимался ядовитый дым. На белых стенах кровью были выписаны грязные руны, а рядом наготове кучками сидели скованные, завывающие пленники.

Когда рыцари выехали на мощный двор, еретики вскочили с криками тревоги и ужаса. Их встретила стена копий и мечей, которые разили все, до чего дотягивались. Малекит с беззвучным криком рубил направо и налево, и с каждым его ударом становилось на одного последователя культа меньше. Звон стали эхом отражался от высоких стен, с ним смешивались воинственные крики и стоны умирающих. Малекит заметил новую цель: эльф с парой зазубренных кинжалов в руках, одетый в килт и плащ с яркими узорами, стоял над съезжившейся девушкой. Когда Малекит кинулся на него, еретик с выражением полнейшего

ужаса повернул голову. Князь одним ударом перерубил ему шею.

Задыхаясь от возбуждения, князь приостановился, чтобы высмотреть нового врага. Землю устилала десятки трупов, по белым плитам двора расплылись лужи крови. Повсюду враги бросали оружие и падали на колени с криками о пощаде. Немногие пытались сопротивляться, но их тут же безжалостно уничтожали.

Малецит соскочил с коня и ринулся к цитадели, которая возвышалась над двором на добрые две сотни футов.

— Эллирийцы остаются на страже! — прокричал князь. — Остальные за мной!

Ворота были заперты, но это не остановило нагаритского князя. Он высоко поднял горящий магической энергией меч и вспышкой голубого огня ударил по створкам, отчего те разлетелись обгорелыми щепками. Без промедления Малецит прыгнул в открывшийся проем.

Хотя с начала атаки прошли считанные мгновения, еретики уже оправились. Внутри цитадели спиралью поднималась широкая лестница. Из зала во все стороны вели арочные проходы, и из комнат за ними набегала визжащая толпа приверженцев культа.

Визжа, словно бешеная кошка, эльфийка с красными узорами на теле и обритой головой бросилась на Малекита. Он ударил ее по лицу тыльной стороной ладони, и она без чувств упала на пол. Князь тут же отбил нацеленный в горло кинжал и зарубил безумного еретика.

Князь взмахнул Авануиром — и еще один взрыв магической энергии вспыхнул синим огнем. Дюжина еретиков взлетела в воздух и врезалась в стены. Малецит поднял левую руку — и с его пальцев сорвались голубые молнии. С криками боли и страха еретики ринулись прочь; некоторые бросились ниц с безумными причитаниями, остальные бежали к дверям, чтобы спастись.

— Наверх! — Малецит указал на лестницу.

Следом за князем Каратриль понесся через три ступеньки, а за ними бежали еще несколько рыцарей. Другие преследовали еретиков в помещениях внизу. Следующий уровень цитадели оказался пустым, и они продолжали подниматься, пока не достигли просторного зала на верху башни. Жаровни светились зеленым светом, который Малецит разглядел еще снаружи, и в призрачном освещении он увидел множество эльфов, предающихся чудовищному разврату.

Верховная жрица, стройная и сильная, присматривала с усыпанного костями и залитого кровью помоста за омерзительной церемонией. Ее белые одежды были запятнаны кровью, а лицо закрывала демоническая бронзовая маска. Из прорезей желтоватым светом горели глаза с крохотными черными точками зрачков.

В одной руке она держала кривой посох из костей и железа, украшенный рогатым черепом с тремя глазницами. В другой — изогнутый кинжал, липкий от крови многочисленных жертв.

Малецит ринулся через зал, повергая наземь всех, кто осмеливался преградить ему путь. До помоста оставалось лишь несколько шагов, когда жрица выставила перед собой посох, и в грудь князя ударил сорвавшийся с него поток черноты. Ему показалось, что сердце вот-вот разорвется. С криком боли Малецит упал на колени. Он был потрясен, потому что он не знал ни одного волшебника, который мог бы сравниться с ним, обладателем железного венца.

Он изумленно рассматривал жрицу. Та грациозно сошла с помоста и медленно двинулась к раненому князю, не спуская нацеленного на него посоха.

— Мой глупый сын, — процедила она.

Жрица разжала пальцы — и жертвенный кинжал в брызгах крови со звоном упал на пол. Освободившейся рукой она стянула маску и отбросила ее в сторону. Каратриль пораженно вскрикнул. Перепачканные кровью черные волосы жрицы разметались по обнаженным плечам. Безупречно чистое, гладкое лицо являло собой идеал красоты, а благородная осанка дополняла величественное впечатление.

— Мама... — прошептал Малекит, и меч выскользнул из его онемевших пальцев.

— Сын, — с коварной усмешкой, от которой по спине Каратриля поползли мурашки, ответила правительница Нагарита. — Как грубо с твоей стороны было перебить моих слуг. За время, проведенное среди варваров, ты утратил все манеры.

Малекит молча смотрел на Морати, жену Аэнариона, свою мать.

— Ты был слаб, Малекит, и мне пришлось править вместо тебя, — сказала она. — Ты бегаешь по миру на посылках у Бел Шанаара, готовый рисковать ради него жизнью, а твои земли приходят в упадок. Ты преклоняешь колени перед заносчивым Королем-Фениксом и, как щенок, готов получать объедки со столов Тиранока, Ивресса и Эатана, пока твой народ голодает. Ты строишь города за океаном и исследуешь мир, а твой дом гниет и разрушается. Ты не князь и тем более не король! Воистину, в тебе нет крови твоего отца, потому что ни один сын Анлека не позволит надеть на себя узду!

Малекит поднял взгляд на мать, и его лицо исказилось от боли.

— Убейте ее, — выдавил он сквозь стиснутые зубы.

Его слова будто разорвали заклятие, и Каратриль обнаружил, что снова может двигаться. Он выхватил из-за спины лук и натянул тетиву. Но тут Морати взмахнула посохом — и капитану пришлось отскочить, потому что в пол у его ног ударил черный разряд. Еретики тоже очнулись от транса и ринулись на отряд Малекита с рычанием и криками. Князь с трудом поднялся на ноги, но еще один заряд магии Морати опрокинул его на пол.

Еретики боролись с животным ожесточением, их поддерживали наркотические вещества и преданность Морати. Каратриль отбросил лук и снова вытащил меч — на него бежала эльфийка с утыканными драгоценными камнями губами и щеками и раскаленной кочергой в руке. Комнату наполнили крики, проклятия и вонючий дым из опрокинутых жаровен. Каратриль пригнулся — и его обожгло жаром пронесшейся над головой кочерги.

Он ударил по обнаженным ногам эльфийки и опрокинул ее. Но, даже лежа на спине, та выкрикивала оскорбления и пыталась ткнуть в него кочергой. Капитан пронзил ей грудь, и женщина неподвижно распласталась на мраморных плитах пола.

— Тебя никто не ждет в Анлеке! — прорычала Морати; она снова взошла на помост. — Возвращайся к своему узурпатору!

С воплем, от которого Каратриль едва не оглох, Малекит наотмашь рубил стоявших перед ним еретиков. В результате между князем и его матерью образовался проход, и Малекит побежал к ней, выставив перед собой светящийся магической энергией меч. Стоило его ноге ступить на помост, как Морати двумя руками подняла над головой посох. Ее окутала тень, расправляя призрачные крылья. Крылья трижды взлетели вверх-вниз — и тело правительницы растаяло.

По лестнице бегом поднимались рыцари Анлека, и вскоре все еретики были убиты или пленены. Каратриль перевел взгляд на князя, который стоял на помосте. Он ожидал увидеть его потрясенным или охваченным горем, но Малекит был исполнен холодной ярости. Его стиснутый двумя руками меч горел белым пламенем, а в глазах блестела едва сдерживаемая

магия.

Князь обвел взглядом зал и остановился на Каратриле. Капитан невольно дернулся, но горящая в глазах князя ненависть остановила его, хотя на миг ему показалось, что князь сейчас убьет его. И тут Малекит обмяк, и Авануир со звоном упал на пол.

— Нагарит поглотила тьма, — прошептал он, и глаза князя наполнились слезами.

Рассвет Малекит встретил в этой башне. Он смотрел, как поднимается над Кольцевыми горами солнце, и в свете наступающего дня ночные события казались ему поблекшими и размытыми. Неужели за все этим стояла Морати? Однако, все обдумав, он понял, что удивляться тут нечему. Все это было вполне в духе его матери: сеть шпионов на Ултуане, помыкание слабыми князьями и их армиями. Он проклинал себя за то, что позволил Морати запустить руки в Атель Торалиен, и боялся того, что она посеяла в Элтин Арване.

На дороге к цитадели князь разглядел быстро скачущего всадника, одного из вороньих герольдов. Закутанный в черное эльф пронесся под аркой ворот, и вскоре Эльтириор кивком поприветствовал князя.

— Плохие новости, Малекит, — произнес герольд. — Эалит наш, но Нагарит намерен поддержать Морати.

— Как так? — выкрикнул князь.

— Ваша мать переманила даже некоторых герольдов из моего отряда, — признался Эльтириор. — Это они и завели нас сюда, в ловушку Морати. Мы не знаем ее намерений, но мне кажется, что она хотела обратить вас в свою веру.

— У нее ничего не вышло. Я не попался в ее капкан.

— Пока нет, — предупредил герольд. — Однако культ наслаждений очень силен, а большая часть армии хранит верность вашей матери. Прямо сейчас войска идут на Эалит, чтобы окружить и уничтожить нас.

— Благодарю, Эльтириор, — произнес князь. — Я хотел бы попросить тебя еще об одном одолжении. Отправляйся на запад с теми, кто еще верен мне. Собери всех надежных князей и воинов и отошли их в Тиранок.

— А вы?

Малекит долго не отвечал, потому что правда резала больнее ножа.

— Я должен отступить, — наконец признал он. — Я еще не готов бросить вызов Морати, и она не должна поймать нас здесь.

Все свершилось по приказу Малекита. Армия двинулась на запад в полной боевой готовности — теперь они знали, что повсюду собираются толпы почитателей темных богов. В Тирече Малекит встретился с разношерстным войском из нескольких тысяч еретиков, но без должного командования, и его рыцари легко обратили их в бегство.

Четыре дня и пять ночей армия практически без отдыха шла к Галтиру.

На восходе пятого дня после битвы в Эалите они подъехали к его стенам. Малекит велел войску остановиться на расстоянии выстрела из лука. По приказу князя Еасир подъехал к воротам — ему пришлось прикрыть глаза от блеска солнечных лучей на белых стенах. За парашетом выстроились эльфы с натянутыми луками. Еасир остановил лошадь возле воротной башни.

— Я Еасир, капитан князя Малекита! — прокричал он. — Готовьтесь к приему князя!

Довольно долго ему никто не отвечал, но наконец на башне появилось несколько

эльфов, и они уставились на капитана. После краткого совещания один из них поднес к губам золоченый рог и выдул чистый, далеко разлетающийся звук. Тут же по флагштоку быстро пополз вверх и затрепетал на ветру серебряный с черным флаг.

— Флаг Анлека! — рассмеялся Малекит. — И символ моего дома!

Войско ответило радостным криком, когда Малекит жестом приказал двигаться вперед и ворота распахнулись перед ними. Всадники галопом въезжали в город, пехотинцы торопились за ними. Стоило последнему воину пройти под аркой, ворота с грохотом захлопнулись.

Галтир превратился в руины, многие здания обгорели или были разрушены. Раненые солдаты лежали прямо на площадях, где за ними ухаживали лекари Иши. Малекита встретил князь Дуринн.

— Я вижу, что не только мы сражаемся, — произнес Малекит.

— Не только, — подтвердил комендант Галтира, пожимая его руку. — Твой флот находится в безопасности в гавани, но моим воинам это стоило немалых усилий.

— Еретики?

— Да, некоторые жители города оказались приверженцами культа, но мы сумели их выгнать, — объяснил Дуринн. — Однако два дня назад они вернулись с армиями князей Кераниона и Тураеля Лирайна. Князья потребовали, чтобы я открыл ворота и сдал им город. Им не очень понравилось, что их предложение встретили стрелами...

— Благодарю тебя, — сказал Малекит. — Кажется, список моих союзников становится короче с каждым днем. На кораблях немного места, но ты можешь отправиться со мной.

— Галтир способен постоять за себя. Когда вы уплывете, наш город потеряет ценность для Морати. В ее распоряжении другие порты.

— И все же она может уничтожить вас просто из мести, за то, что вы осмелились сопротивляться. Плывите со мной.

— Я не брошу свой город и своих людей! — воскликнул Дуринн. — Если придет время оставить его, у меня найдутся для этого средства. Не стоит беспокоиться обо мне, Малекит.

Князь Нагарита положил ему руку на плечо: этот жест выражал его благодарность лучше любых слов.

Малекиту не хотелось задерживаться в Галтире: он был уверен, что уже сейчас корабли Морати плывут сюда, чтобы перекрыть ему выход в море. Прилив и попутный ветер благоприятствовали, так что войско немедленно погрузилось на «Индраугнир», на два других драконьих корабля и семь «ястребов». Еще три «ястреба» Малекит выслал на север, чтобы задержать преследователей.

Несколько дней потрепанное войско Малекита плыло на юг, где их встретили корабли Тиранока и сопроводили в порт Атель Рейнин. Там Малекит оставил большую часть своих рыцарей и отослал эллирийцев обратно в родные земли. Он наказал им не нападать на Нагарит своими силами, но охранять горные перевалы. Каратриль и колесничие Тиранока, которым пришлось сжечь свои колесницы в Галтире, стали личной охраной князя. С наблюдательной башни Атель Рейнина послали сокола с посланием. Малекит вкратце описал случившееся и советовал Бел Шанаару выставить войска на северной границе.

Через одиннадцать дней после битвы в Эалите Малекит снова стоял в приемном зале Короля-Феникса. До сих пор при мысли о вероломстве Морати он испытывал тошноту.

Князь добился аудиенции у Короля-Феникса и попросил Каратриля сопровождать его. Король восседал на своем троне, а князь и Каратриль уселись перед ним в кресла.

— Ты понимаешь, что, пока Морати держит в своих руках власть, ты не наведешь порядок в Нагарите? — по окончании рассказа спросил Бел Шанаар. — А чтобы отобрать у нее власть, ее надо убить или заключить в темницу.

Малекит ответил не сразу. Он встал и прошелся по залу. Он презирал Бел Шанаара, но еще больше презирал себя — за то, что нуждался в его помощи. Однако, как бы он ни относился к Королю-Фениксу, Малекиту было ясно, что он никогда не займет свое законное место, если не восстановит власть над Нагаритом. А в одиночку он не в силах сражаться с Морати, так что придется обуздать гордость и унижаться перед сидящим на троне узурпатором. Истина заключалась в том, что Малекит нуждался в Бел Шанааре и на время ему придется забыть о собственных амбициях.

— Я отрекаюсь от нее! — провозгласил Малекит. — Она всегда жаждала власти и нашептывала на ухо, что это мне принадлежит по праву твоя корона. С самой смерти Аэнариона она без устали подталкивала меня к тому, чтобы захватить власть над нашим островом. Ты же помнишь, как она кричала, когда я впервые преклонил перед тобой колени, и с тех пор она пыталась управлять мной, чтобы снова стать королевой. Я с самого раннего детства помню ее острый язык и неукротимые амбиции. Подозреваю, что сейчас она возвращает какую-нибудь послушную марионетку, готовую занять мое место. Она не остановится, пока не получит власть над всем Ултуаном. Но я не допущу этого.

— И все же она твоя мать, — с сочувствием произнес Бел Шанаар. — Если дойдет до худшего, сможешь ли ты пронзить ее сердце? Не дрогнет ли твоя рука, когда придет пора отрубить ей голову?

— Это необходимо, и я не позволю это сделать никому другому, — ответил Малекит. — Страшная ирония, но мне придется лишиться жизни ту, которая подарила ее мне. Я не знаю, какой властью она обладает над князьями и дворянами Нагарита. Некоторые сопротивляются ей, но их немного. Наверняка она извратит мои действия в глазах тех, кто еще колеблется, чтобы они решились, будто я им угрожаю. Наш народ верен, но он не отличается богатым воображением. Нас воспитывают выполнять приказы, а не задавать вопросы. Но все же найдутся нагаритяне, которые встанут на сторону законного князя. Я отправлюсь в Анлек и свергну королеву-ведьму!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Война Малекита

Близилась зима, и Малекит решил пока что собирать армию, в то время как вороны герольды постоянно пересекали границы Нагарита и докладывали ему о происходящем на севере. Новости были неутешительные: Морати открыто объявила себя ведьмой, отбросила все попытки соблюсти приличия и полностью отдалась своей темной природе.

Когда наконец-то настала весна, из колоний пришли сообщения, что культ наслаждений начал пускать корни и там. В ответ на просьбу о военной помощи Аландриан смог выслать лишь незначительную часть войска из Атель Торалиена: основные силы он оставил для отражениядвигающихся на Элтин Арван орков.

К армии князя присоединялись и другие воины Нагарита: поодиночке или небольшими группами они тайно проникали в Тиранок, рискуя навлечь на себя гнев Морати. Малекит надеялся, что их будет больше. Однако многие его бывшие капитаны и лейтенанты предпочли служение Морати — то ли из страха, то ли из преданности культу. Часть же верных Малекиту князей оказалась заперта в горах Нагарита.

Малекит хорошо усвоил полученный в Эалите урок. Он знал, что армия под его командованием не сможет пройти от Тиранока до Анлека без помех, ведь Морати будет подготовлена к нападению. И все же он не поддавался отчаянию и, когда искал поддержку других князей, особое внимание обратил на Харадрина Эатанского, обладателя самого мощного флота в Ултуане. У Малекита еще оставался «Индраугнир», и он был уверен, что, если получит из Лотерна в помощь еще несколько драконьих кораблей, сможет победить нагаритский флот.

В результате к тому времени, когда в горах начал таять снег, у Малекита уже был в запасе дерзкий план действий.

Следовало начать с подхода армии Тиранока к границам Наганата. Малекит прекрасно знал, что шпионы матери сразу же сообщат ей об этом, и надеялся, что нагаритяне в ответ оттянут свои силы к югу.

В последние дни зимы Малекит один отправился в Кольцевые горы, к востоку от Тор Анрока. Он взял с собой железный обруч и поднялся на один из самых высоких пиков. Там он нашел укрытое от ледящего ветра место и уселся на землю. Надел корону, прикрыл глаза и отдался на волю древнего артефакта.

Мысленно Малекит полетел над равнинами Тиранока, где траву еще покрывал иней. Затем к Наганату и через его ледяные воды в Нагарит. Он увидел собирающиеся на Бьяннанских равнинах армии Морати и выставленные вдоль реки пикеты. На западе он заметил расположившееся под стенами Галтира войско, хотя осаждающие, казалось, просто держали Дуринна взаперти. Дальше к западу еретики грабили города и деревни и проводили кровавые церемонии во славу Китарай.

Затем видение князя перенеслось к Анлеку. Всюду в городе стояли железные клетки: в них рычали и бесились мантикоры, грифоны, многоголовые гидры и шипящие химеры. Вокруг клеток суетились дрессировщики, вооруженные кнутами. Они мучили зверей и кормили их эльфийским мясом. Кузнецы трудились над раскаленными волшебством печами и ковали для огромных зверей доспехи и шипастые ошейники с тяжелыми цепями.

Кожевники шили прочные седла и украшенную костями упряжь.

Вокруг города стояли жуткие алтари, посвященные Эрет Хиали, Менелоту, Нету и прочим жестоким богам. На покрытых кусками кожи алтарях стояли перепачканные кровью чаши, а в жаровнях шипели окровавленные сердца и почерневшие кости. К жертвенникам волокли закованных в цепи, одетых в лохмотья эльфов — их ждали острые ножи и пылающий огонь в честь проголодавшихся богов.

И за всем этим наблюдали дворяне Нагарита. Князя в темных мантиях сидели на боевых конях в серебристых чепраках, а закрытые масками жрецы с нарисованными на голой коже рунами читали заклинания и молитвы. Камни мостовой окрасились красным, а в сточных канавах тощие собаки глодали эльфийские кости.

Князь перевел взгляд на центральную башню, дворец Аэнариона, но обзор ему преградила огромная тень. Он услышал шепот — голос матери. Малекит напрягал слух, но так и не смог разобрать, что же она говорит. Обруч давал ни с чем не сравнимую силу; князь с содроганием подумал: что за сделку заключила Морати, если сумела преградить ему путь?

Князь послал гонца к Бел Шанаару, чтобы Король-Феникс отправил часть своей армии к границе. В течение следующих дней Малекит следил за передвижениями нагаритян при помощи обруча. Только когда он убедился, что легионы Нагарита выступили к границе, он вернулся в Тор Анрок. Оттуда он отослал почтового сокола в Лотерн с приказом «Индраугниру» в сопровождении эскадры сняться с якоря и выступить на север. Они должны были направиться к Галтиру. Малекит снова воспользовался обручем и увидел, что в портах собирается нагаритский флот, ожидая атаки с моря. К побережью направлялось и пешее подкрепление, чтобы отразить возможное нападение.

Следуя приказу Малекита, вороны герольды сеяли в рядах врага смятение и панику. Они нападали на склады с припасами и отбившиеся от основных сил отряды и перехватывали послания командиров в Анлек. Их атаки совершались на западе и юге, чтобы поддержать иллюзию о походе Короля-Феникса.

Малекит же планировал повести настоящее наступление отнюдь не с запада или юга, а с востока. Под покровом темноты небольшие отряды перемещались к горам Эллириона. Они прятались на горных фермах и в деревнях, а князь Финудел снабжал их провизией.

Когда взошла первая весенняя луна, Малекит направился к Драконьему перевалу, Калад Энру, который находился в двух сотнях миль южнее Анлека. Там он поднял знамя Анлека и приказал войску готовиться к битве.

Армия насчитывала много тысяч воинов, и среди них ехали князя Нагарита и Тиранока, Эллириона и Эатана. К походу присоединились маги Сафери, в том числе Тириол. Как и предвидел Малекит, Морати не подумала о возможности его альянса с Эллирионом, и нападение оказалось для нее полной неожиданностью. Они полностью перебили гарнизон Арир Тонраеира у западного склона Драконьего перевала и двинулись на Анлек.

Войско повернуло на север, за двойные вершины Анул Награйна, форсировало реку Нарут и вышло на равнины Хиравала. Когда-то это был цветущий край, но сейчас, под правлением Морати, все пришло в упадок. Обгорелые остовы хуторов то и дело попадались в полях, а в них селились спустившиеся с гор стаи свирепых волков и медведи. Армия продвигалась по заросшей травой дороге. Она шла через опустевшие деревни; пустые дверные проемы и окна горестно смотрели на князя. Чем больше он видел, сколько тягот выпало на долю его княжества, тем яростнее разгорался его гнев.

От вороньих герольдов пришло известие, что дорога в Анлек свободна, и Малекит продолжал двигаться вперед — через Хиравал и далее на северо-восток, к болотам Менруира. Через пятнадцать дней после вступления в Нагарит войско достигло Анлека, столицы Нагарита.

Малекит рассчитывал не только на воодушевление своих солдат, но и на слабость обороны, которую держали по большей части последователи культа, а не профессиональные воины, которых он искусно оттянул на юг.

Пока армия готовилась к штурму, ясное весеннее небо заливало светом черные мраморные здания Анлека, на которых еще поблескивал иней. Черно-серебристые флаги развевались на холодном ветру на шпилях башен, а часовые в черных кольчугах и золотых шлемах расхаживали по стене. Город-крепость дрожал от топота сапог и скрежета металла — это отряды упражнялись на площадях. Крики лейтенантов эхом отражались от каменных стен и смешивались с треском жертвенных костров и воплями пленников.

Цитадель внушала страх, ведь ее построил при помощи Каледора Укротителя Драконов сам Аэнарион. Город охраняли восемьдесят высоких башен и высокие стены. Над тремя городскими воротами нависали башни с установленными там военными машинами.

В качестве внешнего круга обороны были выстроены одиночные башни, окруженные утыканными кольями рвами, причем военные машины простреливали пространство между башнями.

А непосредственно перед городскими стенами был вырыт ров в пятьдесят шагов шириной. И наполняла его не обычная вода, но яростно шипящее зеленое пламя. Через огненный ров был перекинут мост, который защищали охранные башни.

Однако, несмотря на мощные оборонительные сооружения, Малекит не испытывал страха и сомнений. Облаченный в золотые доспехи князь сидел перед войском на жеребце со светящимся Авануиром в руке и волшебным обручем на голове. За ним стояли две сотни его рыцарей, закаленные в колониях ветераны, а их возглавляли капитаны, что сражались бок о бок с Малекитом в северных пустошах. Их золотые кольчуги были скрыты под черно-фиолетовыми плащами. Копья светились от наложенных на них заклинаний, а на щитах были выжжены руны защиты. Они мрачно, но без страха рассматривали темную цитадель.

К северу и югу от рыцарей стояли копейщики, общим счетом в семь тысяч. Их возглавлял Еасир, и они выстроились в шеренги по десять рядов. Над копейщиками развевались штандарты, а серебряные горны передавали команды. Еасир ездил перед колонной и напоминал воинам, что они сражаются за истинного правителя Анлека, призывал их не выказывать жалости и оставаться стойкими. За копейщиками стояли три тысячи лучников с полными стрел колчанами.

Дальше на север стояли рыцари Эллириона. Князь Финудел и княжна Атиель с радостью присоединились к войску Малекита с двумя тысячами своих солдат. Финудел держал в руке Кадрати — пику с лезвием в форме звезды, которой его отец сражался рядом с Аэнарионом. Атиель взмахивала белым лезвием Амрейра, зимним клинком, — ее мать сразила им князя демонов Актурона. Над кавалерией развевались бело-синие знамена с изображением золотых лошадей. Кони эллирийцев рвались в бой, взбрыкивали и храпели, а рыцари непринужденно болтали друг с другом, не выказывая никакой тревоги при виде грозной крепости.

Южным флангом армии Малекита командовал Батинаир, князь Ивресса. Он сидел на жуткого вида грифоне, пойманном еще птенцом в Кольцевых горах и выращенном в Тор

Иврессе.

Грифона звали Красный Коготь. Он телом походил на огромную кошку, но был в три раза больше лошади, а шкуру его покрывали черные и белые полосы. Шею венчала голова орла с плюмажем из красных и синих перьев, и передние лапы напоминали лапы могучей хищной птицы с алыми мечами изогнутых когтей. На спине росли два мощных крыла с черно-серыми перьями. На грифоне под флагами Ивресса восседал на троне из белого дерева Батинаир. Серебряное древко его ледяного копья Награйна переливалось в утреннем свете, а кристальный наконечник был прочнее любого металла. Красный Коготь закинул голову, издал оглушительный крик и заскреб когтями по земле в предвкушении охоты.

Батинаир прибыл из Ивресса не один, с ним стояли две тысячи воинов с длинными копьями и синими щитами, все в белых мантиях скорби.

Карилл, один из князей Крейса, тоже выступил на стороне Малекита. Он стоял в запряженной четырьмя величественными горными львами колеснице. Белоснежные хищники взрыкивали и взбудораженно метались, насколько позволяла упряжь. Карилл был вооружен знаменитым боевым топором Акилларом, и двойное лезвие потрескивало от пробегавших по нему искр. Рядом стоял его сын Лорикар и гордо держал в руках знамя Крейса с вышитой серебряной нитью на алом фоне головой льва. Оба князя закутались в длинные плащи из лвиных шкур, отделанные черной кожей и увешанные драгоценными амулетами. Их окружали колесницы с возничими в золотых кольчугах, топорами и копьями в руках.

Также с ними пришли и горные охотники, голубоглазые воины с заплетенными в косы золотистыми волосами и накинутыми на плечи лвиными шкурами. Их доспехи состояли из посеребренных нагрудных пластин с изображенными львами и коротких килтов, прошитых золотой нитью. У воинов были тяжелые топоры разных видов, украшенные плетеными кистями и рунами.

И наконец, князя Сафери: Мернеир, Эльтрет и главный из них — Тириол. Они оседлали пегасов, крылатых лошадей, живущих на самых высоких вершинах Аннулийских гор. С их плеч свисали разноцветные переливающиеся плащи, а в руках магической энергией горели мечи и посохи. Они кругами летали над войском Малекита, и солнце играло на золотой упряжи крылатых коней.

Малекит видел, что все готовы к битве, и его сердце пело от радости. Уже много столетий ему не доводилось командовать столь мощной армией. Чем бы ни закончился сегодняшний бой, в историю он войдет, и имя Малекита будут помнить еще много поколений эльфов. Но князю мало было грядущей славы, ему нужна была сегодняшняя победа. Он развернул коня так, чтобы оказаться лицом к своим солдатам. Затем вскинул над головой Авануир и заговорил. Его голос без усилий разносился над всем войском.

— Взгляните на эту цитадель страха! — Он указал на Анлек светящимся синим огнем магии мечом. — Когда-то тут родилась надежда нашего народа, а сейчас таится его гибель! В этих залах обитают призраки наших отцов, и как же им горько при виде такого падения великого города! Мы пришли для того, чтобы потушить зловещий огонь и возродить свет феникса! Вы видите высокие стены и неприступные башни, но я вижу иное. Могущество Анлека не в его камнях, а в крови его защитников и бесстрашии их сердец! А в этом осажденном городе сейчас нет такой силы, поскольку всю его честь и славу сокрушили цепи рабства и несчастий!

Затем князь взмахнул мечом, и светящийся клинок пронесся над длинными рядами

воинов.

— Вот где я вижу истинный эльфийский дух! — провозгласил Малекит. — Никто из пришедших не явился по принуждению или ради выгоды, но добровольно отправился сражаться за правое дело. Свирепый Карилл! Доблестный Финудел! Величественный Тириол! Запомните эти имена и гордитесь тем, что вам довелось сражаться бок о бок с ними, как горжусь я. Все, что произойдет сегодня, запомнится в веках, и ваши имена прославятся. Благодарности нашего народа не будет конца, и памятью о тех, кто сражался сегодня, будут дорожить вечно! Посмотрите направо и налево и запомните лица ваших боевых братьев. Вы не увидите в них слабости — только упорство и отвагу. Каждый, кто стоит здесь, достоин стать князем, потому что награда находит того, кто готов рисковать ради нее. Ни разу со времен моего отца не собиралось вместе столько доблестных воинов. Вы все герои, и боги прославят вас, как и полагается героям.

Малекит поднял меч.

— И не забывайте, что веду вас я, князь Малекит! — выкрикнул он. — Я истинный правитель Анлека! Наследник Нагарита! Сын Аэнариона! Мне неведомы отчаяние, страх и поражение! Этим мечом я создал новое царство на востоке. Я заключил союз с гномами. Мои глаза без содрогания смотрели на темных богов. Я побеждал чудовищ и преодолевал смертельные опасности, и сегодня будет так. Мы победим, потому что победа идет по моим следам. Мы победим, потому что моя судьба — побеждать. Мы победим, потому что я так приказываю!

Малекит встал в стремени и поднял Авануир высоко над головой. Над войском разнесся крик, от которого затряслась земля. Одним взмахом руки князь послал армию в атаку.

— Слава ждет нас! — провозгласил он.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Битва за Анлек

По сигналу Малекита войско двинулось к мосту над пылающим рвом. Со сторожевых башен полетели стрелы, битва началась.

С диким криком Красный Коготь взмахнул крыльями и поднял Батинаира в воздух. Ивресский князь поднимался все выше и выше, пока не оказался вне досягаемости вражеских стрел. Так же поступили и маги Сафери.

Копейщики прикрылись щитами и пошли вперед. Они не мешкали ни секунды, даже когда их накрыло дождем стрел.

С устрашающим визгом Красный Коготь бросился с неба на ближайшую башню. Лучники на крыше направили на него свои стрелы, но они даже не поцарапали толстую шкуру грифона. Пика Батинаира сияла силой и без усталости пронзала врагов, а когти и клюв грифона разрывали всех без разбору.

Соседнюю башню настиг гнев Тириола, который опускался к ней с пылающим зеленым огнем посохом. Когда его пегас приблизился к крыше, маг выкрикнул заклинание — с посоха сорвался зеленый огненный ястреб и взорвался среди отряда лучников, раскидав куски их тел через парапет.

Подкрепление высыпало на крышу башни, но их встретила красная молния посоха Мернеира, от которой с башни полетели обгорелые камни и тела. Армия Малекита двинулась между башнями, не представлявшими больше опасности, а Батинаир и маги кружили над головами под радостные крики солдат.

Мост казался гораздо более серьезным препятствием. Он состоял из четырех мощных башен с подъемной частью. На каждой башне стояла боевая машина, стрелявшая огромными бревнами, которые были утыканы острейшими клинками. Поэтому, прежде чем войско приблизилось к мосту на расстояние выстрела, Малекит отдал приказ остановиться.

Сам он в одиночку выехал немного вперед, будто предлагая защитникам нацелить свои чудовищные машины на него. Сцена выглядела очень странно: одинокий князь на коне перед мрачным крепостным мостом.

Малекит спокойно поднял вверх открытую ладонь. Он почувствовал, как вокруг закружилась магия, и перевел взгляд на огненный ров. Обруч пульсировал на голове, и князь ощущал кипящую внутри рва энергию. Он был хозяином Анлека и знал слова, необходимые для того, чтобы погасить огонь, но сейчас он улавливал действие посторонних заклинаний: мать знала, что он попытается отменить защитное заклятие. Но она не приняла в расчет силу обруча, которая многократно увеличила мощь Малекита.

Внутри князя бурлила энергия, которая просто разорвала бы менее сильного мага, и, по мере того как она нарастала, Малекит начинал дрожать от возбуждения. Он произнес заклинание, открыл свой разум обручу и выплеснул в ров поток магической энергии. Пламя стало черным и поднималось все выше, а нагаритский князь продолжал подпитывать его своей волей и упорством, пока черный огонь не взметнулся на целую сотню футов.

От усилий с Малекита пот тек ручьями, но вот он поднял дрожащую руку. Магия извивалась и дергалась, пытаясь вырваться из его хватки. Малекит с усилием свел руки, и в ответ пламя начало свиваться в высокие волны по сторонам мостовых башен.

Затем князь оглушающе хлопнул в ладоши — и две волны пламени ринулись навстречу

друг другу. Черный огонь обжигал бойницы и изливался на крыши башен. В мгновение ока защитники и боевые машины превратились в облако пепла, которое ветер тут же разнес над мостом.

С криком облегчения и радости Малекит повернулся к войску и жестом приказал двигаться вперед. Его лицо расплылось в широкой улыбке. Когда копейщики Нагарита подошли к нему, он придержал своего коня, оказавшись рядом с Еасиром. Капитан смотрел на князя с изумлением.

— Вы знали, что это сработает? — спросил Еасир.

— Как тебе сказать, — улыбнулся Малекит. — До Эллириона дорога долгая, мне бы не хотелось проделать этот путь понапрасну.

Смех Еасира еще отдавался в ушах князя, когда тот развернул лошадь, чтобы подъехать к южному флангу и посоветоваться с Кариллом и крейсийскими охотниками. Пока Малекит отдавал приказ, маги Сафери приземлились на дымящиеся крыши башен и опустили подъемную часть моста. Та с грохотом перекинулась через огненный ров, и путь к стенам Анлека оказался открыт. Малекит первым проехал по настилу, пустив лошадь размеренным шагом, чтобы своим видом подбодрить войско.

По правде говоря, следующая стадия штурма волновала князя больше всего. До крепостных ворот оставалось около пяти сотен шагов, из них сотня — под дождем стрел и арбалетных болтов. Конечно, Батинаир и маги сделают все, что в их силах, чтобы отвлечь защитников города, но Малекит знал, что главным их союзником является скорость и, даже если двигаться очень быстро, потери будут велики.

Еасир повел наступление к восточным воротам, и с укрепленных на стенах машин в его воинов полетели болты величиной с копье. Каждый выстрел поражал полдюжины бойцов, и от них не спасали ни доспехи, ни щиты. Еасир сорвал голос, подгоняя воинов ближе к стене, — ведь он знал, что пространство возле стены не простреливается.

Пока копейщики бежали по окровавленному полю, пало не меньше тысячи эльфов. Рыцарей держали в резерве для атаки после того, как сломают ворота. Еасир не знал, как князь намеревается это сделать, но после чуда у моста он полагал, что у его господина и тут имеется не менее хитроумный план.

Воины колоний принесли копейщикам небольшое облегчение. Они выдвинулись вперед, прикрываясь толстенными деревянными заслонами. Вооружены они были новым оружием: оно походило на арбалет, но могло стрелять почти непрерывно. Прикрывшись передвижными заслонами, они поливали стены залпами болтов, выбирая в качестве мишеней команды боевых машин, и заставили тех отступить в укрытие.

Тириол, Мернеир и Эльтрет били врагов сверху. По стене плясали вихри фиолетовых и голубых молний, перепрыгивая от одного воина к другому. Огненные заклинания в образе ястребов, драконов и фениксов оставляли за собой обугленные руины. Боевые машины рассыпались в щепки, а доспехи раскалялись, обжигая тела. Кинжалы магической энергии пронзали плоть, а материализовавшиеся из воздуха мечи рубили отступающих в укрытие.

Батинаир тоже участвовал в расправе с приверженцами культа. На северной части стены они с Красным Когтем оставили за собой гору растерзанных, обезглавленных тел, но в конце концов огонь защитников стал настолько плотным, что князю пришлось отлететь в сторону. И его, и грифона покрывало множество ран. С клюва и когтей зверя на головы Еасира и его копейщиков капала кровь.

У капитана не оставалось времени рассматривать батальные сцены. Третью его отряда лежала на земле, а остальные еще только приближались к крепостной стене. И тут внезапно тяжелые ворота распахнулись.

Из-под высокой арки хлынул поток защитников города. Полуобнаженные, лишь в набедренных повязках и прозрачных лохмотьях, с торчащими, как иглы, волосами, последователи Каина с криками и визгом бежали в атаку. Мужчины и женщины с расписанной кровью кожей в чудовищных украшениях из жил и внутренностей держали в руках длинные зазубренные кинжалы и мечи. Почитатели кровавых жертвоприношений выливались из открытых ворот бурными волнами. Жажду битвы в них подогревали наркотические снадобья, которые готовили жрицы культа.

Малекит приказал копейщикам замедлить бег и, сомкнув ряды, приготовиться к столкновению с почитателями Каина. Так они оказались гораздо более уязвимы для лучников и арбалетчиков на стене, которые ничуть не боялись при стрельбе попасть по своим. Тем временем ворота с грохотом закрылись.

Внимание Еасира привлек топот копыт. Он повернулся и увидел приближающихся галопом рыцарей Эллириона. Они по флангам обтекали отряд копейщиков, пригибаясь и наклоняясь в седлах, чтобы уклониться от стрел. Рыцари выхватили на скаку луки и, в свою очередь, принялись поливать стрелами еретиков. Они носились по полю вперед-назад, налево и направо, кое-кто практически выворачивался в седлах, чтобы пустить стрелу во врага. Некоторые направили оружие на стены, причем, несмотря на быстроту скачки, их выстрелы отличались меткостью и всегда попадали в цель.

Всадники образовали вокруг копейщиков два живых круга, вращающиеся в противоположных направлениях, и под прикрытием их стрел Еасир приказал снова двигаться вперед. Круги всадников тоже перемещались вместе с пехотой.

Когда осталось всего несколько десятков еретиков, эллирийцы прекратили стрелять и убрали луки, а вместо них взялись за копья. С Финуделом и Атиель во главе они ринулись в атаку. Еретики не отступали даже теперь: их настолько одурманила жажда крови, что они сражались, пока последний с проклятием на устах не упал на кучу тел.

Путь был открыт, и эллирийцы отступили, пропуская к огромным воротам Еасира и его воинов. За ними двигались Карилл и его охотники, а замыкали ряды копейщики Ивресса.

Над копейщиками уже нависала тень городской стены, и они начали поглядывать на ее внушительную высоту, ожидая, что в любой миг им на головы может пролиться смерть. Еасир рискнул бросить взгляд назад, чтобы определить намерения Малекита. Князь с непринужденно скрещенными на груди руками сидел на лошади чуть позади войска. Он как-то почувствовал на себе взгляд капитана и помахал ему рукой, а затем указал на сторожку у ворот.

Еасир перевел взгляд на нависающие над головой башни и увидел высыпавших на стены эльфов в черных плащах с капюшонами.

— Готовьсь! — крикнул Еасир и поднял свой щит.

В тот же миг над сторожкой взлетел черный флаг и тут же упал, будто кто-то перерубил флагшток. На его месте поднималось другое знамя: белое с серебром, с эмблемой когтистого крыла грифона. Еасир от изумления споткнулся и чуть не упал — он сразу узнал знамя дома Анар.

Воины Анара перекидывали через зубцы окровавленные трупы еретиков и верных Морати воинов со вспоротыми животами и перерезанным горлом. Ворота снова

распахнулись, и Еасир издал оглушительный торжествующий вопль.

Он боялся, что проход в город может закрыться в любой миг, поэтому перешел на бег, и копейщики поступили так же. Воины Крейса и копыеносцы Ивресса следовали за ними по пятам, но Еасир первым-вошел в Анлек. Когда он оказался в тени ворот, он снова закричал от радости: ведь он вернулся в родной город!

Внутри город оказался совсем не таким, каким Еасир его помнил. Широкую площадь за воротами, где когда-то высилось изваяние сидящего на спине Индраугнира Аэнариона, теперь обрамляли статуи Китарай.

Обнаженная Атарта выплясывала на мраморном постаменте, ее руки и ноги обвивали змеи. Анат Раема, охотница, в одной руке держала лук, а в другой — голову эльфа, а ее талию украшал пояс из отрубленных рук и голов. Бог Хиркит присел на корточки над грудой костей и вожделенно рассматривал зажатое в руке ожерелье.

Перед каждой из многочисленных статуй богов разрушения и смерти горела жаровня с омерзительным содержимым, а кровавые пятна на постаментах наглядно говорили о характере еретических ритуалов.

Когда Еасир оставил Анлек, вдоль площади располагались лавки с товарами со всего мира. Теперь из них сделали загоны; в темноте за решетками таились чудовищные звери.

Твари, отдаленно напоминавшие медведей, рычали и грызли прутья, двухголовые грифоны трубно гаркали, а из клеток полубыков-боннаконов на площадь текли ручейки ядовитого дыма. Химеры издавали сильную вонь, а чудовищной длины змеи плевались ядом. Прочие создания выли, подскакивали и угрожающе взрыкивали из темных углов своих загонов. Из одной клетки шел густой дым, в котором плясали языки пламени. Ее решетчатая дверь открылась, и раздался оглушительный визг. Из полутьмы выступило огромное чудовище — семиголовая гидра с пышущими огнем ноздрями. Множество шрамов на незакрытых синей чешуей участках кожи говорили о жестокости ее хозяев. Головы гидры защищали золотые шлемы.

За гидрой шла пара дрессировщиков с жуткого вида кнутами — ими они подстегивали чудовище. Разъяренная гидра двигалась вперед, оставляя борозды на каменных плитах площади, а ее головы крутились и наклонялись. Из другой клетки выпустили еще одного огромного зверя — с серебряным доспехом, приклепанным прямо к плоти, и с шипастыми ошейниками на пяти шеях. Утыканный шипами хвост тоже защищал доспех, и зверь размахивал им во все стороны, а дрессировщики кололи его в бока пиками и подстегивали кнутами. Капитан справился с первым потрясением и приказал солдатам перестроиться и поднять щиты, хотя и сомневался, что это поможет защититься от монстров.

В это время вперед вырвались львиные колесницы Карилла. Укротители ближайшей гидры развернули ее к крейсйцам и жестокими ударами кнутов послали в атаку. Из глоток чудовища вырвалось семь струй желтого пламени, но вокруг князя и его львов вспыхнула голубая аура: украшенный драгоценными камнями амулет на шее Карилла светился энергией и пламя обошло его колесницу, не причинив никакого вреда.

Львы прыгнули в атаку. Они кусали и рвали когтями покрытую чешуей плоть гидры. Головы гидры поднимались и опускались, а острые зубы впивались в залитую кровью шкуру львов. Над площадью разносился вой боли. Гидра с зажатыми в пасти двумя львами встала на дыбы и подняла их высоко в обрывках упряжи, отчего колесница перевернулась. Карилл и Лорикар успели спрыгнуть с нее, а в атаку понеслись другие колесницы.

Крейсианцы носились вокруг чудовища, их топоры и львиные клыки оставляли на теле гидры кровоточащие раны. Колесничие ловко уворачивались от хлеставшего из стороны в сторону хвоста и щелкавших зубами голов гидры. Но хотя чудовище покрывали уже десятки ран, оно не отступало.

Карилл снова ринулся в атаку с горящим белым пламенем Акилларом в руках. Он взмахнул знаменитым топором и перерубил одну из шей. Отрубленная голова упала на землю. Из обрубка брызнул было фонтан крови, но, к ужасу Карилла, рана мгновенно затянулась. Плоть закипела, из нее образовались мышцы, вены и артерии, и через несколько мгновений на месте прежней головы выросла новая.

Но теперь гидру окружали десятки воинов. С беззвучным криком Лорикар прыгнул вперед с нацеленным в грудь чудовища заостренным флаговым древком. Он воткнул древко между чешуйками и навалился на него всем телом. С искаженным от усилия лицом он вонзал его все глубже и глубже.

У Еасира не было времени наблюдать за тем, что произойдет дальше, потому что дыхание второй гидры уже обжигало нагаритян.

— Где князь Малекит? — спросил находящийся рядом с ним Фенреин.

Еасир не ответил, хотя сам задавался тем же вопросом. Он не видел князя с того момента, как они вошли в город, и капитан горячо желал, чтобы повелитель оказался сейчас рядом. Волшебство и Авануир без труда справились бы с жутким монстром.

Капитана на миг отвлекли скрежет и грохот, и он заметил, что еретики открывают другие загоны. Из них с воем и визгом выбегали всевозможные чудовища. В чешуе и перьях, величественные и безобразные, обитатели Кольцевых гор заполонили площадь. Им навстречу с выставленными копьями двигались иврессийцы.

Еасир перевел взгляд на гидру в двух десятках шагов от него. Увидев, как она занесла головы, он предупреждающе крикнул. Как один, все воины упали на одно колено и подняли над головами щиты, когда из плоток гидры вырвались струи пламени. Щит в руках Еасира раскалился и обжигал пальцы; копейщиков охватило пламя. Послышались крики, и запахло горелым мясом. В облаке дыма он взглянул и увидел, что большая часть отряда мертва, а несколько воинов с криком катаются по земле в попытках сбить огонь. Над головой засвистели стрелы с черным оперением — это со сторожевой башни стреляли лучники дома Анар. Они целились не в гидру, а в спрятавшихся за ее тушей еретиков. Несколько стрел нашли свою цель, и двое укротителей упали, пронзенные стрелами.

Неожиданно освободившись от кнутов и пик дрессировщиков, гидра замедлила шаг. Три головы обернулись к телам еретиков, остальные четыре высоко поднялись и принюхивались к запаху выпущенных на площадь василисков и халтавров. С капающим из пасти ядом гидра развернулась, заметив врагов своей горной родины. С оглушительным шипением она ринулась на чудовищ.

Ближайшей добычей оказался волк со светящимися глазами и стальными клыками. При приближении гидры он развернулся и прыгнул на одну из ее голов. Гидра разорвала его одним махом и ринулась дальше, сокрушая хвостом и когтями зверей помельче. Позабыв об укротителях, горные монстры бросились друг на друга; среди них плясали вспышки пламени и молний, а площадь заливала разноцветная кровь. Изорванный в клочья труп василиска полетел в толпу иврессийцев, они с криками отскочили от обжигающих капель ядовитой крови.

Еасир против воли засмеялся — скорее от облегчения, чем от подлинного веселья. Один

взгляд на крейсийцев позволил убедиться, что те расправились со своей гидрой, и сейчас стояли над ее телом, изрубая его на кусочки для верности. Местонахождение Малекита продолжало оставаться загадкой, и Еасир снова начал оглядываться в поисках князя. Он заметил его на стене разговаривающим с князем дома Анар. Капитан приказал своим копейщикам ждать его и направился к князю.

Малекит заметил, что Еасир поднимается по лестнице, и жестом подозвал его. Рядом с князем Нагарита стоял Эолоран, его сын Эотлир и внук Алит. Все они были в серебряных доспехах и черных плащах и держали в руках луки с высеченными магическими символами. Лица троих хранили мрачное выражение. Малекит представил своим спутникам Еасира и одобрительно хлопнул капитана по плечу.

— Спасибо, ваше высочество, но мне кажется, что это в большей степени ваша заслуга. — Еасир перевел взгляд на наследников дома Анар. — И без этих доблестных воинов я бы все еще топтался под стенами или лежал на земле со стрелой в горле.

— Их я уже поблагодарил, — ответил Малекит. — Лучше не осыпать их чрезмерными почестями, а то кто знает, что за мысли придут им в голову.

— Как они здесь оказались?

— Много дней назад Малекит отправил нам послание, — сказал Эолоран. — Когда он сообщил нам о намерении напасть на Анлек, мы сперва сочли его безумцем. Но когда он поделился некоторыми секретами, нам стало ясно, что это все не прихоть. Мы счастливы принять участие в освобождении Нагарита от темного правления. Десять дней назад мы вошли в город под видом сальтитов, каинитов и прочих гнусных поклонников Китарай и ждали атаки вашего войска. Мы не могли открыть ворота раньше, ведь площадь наполняли каиниты. Но как только они вышли из города, мы захватили ворота.

— Я премного вам благодарен, князь, — глубоко поклонился Еасир. Затем нахмурился и повернулся к Малекиту. — Должен признать, меня терзает обида, что вы не сочли меня достойным доверия, чтобы посвятить в этот план.

— Я доверяю тебе больше, чем своей правой руке, Еасир, — ровно ответил Малекит. — Но я не рассказал тебе о моих намерениях, чтобы это не повлияло на твои действия в бою. Если бы ты знал о помощи дома Анар, ты бы держался позади, пока они не откроют нам ворота. Я считал необходимым, чтобы внимание защитников крепости было приковано к тому, что происходит снаружи, а не внутри нее.

Затем Малекит повернулся к Эолорану.

— Прошу прощения, но моя мать ждет меня, — совершенно серьезно произнес князь Нагарита.

На площади все еще шла яростная битва, и рыцари Анлека не упустили своей доли славы. Их копья без усталости поражали еретиков и чудовищ.

Анлек строился как крепость, и ни одна из улиц не вела прямо к дворцу. Армия Малекита осторожно продвигалась по извилистым улицам, а с крыш и из окон их обстреливали лучники. В любом переулке или подземном укрытии могла таиться засада; враг мог ударить из-за любого угла.

Впрочем, защитники больше всего сил отдали обороне стен в уверенности, что враг не проникнет в город. Так что уцелевшие защитники были разобщены, и их нападения без труда отражали.

В какой-то момент продвижение замедлилось: с неба спустилась жуткого вида мантикора. В ее седоке Малекит признал старого знакомого, князя Кераниона.

Керанион был облачен в доспех из итильмара с защитными рунами и заклинаниями, выкованный в храме Ваула. Никакое оружие смертных не могло поразить того, кто надевал этот доспех. Огромное львиное тело мантикоры украшали крылья как у летучей мыши; они накрыли улицу тенью, когда предатель направил зверя вниз, на войско нагаритян.

Рыцари в голове отряда растерялись, когда на них спланировал летучий монстр, разрывая зубами и когтями доспехи и опрокидывая лошадей.

В руках князь держал пику Архалуин, Тень смерти, которую Каледор выковал для Аэнариона до того, как тот взял в руки меч Каина. Малекита от ярости бросило в дрожь. Он послал коня в галоп так, что подковы высекали искры из мостовой.

Капитан Морати поднял мантикору в воздух и сделал круг над крышами, чтобы миг спустя снова послать зверя в атаку, на этот раз на иврессийских копейщиков, чуть дальше по улице.

Из дверных проемов и окон в наступавших летели стрелы. Еретики в красных мантиях затаскивали воинов в люки и потайные двери так быстро, что товарищи не успевали ничего сделать. Малекит криками гнал свою армию вперед. Нагаритский князь знал, что впереди лежит большая площадь, где войско станет особо уязвимым, но другого выхода не было. Вскоре становящиеся все более широкими улицы вывели их на треугольную площадь, которую со всех сторон обрамляли высокие стены, буквально усыпанные бойницами. Тут же на армию Малекита пролился дождь стрел, и Малекит вновь призвал энергию для заклинания.

Тут, в центре Анлека, скопилось много темной магии; ее привлекали смерть и страдания жертв еретиков. С помощью обруча Малекит вошел в ее поток и попытался подчинить своей воли. Он попробовал создать магический щит вокруг войска, но темная энергия вырывалась, изворачиваясь, из его хватки.

С рычанием Малекит выплеснул отчаяние и злость, и от него во все стороны разлетелось магическое облако черных дротиков. Они вертелись в воздухе, выискивая бойницы и амбразуры. Оттуда раздавались крики и стоны — это дротики нашли свои цели, а из бойниц хлынула кровь.

Керанион снова опускался с поднятым для удара копьем. Малекит метнул в мантикору молнию, но Керанион отразил ее серебряным щитом.

Керанион и сам обладал магическим даром. Вот его окружил темный нимб и распался на стаю ворон, которые опустились на воинов Малекита, выклеывая им глаза и ранив в незащищенные доспехами места. Взмахом руки Малекит развеял заклинание, и вороны исчезли в сплосхе горящих перьев.

Кенарион, увлекшись магической дуэлью с Малекитом, не заметил появившуюся в облаках точку. Сперва это была лишь точка, но она быстро разрасталась в размерах, пока не превратилась в сидящего на грифоне Батинаира. На крик грифона Керанион обернулся, но было уже поздно. В руках Батинаира Награйн рассыпал ледяные осколки, а его кристальный наконечник впился в плечо мантикоры, где из львиного тела выросло крыло. С оглушительным воплем мантикора извернулась и забила когтями по груди Красного Когтя. Оба зверя с рычанием и ревом терзали друг друга.

Батинаир увернулся от удара копья Кераниона, а их сцепившиеся летучие животные неумолимо планировали на землю. Снова сверкнул Награйн, Кенарион отбил удар щитом, а

его магическое копьё пронзило горло Красного Когтя. В предсмертных судорогах грифон вцепился клювом в переднюю лапу мантикоры, и оба зверя и их наездники врезались в крышу, а затем рухнули на землю.

Мантикора хлестнула шипастым хвостом по груди Батинаира и выбила его с сиденья на спине грифона. Керанион отбросил Архалуин и вытащил меч с клинком из пламени. Князь неумолимо надвигался на распростертого Батинаира. Мантикора кое-как поднялась и заковыляла за хозяином, волоча по земле раненое крыло.

Малекит вытащил из ножен Авануир и пришпорил коня, не спуская глаз с Кераниона.

Его накрыла еще одна тень — это Мернеир пролетел над площадью на своем пегасе с сияющим золотым светом посохом в руке. С выкриком маг выпустил шар голубого пламени, тот пролетел через площадь и взорвался за спиной Кераниона. Князя подбросило в воздух, а мантикору отшвырнуло в сторону. На сверкающем золотыми подковами пегасе маг спустился к мантикоре и, пока Керанион приходил в себя от удара, мечом отрубил хвост с ядовитым шипом.

Батинаир тем временем тоже встал на ноги, стискивая в обеих руках Награйн. С перекошенным от злости лицом он взмахнул копьём — и из наконечника вылетел рой ледяных осколков. Они ударили в скрытую доспехом грудь Кераниона и снова свалили князя с ног. Огненный меч выпал у него из рук.

Лежа на земле, Керанион вскинул руку — и в грудь Батинаира ударил магический разряд, который отбросил его на десяток футов. Князь врезался в стену и, тяжело дыша, упал на одно колено, а Керанион, стоя на четвереньках, спешил подобрать меч.

Но стоило его пальцам сомкнуться на рукояти заколдованного оружия, как подоспел Малекит. Он пригнулся в седле, и одним взмахом Авануир рассек доспех предателя. Малекит на скаку спрыгнул с лошади и ловко приземлился рядом с поверженным врагом. Керанион встретил его взгляд и увидел в глазах нагаритского князя свою смерть.

— Пощади! — взмолился он, с трудом перекатываясь на спину и отбрасывая меч. — Я ранен и не представляю опасности!

Малекит видел, что он говорит правду: ноги князя волочились по земле, когда тот попытался отползти в сторону.

— Так, может, положить конец твоим страданиям? — спросил Малекит.

Он сделал шаг вперед и поднял Авануир.

— Нет! — закричал Керанион. — Хороший лекарь еще может исцелить мои раны.

— Но зачем мне оставлять тебя в живых? Чтобы ты снова мог укусить меня, как прирученная змея?

Керанион всхлипывал от боли и страха и вытянул перед собой руку, будто собирался остановить последний удар.

— Я отрекаюсь от Морати! — выкрикнул он. Его голос эхом разнесся по площади. — Я снова приношу клятву верности Малекиту!

— Ты изменник, и у тебя даже не хватает смелости оставаться на своем предательском пути, — прорычал Малекит. — Предательство я еще могу простить, но трусость — никогда!

Князь занес Авануир, и Керанион вскрикнул, но кончик меча остановился в миллиметре от его горла.

— И все же я поклялся проявлять милосердие. — Малекит убрал меч. — Хотя ты совершил много мерзостей, но я должен держать слово и миловать тех, кто раскаивается.

С болезненным стоном Керанион подполз к Малекиту, обнял его ноги и всхлипывал от

благодарности. Малекит с омерзением оттолкнул его прочь.

— Ты жалок. — С этими словами князь отвернулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Явление судьбы

Чем ближе Малекит и его войско подходили к дворцу, тем более жутким выглядел город. Многие здания превратили в темные храмы, их ступени потемнели от крови, а стены украшали внутренности и кости жертв. Везде горели сотни жаровен, и по улицам тянулся ядовитый дым. В воздухе стоял запах смерти, а тишину нарушало только потрескивание огня и шаги солдат. Наконец они вышли к дворцу Аэнариона. Он выглядел заброшенным, с открытыми нараспашку широкими дверями. На ведущей к ним лестнице валялись гниющие тела и разбитые скелеты.

Малекит остановился у первой ступени и осмотрел дверь в поисках засады. Светильники излучали кровавый свет, и рядом не было ни единой живой души.

Князь медленно поднялся по лестнице, сжимая в руке Авануир. Его рыцари спешили и следовали за ним. Малекит остановился у порога и снова осмотрелся. Никакой угрозы он не ощутил, поэтому шагнул наконец в дверной проем.

Внутри все оставалось таким, как и тысячу лет назад. От дверей начинался длинный зал с колоннами, похожий на вход в цитадель Эалита. Тут не было никаких следов убийства и насилия. Пол украшала мозаика, где на фоне затянутого штормовыми тучами неба изображался золотой меч, — Малекит помнил ее с детства.

Он помнил, как ползал по этому полу и поглаживал золотистые плитки, а отец объяснял ему смысл картины. Та изображала видение, которое посетило Аэнариона и подвигло его возглавить войну против демонов. Хотя отец тогда и не знал этого, но его за тысячу лиг позвал проснувшийся от долгого-долгого сна меч Каина, а разбудил его гнев Аэнариона.

Звук захлопнувшихся за спиной дверей отвлек князя от мыслей, и он развернулся в ожидании нападения. Снаружи доносились стук и удары — это солдаты пытались открыть дверь, но Малекит знал, что их попытки тщетны: дверь защищала древняя магия, наложенная еще во времена Каледора.

— Иди ко мне, — эхом прозвучал по пустому залу голос, и Малекит узнал голос матери.

Все мысли о детстве разом вылетели из головы. Князь настороженно заглядывал на ходу в арки и боковые галереи, выискивая затаившихся убийц, но никого не видел. Он миновал огромный арочный проем и оказался в проходном зале, откуда направо и налево поднимались две винтовые лестницы.

Левая вела к спальням, караульням и прочим хозяйственным помещениям, а правая вела в тронный зал Аэнариона. Без промедления Малекит повернул направо и медленно поднялся по мраморным ступеням. Темно-синий ковер полностью глушил его шаги, и князь начал различать некие едва слышные звуки: плач, низкие, на одной ноте, всхлипывания. Малекит остановился и прислушался, но звук тут же прекратился. Малекит сделал шаг и услышал отдаленный вскрик и мольбы о пощаде. Когда он снова остановился, звуки тоже смолкли.

— Пощади нас! — произнес голос за спиной, и Малекит развернулся с занесенным мечом, но позади никого не было.

— Смилуйся! — взмолился шепот у правого уха.

— Только не меч!

— Освободи нас!

— Подари нам покой!

— Правосудия!

— Яви нам жалость!

Малекит поворачивался направо и налево, но не видел на лестнице никого.

— Исчезните! — прорычал князь и поднял Авануир.

В мерцающем свете клинка он наконец увидел движение: призрачные фигуры едва отражали голубое сияние пламени меча. Он мог разглядеть только отблески духов и видел мелькание безголовых тел, детей с вырванными сердцами, искалеченных женщин и прочие жертвы жутких пыток. Они тянулись к нему сломанными руками, с которых свисали ключья кожи. Некоторые лишились глаз, у других рты были зашиты грубыми нитками, у кого-то из щек торчали острые шипы.

— Убирайтесь! — выкрикнул Малекит, развернулся и помчался вверх по ступеням, оглядываясь через плечо.

Кружащиеся призраки преследовали князя, он размахивал Авануиром — и прозрачные фигуры расступались перед светящимся лезвием.

Тяжело дыша, князь добрался до верхней площадки и высоких двустворчатых дверей, что вели в тронный зал. Двери беззвучно отворились перед ним, и Малекита омыл золотистый свет.

В дальнем конце зала сидела Морати в одежде из прозрачной золотистой ткани, которая почти ничего не скрывала. На коленях у нее лежал посох из кости и железа, пальцы королевы играли черепом на его конце. Морати сидела в простом деревянном кресле рядом с величественным тронном Аэнариона. Тот в свое время высекли из цельного куска черного гранита в виде вздымающегося на дыбы дракона; трон Бел Шанаара являлся лишь весьма скромным его подобием. В клыкастой пасти дракона играло магическое пламя, им же горели и его глаза.

Взгляд Малекита поневоле задержался на троне — это было его самое сильное воспоминание об Анлеке: отец, в полных военных регалиях, сидящий на троне в окружении своих знаменитых полководцев.

Воспоминание оказалось настолько живым, что Малекит услышал, как разносится по тронному залу мягкий, но сильный голос отца. Маленький князь сидел на коленях матери рядом с Королем-Фениксом, и Аэнарион иногда замолкал и бросал на него взгляд. Много лет Малекит смотрел в эти сильные темные глаза и видел огонь, что горел за отраженным в них спокойным достоинством. Князь думал, что лишь ему одному ведомо, что за зловещий дух скрывается в теле благородного правителя.

Душа разрушителя, хозяина Убийцы богов.

И меч! На коленях Короля-Феникса лежал Сеятель вдов, Кусающий души, меч Каина. Даже в детстве Малекит замечал, что только они с отцом смотрели на кроваво-красный клинок, а все прочие эльфы старательно отводили глаза. Он всегда считал, что это их общий с отцом секрет.

— И тем не менее ты не взял клинок, когда его тебе предложили, — произнесла Морати.

Ее голос заставил князя вернуться в настоящее. Он встряхнул головой, чтобы освободиться от мастерски сплетенного заклинания. Колдовство матери сделало его воспоминания слишком реальными.

— Не взял, — медленно ответил Малекит.

Он понял, что Морати прочла его мысли и узнала о случившемся на Оскверненном

острове: ведь он никому об этом не рассказывал.

— Это хорошо.

Несмотря на едва прикрытую наготу, Морати сидела в величественной позе и излучала подлинное королевское величие. Сейчас она не походила ни на варварскую жрицу, которая живьем вырывает сердца у своих жертв, ни на соблазнительную провидицу, в каждом слове которой таятся ложь и желание манипулировать собеседником. Сейчас перед ним сидела королева Нагарита, полная спокойного достоинства.

— Меч управлял твоим отцом, — тихим, ободряющим тоном продолжила она. — После его смерти меч ждал, пока ты начнешь его искать. Я волновалась, что ты тоже попадешь под его власть, но теперь горжусь тем, что ты сумел воспротивиться кровожадному зову. Никто не сможет стать его повелителем, а если ты собираешься править, тебе должно подчиняться абсолютно все.

— Я предпочту гибель нашего мира от руки демонов, но не выпущу снова в него это гнусное оружие. — Малекит убрал Авануир в ножны. — Как ты говорила: если обнажить меч Каина хоть единожды, он станет поглощать своего хозяина до тех пор, пока не останется только одно кровопролитие. Никто не сможет стать с его помощью королем, только рабом.

— Присядь, — Морати указала на величественный трон.

— Мне там пока не место.

— Да? — удивленно спросила она. — Почему же?

— Если я буду править Нагаритом, то буду править один. Без тебя. Когда ты умрешь, армия Нагарита снова вернется под мое командование. Я искореню культ наслаждений и затем займу трон Феникса.

Морати немного помолчала, разглядывая сына древними, много повидавшими глазами. Наконец на ее губах заиграла усмешка.

— Так ты собираешься убить меня? — прошептала она с деланным ужасом.

— Ты всегда будешь моим соперником, потому что не способна служить никому, кроме самой себя. — Игра матери не на шутку разозлила Малекита. — Я не стану делить с тобой Ултуан, потому что ты сама никогда не поделишь его со мной. Даже отец не был твоим господином. Я мог бы отправить тебя в изгнание, но ты опять поднимешь восстание в каком-нибудь всеми забытом краю и станешь оспаривать все, за что я боролся.

— Ты не можешь поделиться властью? — спросила Морати. — Или не хочешь?

Малекит замолчал и некоторое время обдумывал ответ.

— Не хочу, — решительно произнес он.

— И к чему же ты стремишься, сын? — Морати жадно подалась вперед.

— Унаследовать дело отца и стать Королем-Фениксом. — Малекит чувствовал, что это его истинные желания.

Никогда раньше он не признавался в этом столь открыто, даже самому себе. Слава, честь, возрождение — все это ступеньки на пути к трону Феникса. Обруч показал ему истинную природу тех сил, что правят миром, и он не позволит Ултуану увязнуть в их паутине.

— Да, Хаос силен, — подтвердила мать.

— Не лезь в мои мысли, — прорычал Малекит и положил руку на рукоять Авануира.

— Мне не нужна магия, чтобы знать, что у тебя на уме. — Морати пристально смотрела на сына. — Между матерью и сыном существует связь, для которой не требуется волшебство.

— Ты принимаешь свою судьбу? — спросил Малекит.

Он не обратил внимания на ее напоминание о родстве.

— Зачем ты задаешь бессмысленные вопросы? — ответила Морати, и сейчас ее голос звучал строго, даже резко. — Разве не я всегда говорила тебе, что ты должен стать королем? Но ты не сможешь стать королем, если не являешься повелителем своего княжества, а я не отдам его добровольно. Докажи, что ты достоин править Нагаритом. Докажи другим князьям, что ты сильнее их.

По ее безмолвной команде из теней выступило четыре фигуры — две справа от Малекита и две слева. Судя по одежде, волшебники — две женщины и двое мужчин в черных робах и с темными татуировками на коже.

С пальцев Малекита сорвалась магическая молния. Морати тут же закуталась в полупрозрачную сферу, которая с пульсацией поглотила разряд. Адепты королевы атаковали своими заклинаниями: на князя неслись огненные разряды в виде завывающих волчьих голов, и ему пришлось поднять темный щит, чтобы отразить их.

Колдуны приближались к нему в дожде огненных шаров и вспышек темной магии. Малекит защищался, под каскадом заклинаний ему приходилось вытягивать все больше клубящейся в тронном зале энергии.

Морати с довольным видом сидела в своем кресле и с интересом наблюдала, как Малекит отбивает заклятия ее последователей. Кипящая магия порывами носилась по залу, ее насыщенность все возрастала, а Малекит и его противники тянулись все дальше и дальше и уже поглощали энергию города снаружи.

— Довольно! — рявкнул князь и выпустил впитанную магию.

Она вырвалась чистым потоком, без какой-либо формы.

Поток вспыхнул и разделился, охватив каждого из колдунов. Он наполнил их мистической энергией до такой степени, что они уже не могли ею управлять. Первой начала дрожать рыжая ведьма: внезапно ее скрутила настолько сильная судорога, что Малекит услышал, как хрустнул ее позвоночник. Вторая колдунья закричала и забилась в агонии: ее кровь превратилась в огонь и вырвалась из вен, охватив эльфийку пламенным коконом. Третий взлетел в воздух как от удара — из ушей, носа и глаз у него текла кровь, — тряпичной куклой он ударился в стену и мешком рухнул вниз. Последнего окутала мощная энергия: и он складывался мятым комком бумаги, пока не осыпался пеплом.

— Твои последователи слабы, — Малекит развернулся к матери.

Провидица оставалась спокойной.

— Всегда можно найти новых слуг, — пренебрежительно махнула она рукой в драгоценных кольцах. — Эта игрушка на твоей голове дает немалую силу, но тебе не хватает тонкости и контроля.

Быстрее, чем следовал взгляд, Морати выкинула вперед руку — и ее посох нацелился в грудь князя. Малекит упал на колени — сердце заколотилось, начало наливаться болью. Он чувствовал идущие от посоха Морати тонкие, почти невидимые щупальца магии.

Малекит прошептал ответное заклинание, перерубил ладонью призрачные нити и заставил себя встать на ноги.

— Ты никогда не учила меня такому, — насмешливо укорил он мать. — Нехорошо иметь секреты от сына.

— Тебя не было здесь, чтобы учиться. — Морати грустно покачала головой. — Я многое узнала за последнюю тысячу лет. Если ты отбросишь свою глупую зависть, я смогу снова приняться за твое обучение.

В ответ Малекит собрал свивающуюся вокруг магию и направил ее в королеву. Заклинание материализовалось в виде чудовищной змеи. Посох Морати поймал ее в воздухе и отсек голову появившимся из набалдашника блестящим лезвием.

— Грубо. — Королева покачала пальцем. — Ты мог бы поразить подобными выходками дикарей Элтин Арвана и незнакомых с волшебством гномов, но на меня не так легко произвести впечатление.

Провидица встала, подняла обеими руками над головой посох и принялась быстро и напевно начитывать заклинание. В воздухе вокруг нее начали появляться кристальные клинки. Их становилось все больше, пока Морати полностью не скрылась за вихрем ледяных лезвий. С презрительным смехом Малекит собрал силу, чтобы отбросить их.

Тем не менее его заклинание не сработало. Магия Морати не поддавалась ему. Через мгновение ураган клинков полетел в него — и князю пришлось отскочить, чтобы они не изрубили его в клочья.

— Медленно и предсказуемо, дитя мое. — Морати сделала шаг вперед.

Малекит промолчал, но хлестнул ее огненным кнутом энергии. Двойной хвост кнута пролетел по залу и свернулся вокруг посоха провидицы. Резким движением руки князь выдернул посох из рук матери, и тот заскользил по гладким плиткам пола. Еще одним быстрым взмахом Малекит швырнул посох в стену, где тот рассыпался на осколки.

— Мне кажется, ты старовата для таких игрушек, — произнес Малекит, вытаскивая Авануир.

— Да, — прорычала Морати. Сейчас ее лицо искажала настоящая злоба.

Что-то невидимое пролетело по воздуху и врезалось в ноги Малекита. Он почувствовал, как раскололись коленные чашечки, и с воплем боли рухнул на пол. Князь выпустил из рук Авануир и схватился за переломанные ноги, извиваясь и крича.

— Прекрати издавать такие звуки, — раздраженно отрезала Морати.

Она сжала руку в кулак и произнесла заклинание, от которого горло Малекита перехватило и он начал задыхаться. В голове взорвалась боль, князь взмахивал руками и никак не мог собраться с мыслями, чтобы отразить заклинание.

— Сконцентрируйся, мой мальчик, давай, — выплюнула Морати. Она шагнула вперед, выставив перед собой сжатый кулак и поворачивая его налево и направо, а Малекит дергался в ее невидимой хватке. — Ты думаешь, что сумеешь править без меня? Я бы не удивилась такой неблагодарности от Бел Шанаара. Но от собственного сына...

Упоминание Короля-Феникса подействовало на Малекита как удар молнии, и он выбросил перед собой поток пламени. Огненная стена охватила королеву, и хотя та осталась невредимой, ей пришлось отпустить заклинание, чтобы защитить себя. Малекит с кашлем и судорожными вздохами перекатился на бок.

Его тут же перевернуло на спину, а грудь придавило чем-то тяжелым. По телу разлилась слабость, и князю пришлось бороться с ней, чтобы не потерять сознание. Перед глазами танцевали черные точки и яркие сполохи, и сквозь них он разглядел это бестелесное создание. На его груди скорчился рогатый демон с широкой клыкастой пастью и тремя глазами. Князь постарался отрешиться от боли и сосредоточиться, но тело его не слушалось.

Морати равнодушно смотрела на него. Затем протянула руку и сняла с его головы венец. Некоторое время королева изучала каждую царапину и вмятину на серой поверхности. Она поводила пальцами над обручем, но ни разу не коснулась его. Потом она присела рядом с Малекитом и положила венец на пол, подальше от него. Без обруча он чувствовал себя

беспомощным. Но князь поборол приступ паники.

— Если ты не знаешь, как правильно его использовать, лучше ему находиться в других руках, — нежно сказала провидица. Она погладила Малекита по щеке, а затем положила руку ему на лоб, как больному ребенку. — Тебе всего лишь стоило спросить меня — и я бы помогла тебе узнать его истинную силу. Без нее твоя магия слаба и груба. Надо было внимательнее слушать, чему учит тебя мать.

— Возможно, — ответил князь. С воплем боли он вскинул затянутый в кольчужную перчатку кулак и ударил Морати по лицу, от чего она отлетела на спину. — Я учился у отца!

Морати потеряла концентрацию — и заклинание испарилось. Невидимый вес исчез с груди Малекита. С немалым усилием он напил сломанные ноги магией, на ходу сращивая кости и мышцы.

Снова в полном здравии, князь встал над матерью. От взмаха его кисти Авануир прыгнул ему в руку, и кончик меча нацелился в лицо Морати.

С каменным лицом Малекит взмахнул мечом и начал опускать, чтобы перерубить шею королевы.

— Стой! — выкрикнула она, и рука князя замерла в воздухе.

Лезвие остановилось на расстоянии ладони от шеи.

Его остановило не заклинание, а тон ее голоса. В нем не было отчаяния или страха, но, скорее, злость и раздражение. Князь помнил этот голос с детства: он часто слышал его, когда делал что-то неправильно.

— Что? — спросил он и удивился собственной реакции.

— Подумай, как сделать лучше, — медленно произнесла Морати. — Как повернуть ситуацию себе на пользу.

— Что ты имеешь в виду? — Малекит подозрительно сощурился.

Он опустил Авануир, но держал меч наготове.

— Ты считаешь, что моя смерть принесет тебе трон Нагарита? — Морати лежала неподвижно, как статуя, и не отрывала взгляда от глаз сына. — Ты считаешь, что моя смерть сделает тебя правителем Ултуана?

— Она не повредит моему делу, — пожал плечами князь.

— Но и не поможет ему. Если ты убьешь меня здесь, вдали от всех, никто не узнает правды о твоей победе. «Малекит убил свою мать», — напишут в хрониках. Ты этого хочешь?

— А если я оставлю тебе жизнь? — настороженно спросил Малекит.

— Я обращу последователей культа на твою сторону. А сам ты не сможешь контролировать их.

— Если я оставлю тебе жизнь, ты снова начнешь использовать культ наслаждений против меня. Ты будешь подрывать мою власть. Не думай, что меня так легко обмануть. Лучше тебе умереть здесь, даже если потом мне придется все начинать заново.

— Есть и другой способ, Малекит. Чтобы добиться лояльности культов, ты можешь взять меня заложницей. Разве заключение королевы-провидицы Нагарита в темницу не станет лучшим доказательством твоей силы? А еще лучше отвезти меня пленницей Бел Шанаару. Это поможет тебе снискать уважение при дворе Короля-Феникса и в других княжествах. Разве не лучше прославиться как широкий душой победитель, чем как безжалостный убийца? Как ты думаешь, кого они с большей радостью выберут преемником Бел Шанаара? Один раз они уже побоялись твоего восшествия и назвали тебя кровавым

убийцей, который недостойн править. Разве кровь матери заставит их переменить мнение в твою пользу?

— Меня не заботит мнение других князей! — Малекит снова поднял Авануир.

— Тогда ты глупец! — выплюнула Морати. — Если ты собираешься забрать корону Ултуана силой, то отправляйся на Оскверненный остров и возьми меч, который носил твой отец, потому что он поможет тебе лучше всего остального. Если ты хочешь заявить права на законное наследие и править в славе, то надо заручиться поддержкой других князей. Они уже смотрят на тебя снизу вверх; многие бы хотели видеть тебя на месте Бел Шанаара. Очаруй их! Покажи им качества, достойные короля!

Малекит опустил меч во второй раз. Он заглянул глубоко в глаза матери в поисках лжи, но она говорила искренне.

— Ты опозоришься перед всем Ултуаном, — произнес Малекит. — И даже положение и статус не помогут тебе.

— Меня это заботит даже меньше, чем тебя, — ответила Морати. — Я верю в тебя, и у меня достаточно терпения. Когда ты станешь Королем-Фениксом, я верну себе прежнее положение. Мне уже приходилось склоняться перед жрецами и богами, чтобы получить то, что я сейчас имею. Мне не составит труда какое-то время изображать из себя пленницу Бел Шанаара.

Малекит убрал Авануир в ножны и поднял мать на ноги. Затем положил руку ей на плечо и притянул к себе.

— Я пощажу тебя, — прошептал он ей на ухо. — Но если ты причинишь вред моему делу или попытаешься меня обмануть, я убью тебя не задумываясь.

Морати крепко обняла сына и приблизила губы к его уху.

— Ты уже доказал это, — выдохнула она. — Вот почему я так горжусь тобой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Колеса власти поворачиваются

Весть о победе Малекита мгновенно разнеслась по Ултуану. Когда Анлек оказался под его контролем, князь отправился в Галтир, чтобы снять с города осаду. Командиры нагаритян сдались на милость Малекита и принесли ему новые клятвы верности. По тайному приказу Морати многие еретики бежали в дикие земли, а их предводители скрылись среди простых жителей Нагарита. Князь Малекит разослал послания другим правителям Ултуана о том, что ему удалось установить порядок, и по острову прокатилась волна праздничных пиров.

Малекит повез Морати к Королю-Фениксу; их сопровождали три саферийских мага: Тириол, Мернеир и Эльтренет. В их задачу входило пресечь все попытки колдовства королевы.

Через много дней после выхода из Анлека они приблизились к цитадели Короля-Феникса, огромному дворцу с сотней залов и пятьюдесятью спиральными башнями. Закутанные в черные плащи всадники проехали под аркой ворот, и там их встретил Палтрейн. Слов не требовалось, поскольку все было подготовлено заранее. Дворецкий проводил их по длинным коридорам и галереям в тронный зал Бел Шанаара.

Пол устилала золотые плиты, а на стенах висело шесть сотен гобеленов с вытканными пейзажами различных ландшафтов империи эльфов. Волшебные, выкованные гномами фонари заливали зал радужным светом. Малекит откинул капюшон и вместе со спутниками прошел к сидящему в задумчивости Бел Шанаару. Рядом с королем стояли Имрик, а также Батинаир, Элодир, Финудел и Карилл.

— Мой король и князья, — начал Малекит, — сегодня знаменательный день. Как и обещал, я привел вам ведьму-королеву, мою мать.

Морати сбросила плащ и встала перед судьями. Она была в свободном голубом платье, заплела в волосы сияющие сапфиры и подкрасила веки лазурными тенями. До кончиков пальцев она выглядела королевой, свергнутой, но не сломленной.

— Ты обвиняешься в разжигании войны против Короля-Феникса и других князей Ултуана, — произнес Бел Шанаар.

— Это не я переходила через границы Нагарита, — спокойно ответила Морати и по очереди встретилась глазами с каждым из князей. — И вовсе не нагаритяне искали битвы с другими княжествами.

— Ты хочешь представить себя жертвой? — засмеялся Финудел.

— Ни один из правителей Нагарита никогда не станет жертвой.

— Ты не отрицаешь, что культ наслаждений, распространившийся столь широко, подчиняется тебе? — спросил Бел Шанаар.

— Последователи культа хранят верность Китарай. Если ты собираешься казнить меня за существование культа, то накажи и себя самого за присвоение мантии избранника Азуриана.

— А разве ты не устраивала заговора против моего отца? — произнес Элодир.

— Выше всех других я почитаю должность Короля-Феникса. — Взгляд Морати не отрывался от Бел Шанаара. — Я высказала свое мнение на Первом совете, но остальные предпочли не обратить внимания на мою мудрость. Я храню верность Ултуану,

процветанию и силе его жителей. И я не меняю своих мнений из-за чьей-то прихоти.

— Да она просто змея! — прорычал Имрик. — Ее нельзя оставлять в живых!

Морати засмеялась, и горький смех разнесся по залу угрожающим эхом.

— Кто желает войти в историю как убийца королевы Аэнариона? — спросила провидица. — Кто из собравшихся здесь князей готов на такой подвиг?

— Я готов, — ответил Имрик, и его рука потянулась к серебряной рукояти меча.

— Я не позволю убивать ее. — Малекит заслонил собой мать.

— Ты поклялся мне, что готов к этому, — сказал Бел Шанаар. — А сейчас отрекаешься от своих слов?

— Я также поклялся, что проявлю милосердие к каждому, кто о нем попросит. Нет нужды убивать мою мать. Ее кровь прольется, только чтобы утолить жажду мести каледорцев.

— Это правосудие, а не месть, — ответил Имрик. — Кровь за кровь!

— Если оставить ее в живых, она будет представлять большую опасность, — вставил Финудел. — Ей нельзя доверять.

— Я не могу принимать решение в этом деле, — обратился к князьям Малекит. Затем он обернулся к Королю-Фениксу. — Пусть решает Бел Шанаар. Воля Короля-Феникса сильнее клятвы князя. Но разве слово сына Аэнариона ничего не значит? Или в князьях Ултуана не осталось достаточно чести, чтобы проявить сочувствие и простить?

Бел Шанаар наградил его недовольным взглядом. Король понимал, что все происходящее сейчас в тронном зале станет известно народу Ултуана. Малекит не оставил ему выбора: какое бы решение он ни принял, оно повредит его репутации в глазах тех, кто выискивает слабости Короля-Феникса.

— Мы не можем отпустить Морати без наказания за ее проступки, — медленно произнес Бел Шанаар. — Некуда отправить ее в изгнание, потому что она отовсюду сумеет вернуться, еще более озлобленная, чем сейчас. Но поскольку она превращала в рабов других, то пусть и сама теперь лишится свободы. Она останется во дворце и будет содержаться под стражей. Никто не сможет навещать ее без моего разрешения.

Король-Феникс встал и уставился грозным взглядом на провидицу.

— Знай же, Морати, — сказал Бел Шанаар, — смертный приговор еще висит над тобой. Ты жива только благодаря моей милости. Если ты еще раз попытаешься повредить моему правлению, тебя казнят без суда и следствия. Твое слово больше ничего не значит. Принимай эти условия, или тебя ждет смерть.

Морати оглядела князей и увидела в их глазах лишь ненависть. Они походили на волков, что загнали в угол раненого льва: волки знали, что надо добить его, пока есть возможность, но боялись, что у льва еще остались силы постоять за себя.

— Твои требования справедливы, Бел Шанаар из Тиранока, — ровным голосом произнесла она. — Я согласна стать твоей пленницей.

Морати осталась пленницей, а Малекит вернулся в Анлек, чтобы очистить свои земли от еретиков. На первый взгляд в Нагарит вернулся порядок, хотя на самом деле сеть приверженцев Морати раскинулась по стране шире, чем прежде. Шли годы. Жители Ултуана вновь чувствовали себя в безопасности, но чувство это было ложным.

По одному, по двое еретики снова начали собираться, но на сей раз проявляя большую осторожность. Их предводители обменивались посланиями, и главы темных культов

возвращались в Анлек под новыми личинами. Они становились советниками при дворе Малекита и хранили верность князю.

Время от времени Малекит отправлялся в Тор Анрок для доклада к Бел Шанаару, и однажды князь даже признал свой провал в поимке тех, кто служил его матери.

При возможности он навещал мать, — как все думали, затем, чтобы проведать о ее здоровье и добиться от нее раскаяния. На двадцатом году заточения Морати Король-Феникс разрешил ему повидаться с провидицей наедине. Их отвели в великолепный сад в центре дворца. Высокие изгороди скрывали их от любопытных глаз, а плеск пяти десятков фонтанов заглушал слова, пока князь с матерью прохаживались по мягким зеленым лужайкам.

— И как тебе гостеприимство Бел Шанаара? — спросил Малекит.

Они шли рука об руку под рядами цветущих вишен.

— Я терплю, потому что мне все равно не остается ничего другого.

Морати подвела Малекита к скамье из светлого дерева, и они присели: рука матери лежала на колене сына, а сын обнимал мать за плечи. Некоторое время они сидели молча, обратив лица к ясному небу и наслаждаясь солнечным теплом. Первым нарушил молчание Малекит.

— В Анлеке все хорошо, — сказал он. — Мое милосердие стало легендарным. Схваченные другими князьями поклонники Китарай требуют, чтобы им предоставили такую же возможность для раскаяния, как и тебе. Они приходят в Анлек, и я выслушиваю их признания и извинения.

— Сколько их уже скрылось в твоей тени? — спросила Морати.

— Несколько тысяч, и все полностью мне преданы, — улыбнулся князь.

— Значит, ты готов выступить?

— Еще нет. — Улыбка Малекита испарилась. — Имрик по-прежнему чинит мне препятствия при дворе.

— Ты никогда не завоеешь доверия Имрика. Он не только завистлив, но еще и проницателен. Он догадывается о наших намерениях, но не в состоянии ничего доказать.

— Нагарит тоже еще не совсем объединился, — грустно покачал головой князь.

— Как так? — спросила Морати.

— Еще остались князья и дворяне, которые по-прежнему боятся моей власти. Их возглавляет Эолоран из дома Анара. Они хотят установить собственное правление у себя в горах.

— Тогда необходимо убить Эолорана, — отрезала провидица.

— Не могу. После твоего падения его влияние заметно возросло. Его уважает не только знать. Некоторые командиры моей армии тоже охотно его слушают. Его земли за морем приносят огромный доход. Он должен впасть в немилость у Бел Шанаара, прежде чем я смогу устранить его.

Морати задумчиво прищурилась и замолчала.

— Предоставь это мне, — наконец сказала она. — Когда придет пора действовать, я дам тебе знать.

— Не буду спрашивать, что ты задумала. И все же я не понимаю, как ты сумеешь что-то сделать отсюда, прямо под носом Бел Шанаара.

— Доверься матери. У меня остались кое-какие возможности.

Небо стало серым, и солнце затянуло облаком. В его тени мать и сын встали и в задумчивости направились обратно во дворец.

Как и предсказывала Морати, Имрик из Каледора с подозрением относился к Малекиту и неизменно отвергал его предложения о союзе и дружественных отношениях. Особого значения эти отказы не имели, но Малекит на всякий случай пустил слухи, что князь завидует его популярности. Он никогда не выступал открыто против Имрика и всегда охотно восхвалял его деяния и знатное происхождение. Малекит зашел даже так далеко, что заявил однажды: дескать, не будь судьба столь превратна, отец Имрика мог бы стать Королем-Фениксом вместо Бел Шанаара. Похвальное на первый взгляд заявление произвело желаемый эффект на князей, которые всегда втайне завидовали статусу Каледора. Вдобавок оно породило слух, будто Имрик считает себя обиженным, поскольку Первый совет не выбрал его отца.

Через тысячу шестьсот шестьдесят восемь лет после того, как Малекит впервые преклонил колено перед Бел Шанааром, князь почувствовал себя готовым заявить права на трон Короля-Феникса. Ему требовался лишь повод, чтобы побудить остальных князей к действию. Посредством серии тщательно спланированных провокаций Малекит вознамерился снова погрузить Ултуан в хаос, чтобы поймать золотую рыбку в мутной воде.

Все началось весьма невинно — с вести о том, что воины Малекита арестовали Эолорана Анарского, потому что появились неопровержимые доказательства того, что повелитель дома Анар связался с почитателями Атарты. По всему Нагариту и Ултуану еретики снова подняли головы, предположительно в ответ на заточение своего предводителя. Те, кто не поверил обвинениям, возмутились и тоже выступили против Малекита.

В Нагарите воцарилось смятение. Никто не знал, кто положил начало насилию, но между еретиками и верными дому Анар солдатами постоянно вспыхивали стычки. Остальные князья недоуменно смотрели, как Нагарит быстро катится к анархии, семьи раскалываются и брат поднимает руку на брата. Среди воцарившегося хаоса Малекит делал все, чтобы восстановить порядок, но даже его войско разделилось на борющиеся за власть фракции.

Начавшиеся в Нагарите беспорядки быстро распространились по всему Ултуану. Почитатели культа выходили из укрытий и нападали на князей. Дворцы горели, жителей городов убивали прямо на улицах. В результате Малекиту пришлось бежать из Анлека с несколькими тысячами верных солдат, и князь обратился к Бел Шанаару с просьбой об убежище.

Вот так и получилось, что осенью Малекит оказался в Тор Анроке и предстал перед Бел Шанааром. Они были в тронном зале наедине.

— Я исправлю свою ошибку, — заявил Малекит, стоя со склоненной головой перед Королем-Фениксом.

— Какую ошибку ты совершил? — спросил Бел Шанаар.

— Меня обуяло желание примириться с последователями запретных богов, и я позволил им снова расползтись по стране. Я наивно поверил, что дом Анара стал моим врагом. А сейчас Нагарит пылает ненавистью, и меня выгнали оттуда.

— И каких действий ты ждешь от меня? Я не могу управлять твоими подданными.

— Я хочу искоренить вражду и восстановить мир. — Малекит встретился глазами с

вопросительным взглядом Короля-Феникса.

— Мы все этого хотим, — произнес Бел Шанаар. — Тем не менее одного желания недостаточно. Я снова спрашиваю: каких действий ты ждешь от меня?

— Мы должны объединиться, — выпалил князь. — Культ расцвел, потому что все мы действовали поодиночке. Все князья должны заговорить единым голосом. Все княжества должны собраться воедино, чтобы победить зло.

— Каким образом? — нахмурился король.

— Принесенные много лет назад клятвы противостоять культу еще в силе. Князей Ултуана по-прежнему объединяет общая задача.

— И все же я не понимаю, чего ты у меня просишь.

— Мы должны сражаться одной армией, под командованием одного полководца. — Малекит прошелся вперед, обоими руками стиснул ладонь Бел Шанаара и опустил на колено. — Как во времена моего отца, войско Ултуана должно стать единым. Надо очистить все княжества поочередно и на сей раз не отпускать предателей безнаказанно.

— Я не могу командовать армией всего Ултуана, — медленно произнес Бел Шанаар. — Я пообещал тебе поддержку Тиранока и сдержу свое обещание. Но одно дело — просить несколько тысяч солдат для усмирения бунта еретиков. А объявлять общую мобилизацию, собирать целые армии, тем более накануне зимы, — это гораздо сложнее.

— У нас нет времени, — прорычал Малекит. — За зиму гражданская война поглотит весь остров. Я не могу сейчас объехать всех князей и просить их повторить клятву. Поэтому ты должен созвать правителей княжеств на совет и там решить этот вопрос.

— Вот это в моей власти, — согласился Бел Шанаар. — Но у некоторых князей путешествие в Тор Анрок займет немалое время.

— Тогда созови их в храм Азуриана на острове Пламени, — предложил, вставая, Малекит. — Тридцати дней хватит на сборы и дорогу всем, и мы встретимся в том месте, где боги назначили тебя преемником моего отца. Там мы посоветуемся с оракулами и с их помощью выберем наилучший план действий.

Бел Шанаар молча размышлял о предложении. По давней привычке он поглаживал подбородок, когда погружался в размышления.

— Так тому и быть, — кивнул он наконец. — Через тридцать дней мы будем держать совет князей в храме Азуриана и там решим этот вопрос.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Совет собран

Перед отъездом Каратриля в Лотерн с посланием князю Харадрину капитана позвали в приемную Короля-Феникса. Каратриль оказался наедине с Бел Шанааром.

— Подойди ко мне, Каратриль, — король жестом подозвал его поближе. — Ты уезжаешь в Эатан сегодня, правильно?

— Завтра утром, ваше величество. — Каратриль остановился в шаге от трона. — В Атреаль Аноре меня будет ожидать корабль, и я доберусь из Лотерна до острова Пламени меньше чем за день.

— Ты всегда бы предан мне... — Бел Шанаар помедлил, пальцем поманил капитана ближе и продолжал уже шепотом: — У меня есть для тебя задание. Как сказал князь Малекит, мы должны собрать наши силы. Но я не уверен, что возглавить их стоит именно ему. Хотя он выглядит полным рвения, нельзя считать, что он абсолютно свободен от влияния Морати.

— Он сражался с нею в Эалите, я видел это собственными глазами, — произнес Каратриль. — И по-моему, только если армией будет командовать законный хозяин Нагарита, нас никто не сможет назвать захватчиками.

— Боюсь, что Морати уже давно посеяла в Нагарите ядовитые семена. Нагаритяне всегда держались обособленно от других княжеств и отличались независимостью в делах и мыслях. Многие в Нагарите, и не только Морати, считают, что настоящий наследник Аэнариона — это Малекит, а я всего лишь узурпатор. Если я передам командование армией князю, этот поступок многие расценят как слабость. Меня назовут недееспособным правителем. Армией Ултуана должен командовать кто-то другой, причем от моего имени. Я заставлю Малекита согласиться с таким условием, прежде чем мы отправимся на остров Пламени.

— Понимаю, ваше величество, — ответил Каратриль. — Только мне по-прежнему не ясно, какое поручение вы хотите мне дать.

Король-Феникс достал из складок мантии свиток пергамента и передал капитану.

— Храни его при себе и не спускай с него глаз.

— Что это?

— Лучше тебе не знать, — ответил Бел Шанаар. — Передай этот свиток на совете князю Имрику.

— И это все, ваше величество? — Каратриль недоумевал, что же это за послание, если оно заслуживает такой таинственности.

— Никому его не показывай! — настаивал Бел Шанаар. Он нагнулся вперед и ухватил Каратриля за запястье. — Никто не должен знать, что свиток у тебя!

Король вздохнул и откинулся на троне.

— Я верю в тебя, Каратриль, — улыбнулся он.

Каратриль выехал еще до полудня; послание Короля-Феникса он поместил в кожаный футляр и спрятал под мантией, рядом с сердцем. С капитаном ехали князь Элодир и отряд тиранокских рыцарей — в их задачу входило убедиться, что совет готов к прибытию Короля-Феникса. С точки зрения Каратриля, путешествие протекало обыденно, ведь он проезжал

Орлиный перевал уже дюжину раз с тех пор, как стал герольдом Бел Шанаара. Шесть дней они ехали на восток, благополучно пересекли горы и на восточном склоне перевала, к югу от Тор Элира, встретились с князем Финуделом. Оставшиеся два дня пути до Атреаль Анора отряды проехали вместе, а там сели на ожидавшие их корабли. Каратрилю нужно было заехать в Лотерн для встречи с князем Харадрином, в то время как Финудел и Элодир отправились напрямиком на остров Пламени — готовить храм Азуриана к совету.

Оба корабля поплыли на юго-восток, затем пересекли вдоль берегов Каледора Внутреннее море. Взятый курс позволил им далеко обойти остров Мертвых, где в вечной мерзлоте ултуанского портала до сих пор пребывал Каледор Укротитель Драконов и его сподвижники. Чтобы не подходить близко к проклятому острову, корабли прошли пролив Каль Эдрас, между Анель Эдрасом и Анель Хабиром, самыми дальними островами отходящего от Каледора архипелага. Наконец, пройдя через врата Каль Эдраса, корабли разошлись.

Залив Шепотов кишел торговыми судами, курсировавшими между прибрежными поселениями Каледора и Сафери. Каратриль переговорил с капитанами некоторых из них и обнаружил, что они даже не подозревают о масштабах охватившей север Ултуана трагедии.

Слухи об изгнании Малекита дошли и сюда, но почти все были уверены, что князь сумеет вернуться в Нагарит.

Порт Лотерна, как обычно, бурлил. Многочисленные торговые суда возвращались из колоний или готовились отбыть туда с товарами из Ултуана. За тысячелетие правления Бел Шанаара Ултуан привык к относительному покою. Войны и кровопролития происходили только в колониях, и эльфы становились все более безмятежными. Теперь же Каратриль видел, что привычка к спокойствию стала благодатной почвой для кровожадного культа наслаждений.

Стража не встретила Каратриля у причала, поскольку его прибытие хранилось в строгой тайне, чтобы еретики Лотерна не проведали о плане Малекита и Бел Шанаара. Капитан ехал по городу, не обращая внимания на толпу. Его охватила такая тревога, такой страх перед будущим, что он даже не испытывал радости от возвращения домой. Погруженный в мрачные мысли капитан поднимался по извивающимся улочкам на холм, где находился дворец.

В отличие от Тор Анрока или Анлека, дворец князя Харадрина строился не как крепость. Он представлял собой комплекс строений, разбросанных в прекрасных садах на вершине Аннуи Лотейл, откуда открывался вид на город и залив.

Каратриль сразу направился к Зимнему флигелю, где проводил холодное время года князь. Часовые у ворот узнали его и без слов уступили дорогу.

Князь Харадрин принял его без промедления.

Каратриль подробно обрисовал положение в Нагарите.

— Бел Шанаар призывает князей Эатана вспомнить принесенные в тронном зале клятвы, — завершил свою речь герольд.

— И чего именно Бел Шанаар ожидает от Эатана? — спросил князь Харадрин.

— Морская гвардия и гвардия Лотерна должны подготовиться к войне, ваше высочество, — ответил Каратриль. — Король призывает князя Харадрина посетить совет на острове Пламени.

— Кто еще приедет на совет? — спросил Харадрин.

— Приглашены все князья Ултуана; они должны поклясться в верности делу Короля-

Феникса. — Каратриль невольно поклонился, будто извиняясь.

— Хотя сейчас ты служишь герольдом Бел Шанаара, родился ты в Лотерне. — Харадрин встал с трона и подошел к капитану. — Скажи честно, что задумал Бел Шанаар?

Письмо короля к Имрику прямо обожгло Каратрилю грудь, но он не опустил глаз перед князем.

— Он хочет избавить свой народ от проклятия культов, — ровным тоном произнес Каратриль. — Грядет война, ваше высочество.

Харадрин молча кивнул и повернулся к стоящим возле трона придворным.

— Этан выступит вместе с Тираноком, — провозгласил он. — Передайте морской гвардии, что им следует вернуться в Лотерн. Пусть патрулируют залив Шепота и докладывают мне о проходящих по Внутреннему морю кораблях. Пока мы не будем проводить мобилизацию, но подготовьте все для этого. Если нас ждет война, Этан не окажется в стороне.

Каратриль посвятил следующий день прогулке по городу. Он был спокоен от мысли, что свою часть дела выполнил. Скоро он поплывет с князем Харадрином на остров Пламени, доставит письмо Короля-Феникса Имрику и будет ждать прибытия Малекита и Бел Шанаара. Каратриль уже принял решение, что попросит короля освободить его от обязанностей герольда, чтобы вернуться в родной Лотерн. А если разразится война, Каратриль хотел бы сражаться в рядах армии Этана.

Каратриль, бродя по городу, попытался навести справки о Аэренисе, но никто не знал, что случилось с его другом. Знакомые называли ему совершенно разные места, где, по их мнению, находится лейтенант. Все сходились в том, что после возвращения из Тор Анрока его мало кто видел. Одни полагали, что он несет службу во дворце, другие считали, что его отправили в один из приграничных городов тренировать юных копейщиков. Некоторые же утверждали, что он оставил военную службу и уплыл за море.

Каратриля встревожило отсутствие известий о друге, но он все равно ничего не мог сделать, потому что пришло время отплывать на остров Пламени. Королевская свита приготовилась к отъезду за три дня до назначенного Бел Шанааром срока. Каратрилю досталось место на орлином корабле Харадрина, хотя официально он еще и не вернулся в гвардию Лотерна.

Корабль поднял паруса; с его борта Каратриль оглядывал Лотерн, будто видя его первый раз в жизни. Он рассматривал гигантские изваяния богов на берегу залива: охотник Курноус, мать Иши, кузнец Ваул и праотец Азуриан. Раньше он не обращал на них внимания, ведь он рос в их тени. Но теперь капитан смотрел на их строгие лица и задумывался, какую роль они сыграют в надвигающихся событиях. Еще он гадал, стоят ли где-то в городе спрятанные ото всех глаз изображения темных богов: Нету, Анат Раемы, Хиркита, Элинила и прочих.

Огромные золотые, отделанные рубинами врата Внутреннего моря стояли открытыми, и в них понеслись юркие ястребиные корабли, чтобы очистить фарватер от рыбачьих лодок и купеческих судов. Когда эскадра вышла из ворот Лотерна, капитаны дали полный ход и орлиный флагман заплясал на волнах. Над головой ярко сверкало солнце, блестели голубые воды, и какое-то время Каратриль просто стоял у борта и наслаждался красотой Ултуана. Он с радостью позволил всем горестям и тревогам раствориться в переливах воды и солнца.

Ночью они убрали часть парусов, и в середине следующего утра на горизонте уже показался остров Пламени. Хотя Каратриль проплывал его много раз на пути в Сафери,

Котик и Ивресс, храм Азуриана не переставал поражать его. На мощенном мрамором дворе посреди заросшей травой равнины вздымалась огромная белая пирамида.

Стены храма горели отраженным солнечным светом, заливая траву и воду своим величием. По берегам острова протянулись пляжи с белым песком и длинными пирсами. У них уже стояло четыре судна; кто-то из князей их опередил.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Предательский поступок

За день до назначенного отъезда в Тор Анрок Король-Феникс пригласил князя Нагарита в тронный зал. Малекит тут же откликнулся на зов — привыкший к придворным интригам, он с нетерпением ждал, что скажет ему король.

— Я тщательно обдумал твои слова, — заявил Бел Шанаар.

— Рад слышать это, — ответил Малекит.

— Войну против культа, как ты и хотел, поведет единая армия, собранная со всех княжеств.

— Очень рад, что вы согласились с моими доводами. — Малекит недоумевал, зачем Бел Шанаар сообщает ему то, что и так известно.

— Я также много размышлял о том, кто больше всех достоин возглавить такую армию, — продолжал Бел Шанаар, и сердце князя забилося в предвкушении.

— Почту за честь, — ответил он.

Бел Шанаар открыл было рот, но передумал, а его лоб прорезали морщины.

— Ты не понял меня, — после паузы произнес король. — Я собираюсь назначить главнокомандующим Имрика.

На некоторое время Малекит потерял дар речи.

— Имрика? — наконец выдал он.

— А почему нет? — ответил король. — Он прекрасный полководец, а Каледор сейчас одно из самых стабильных княжеств. Имрик пользуется уважением других князей. Я считаю, что это хороший выбор.

— И зачем ты мне это говоришь? — отрезал Малекит. — Или ты решил посмеяться надо мной?

— Посмеяться? — недоуменно переспросил Бел Шанаар. — Я сообщаю тебе о своем выборе, чтобы ты поддержал меня на совете. Я знаю, что ты пользуешься немалым влиянием, и твое слово станет решающим доводом в пользу Имрика.

— Так ты предпочтешь внука Каледора сыну Аэнариона? — спросил Малекит. — Разве не я во главе армий создавал по всему миру новые владения? Даже если забыть о родословной, разве мои свершения не ставят меня выше прочих?

— Мне очень жаль, что ты так воспринимаешь мое решение, Малекит. — Бел Шанаар не выказывал раскаяния. — Совет подчинится моему выбору, и тебе лучше поддержать меня.

И тут Малекит окончательно потерял самообладание.

— Поддержать тебя? — прорычал он. — Охотник не поддерживает свою собаку! И хозяин не поддерживает своего слугу!

— Следи за словами, Малекит, — предупредил Король-Феникс. — Помни, к кому ты обращаешься!

Князь Нагарита сумел справиться со своей досадой и прикусил язык.

— Думаю, ты понял, что я не согласен, — с усилием выдал он. — Я прошу тебя пересмотреть свое решение.

— Ты можешь высказать свое мнение на совете, — ответил Бел Шанаар. — Ты имеешь право оспаривать назначение Имрика и предложить на его место себя. Пусть решают князья.

Без единого слова Малекит напряженно поклонился и вышел в безмолвной ярости. Он

не вернулся в свои покои, но направился к тому крылу дворца, где содержалась его мать. Не обращая внимания на стражу у ее дверей, князь постучался и вошел.

Покои пленницы отличались изысканной мебелью и роскошными гобеленами на стенах. Даже в заключении мать не потеряла вкуса к прекрасному и за проведенные во дворце годы сумела собрать впечатляющую коллекцию произведений искусства. Но она терялась на фоне выгравированных на стенах серебряных рун: защитные символы не давали ветрам магии залетать в покои и блокировали волшебную силу Морати. Бел Шанаар лично настоял на этих мерах предосторожности.

Малекит не нашел мать в приемной и прошел в следующую комнату, столовую. Там, у небольшого стола перед блюдом с фруктами, сидела Морати. Она выбрала виноградину, перевела взгляд на мрачного сына и вопросительно подняла бровь.

— Бел Шанаар собирается назначить главнокомандующим Имрика, — проворчал Малекит.

Морати уронила виноградину на тарелку и встала из-за стола.

— Ты думаешь, что он победит при голосовании? — спросила она.

— Конечно победит, — отрезал князь. — В конце концов, он Король-Феникс, а Имрик является лучшим претендентом после меня. Если Имрика назначат командующим армией, то можно считать, что Бел Шанаар выбрал его и своим преемником. Я упущу свой шанс, а Ултуан будет обречен на медленное угасание под правлением вырождающихся королей. Наследие отца затеряется в истории, а его род зачахнет и вымрет. Но я не позволю такому случиться.

— Тогда нельзя позволить Бел Шанаару привести свои доводы на совете, — тихо произнесла Морати. — Время терпеть и строить планы подошло к концу. Пора действовать, и действовать быстро.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Малекит. — Как я могу помешать Бел Шанаару выступить на совете?

— Убей его.

Малекит замолчал; больше всего его поразило, что идея эта не привела его в ужас. Если подумать, то она ему даже нравилась. Он ждал трона Короля-Феникса шестнадцать столетий — слишком долго даже для эльфа. Так зачем же стремиться к должности главнокомандующего и потом ждать еще неизвестно сколько, пока Бел Шанаар умрет естественной смертью? Лучше взять инициативу в свои руки.

— Что же я должен сделать? — твердо спросил Малекит.

— Палтрейн служит мне, — ответила Морати. — Долгое время он был моим шпионом в Тор Анроке. Он спрячет в комнатах Бел Шанаара нужные вещи, которые докажут служение Короля-Феникса темным богам. Ты найдешь эти предметы и отправишься к королю, чтобы потребовать от него объяснений. Но к твоему прибытию он будет уже мертв, потому что предпочтет отравиться, чтобы не встретиться лицом к лицу с подобным позором.

— Завтра он отплывает на остров Пламени, — с досадой прорычал Малекит. — У нас нет времени!

— Нет времени? — засмеялась Морати. — Ты иногда бываешь сильно близорук, мой милый сын. Улики уже на месте, они лежат там многие годы. Я долго думала, как избавиться от этой негодной свиньи, и вот время наконец-то пришло. Найди Палтрейна и забери у него яд. Затем придумай повод навестить узурпатора и напои его отравленным вином. Обо всем остальном я уже позаботилась.

Малецит остановился, обдумывая последствия своего грядущего поступка.

— Если ты говоришь правду, то почему ждала до сегодняшнего дня? — спросил он. — Зачем терпела унижение и неволю, если давно могла избавиться от того, кто мешает нам обоим?

Морати встала и обняла сына.

— Потому что я любящая мать, — тихо сказала она. Затем отступила на шаг и разгладила складки на платье. — Если Бел Шанаар погибнет от руки убийцы, Имрик с готовностью займет его место. Разразится война между Нагаритом и Каледором. Я не хотела вручать тебе чашу с таким ядом. Но сейчас ты сильнее, и одинокий голос Имрика не станет препятствием.

— Но Палтрейну наверняка доверяют больше, чем мне. — Малецит присел на стул с элегантной резьбой. — Ему гораздо легче поднести королю яд.

Морати недовольно покачала головой и скрестила на груди руки.

— Палтрейн не станет Королем-Фениксом, — строго заявила она. — Покажи мне, что у тебя хватит воли унаследовать трон отца. Более того, докажи это себе. Трон нужно только взять, и только ты, своими руками, можешь взять его и сидеть на нем. Бел Шанаар стал правителем по воле других. Настоящие короли берут власть сами.

Малецит молча кивнул; его поразила звучащая в словах матери правда. Если он сможет выполнить такое простое дело, то уже ничто не встанет между ним и мечтой о троне.

— Давай же! — Морати хлопнула в ладоши, будто поторавливала непослушного ребенка. — У тебя будет достаточно времени в путешествии до острова Пламени, чтобы отрепетировать речь перед князьями.

— Я стану Королем-Фениксом, — прошептал Малецит, наслаждаясь этой мыслью.

После визита к матери князь нашел дворецкого. Они с Палтрейном вышли в сад, где Малецит поведал ему о желании последовать заготовленному матерью плану. Палтрейн без вопросов выслушал его и сообщил, что Бел Шанаар привык ужинать на закате. Он согласился встретиться с князем у покоев Короля-Феникса в это время и принести ему отравленное вино.

Остаток дня Малецит провел, расхаживая по своим покоям. Хотя он не сомневался, что поступает ради блага всего народа, князь волновался, что плану могут помешать. Он хотел бы снова поговорить с матерью, но прекрасно понимал, что навестить ее снова — значит возбудить подозрения.

К концу дня Малецита начали одолевать сомнения. Можно ли доверять Палтрейну? Может, сейчас дворецкий последовал долгу и доложил о заговоре Королю-Фениксу? Всякий раз при звуке шагов в коридоре он вздрагивал в ожидании королевской стражи.

Как загнанный зверь метался Малецит по своей комнате и с трудом верил, что успех так близок. Он постоянно подходил к окну и проверял передвижение солнца по небу, будто мог приблизить закат усилием воли.

Прошла, казалось, целая вечность, солнце наконец опустилось к горизонту, и Малецит отправился к Палтрейну. При встречах в коридорах со слугами и стражей он старательно сохранял невозмутимое выражение лица. Затем князь осознал, что такое равнодушие для него, скорее, необычно, и нахмурился — с этим выражением все жители Тор Анрока успели хорошо познакомиться за последнее время.

В коридоре за углом главных покоев Бел Шанаара стоял Палтрейн. В руках он держал поднос с серебряным графином и бокалом, а также блюдо с хлебом и копченым мясом.

Дворецкий передал ему поднос, но руки Малекита настолько тряслись, что Палтрейну пришлось тут же забрать его обратно.

Малекит сделал глубокий вдох, будто собирал силы для сложного заклинания. Не обращая внимания на абсолютно невозмутимое лицо Палтрейна, он снова взял у него поднос, но теперь полностью контролировал свои действия.

— Ты уверен, что это сработает? — требовательно спросил князь. — Первый раз должен стать последним!

— Его используют в ритуалах каинитов для притупления чувств, — ответил Палтрейн. — В малых дозах оно приводит жертву в бесчувственное состояние на несколько часов. То количество, которое я положил в вино, должно стать смертельным. Сперва жертву парализует. Затем ему станет трудно дышать, легкие перестанут работать, и он умрет.

— Безболезненно? — спросил Малекит.

— Насколько я знаю, да, ваше высочество.

— Какая жалость.

Нагаритский князь неторопливо прошел к комнатам Бел Шанаара, чтобы не привлекать к себе внимания. Там он постучал в дверь и дождался приглашения войти.

Король-Феникс сидел за письменным столом, — без сомнения, он вносил последние поправки в свою речь на совете.

— Малекит? — удивленно спросил он.

— Простите меня за вторжение, ваше величество, — с низким поклоном произнес князь.

Он прошел к столу и поставил на него поднос.

— Почему ты здесь? И где Палтрейн?

— Я должен извиниться за то, что взял на себя его обязанности. Но я хотел принести вам ужин в качестве примирения.

— Примирения?

— Я желаю принести свои искренние извинения. — Малекит налил в бокал отравленного вина. — Мной руководила злость, и я незаслуженно вас обидел. Причина моей злости не в вашем решении, я буду счастлив его поддержать.

С застывшим на лице выражением вежливости князь передал бокал Бел Шанаару. Король-Феникс на мгновение нахмурился, и Малекит испугался, что тот что-то заподозрил. Затем король взял бокал и поставил его на стол.

— Твои извинения приняты, — произнес Бел Шанаар. — Я верю тебе, друг мой. Я знаю, что у тебя есть личные заботы, которые важнее долга передо мной. Я выбрал Имрика не из-за его способностей, но потому, что тебе в первую очередь следует заняться проблемами своего княжества, не отвлекаясь ни на что другое.

Бокал продолжал стоять на столе.

— Я тронут вашим участием. — Малекит не отрывал глаз от Короля-Феникса, чтобы не бросать на вино предательские взгляды.

— Так ты поддержишь меня на совете? — спросил Бел Шанаар.

Он наконец-то поднес бокал к губам и сделал глоток. Но явно недостаточно для того, чтобы яд сработал, и князь мысленно подтолкнул его выпить еще.

— Когда начнутся дебаты, я буду доказывать свое мнение яростнее всех, — улыбнулся Малекит.

Бел Шанаар кивнул и отпил еще немного вина.

— Если это все, то позволь пожелать тебе доброго вечера и приятного совместного путешествия, — с вежливым кивком сказал Бел Шанаар.

Малекит ждал какого-нибудь признака, что яд начал действовать.

— Что ты так смотришь? — спросил король.

— Разве вам не понравилось вино? — Князь сделал шаг к столу.

— Я не хочу пить, — ответил Бел Шанаар и отставил бокал.

Малекит поднял его и поднес к носу.

— Это чудесное вино, ваше величество.

— Уверен, что так, Малекит. — Бел Шанаар поджал губы. В его голосе появились настойчивые нотки. — Меня почему-то клонит в сон. Я отправлюсь на покой, и мы встретимся утром.

С разочарованным криком Малекит ринулся вперед и схватил короля за горло. Глаза Бел Шанаара в ужасе округлились, а князь силой открыл ему рот и вылил туда содержимое бокала. Под конец бокал выскользнул из его пальцев и покатился по полу, разбрызгивая по выбеленным доскам алые капли.

Малекит одной рукой зажал рот и нос короля, другой за волосы запрокинул ему голову и душил его до тех пор, пока тот не проглотил смертельный напиток. Затем разжал хватку и выжидательно отступил.

— Что ты... — выдохнул Бел Шанаар, хватаясь за горло.

Малекит взял со стола пергамент. Как он и предполагал, это был черновик речи Бел Шанаара перед советом. Князь решил не оставлять доказательств того, что король поддерживает Имрика, поэтому подошел к очагу и кинул в него свиток. Повернувшись, он обнаружил, что в выпученных глазах короля еще теплится жизнь.

Малекит подошел к нему вплотную и пригнулся к уху умирающего эльфа.

— Ты сам виноват, — прошипел князь.

С последним захлебывающимся вздохом Бел Шанаар умер. Малекит рассеянно смотрел на его багровое лицо с вывалившимся языком и не мог поверить, что все кончилось.

— Ну, мне пора, — наконец сказал он и потрепал Короля-Феникса по голове. — Меня ждет трон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Гнев Азуриана

Посланцы Ивресса, Котика, Сафери и Эллириона расположились лагерем на окружающей храм поляне в шатрах ярких красных, синих и белых расцветок. Над шатрами развевались штандарты князей, а затянутые в кольчуги часовые охраняли лагерь по периметру. Для князя Эатана и его свиты было заранее приготовлено место, и пока слуги Харадрина разгружали судно, Каратриль отправился в храм.

Храм обрамляли колоннады с рельефами Азуриана во всевозможных ипостасях: любящего отца, парящего орла, поднимающегося из пепла феникса и другие. Между колоннадами и самим храмом стояли гвардейцы Феникса, священные воины Азуриана, в высоких шлемах, с блестящими алебардами в руках. Их белые плащи украшали вышитые красно-синие языки огня, а кольчуги сияли натертым до блеска металлом.

Все они несли стражу в полной тишине, поскольку на них лежал обет молчания. Каждый из них проходил подготовку в покоях Дней, где была записана история Аэнариона и всех будущих Королей-Фениксов. В секретном зале становилось известным прошлое, настоящее и грядущее, и гвардии Феникса запрещалось говорить.

Двое гвардейцев Феникса под сводчатым входом храма выступили вперед и опустили при его приближении алебарды. Каратриль показал печать Короля-Феникса, и ему позволили пройти. Каратриль оказался в притворе храма, небольшой комнате без украшений за исключением вырезанного над внутренней дверью величественного феникса. По обе стороны двери стояли две бадьи с чистой водой, и капитан остановился, чтобы ополоснуть лицо и руки.

Он открыл дверь — за ней тянулась широкая галерея, которая обрамляла центральный зал храма. Проходы справа и слева перегораживала гвардия Феникса, поэтому Каратриль двинулся вперед, через еще одну арку в святая святых главного храма Ултуана.

Его взгляд тут же приковал к себе священный огонь. Он вздымался из пустоты, горел без топлива и висел посредине зала. Языки пламени постоянно меняли цвет, переходя от синего к красному и затем к золотому. Огонь не давал жара, — по крайней мере, Каратриль ничего не чувствовал, но чем ближе он подходил, тем больше ощущал волну спокойствия. Он не слышал ни потрескивания, ни шипения огня; пламя было таким же тихим, как и его часовые.

— Не подходи слишком близко, — предупредил чей-то голос.

Каратриль обернулся и увидел старого эльфа в сине-желтой мантии с увенчанным золотым фениксом посохом. Он тут же узнал Миандерина, верховного жреца храма, — тот служил здесь столько, сколько Каратриль помнил себя. Капитан отметил, что в зале кипит жизнь: жрецы и послушники расставляют столы и скамьи и раскатывают по полу ковры с огненными узорами.

— Завтра все будет готово, — произнес Миандерин. — Я могу тебе чем-то помочь?

— Нет, — Каратриль покачал головой. — Нет, мне ничего не нужно... если только ты не расскажешь мне кое-что.

— И что ты хочешь узнать?

— Есть новости от князя Имрика?

— Вчера приехал гонец, — ответил Миандерин. — Князь Имрик и князь Корадрель уехали на охоту в горы, и он не смог их найти. Видимо, умышленно.

У Каратриля опустились руки: и как же теперь он вручит Имрику послание Бел Шанаара? Оставалось только надеяться, что в нем нет ничего важного для грядущего совета.

— Спасибо за помощь, — рассеянно пробормотал он и повернулся, чтобы уйти.

— Да пребудет с тобой мир, — ответил старый жрец.

Каратриль остановился и обернулся к нему.

— Я очень на это надеюсь.

С этими словами капитан покинул храм.

Близился уже полдень назначенного для совета дня, но никто не видел ни Бел Шанаара, ни Малекита, ни Имрика с Корадрелем. Общим числом собралось около двух десятков князей, некоторые из них являлись правителями своих княжеств, другие влиятельными дворянами, владельцами земель и военачальниками. Как и всегда, сколько помнил Каратриль, они сплетничали и пререкались, бросались завуалированными оскорблениями и в то же время обещали друг другу дружбу и поддержку. Хотя король известил всех о несчастьях в Нагарите, никто толком не знал, почему их попросили собраться, а Король-Феникс все не появлялся. Задиристый характер начинал брать свое: тут и там вспыхивали ссоры.

Группа князей, возглавляемая Батинаиром, жаловалась на неуважение короля. Шепотом произносились угрозы о возврате в родные княжества, но доводы Тириола и Финудела пока удерживали горячие головы от отъезда. Присутствие Элодира тоже помогало сгладить ситуацию: он то и дело извинялся за опоздание отца и заверял князей, что совет будет стоить потраченного времени.

Уже после полудня, когда осеннее небо начинало темнеть, в залив бесшумным призраком вошел огромный «Индраугнир» под развевающимся на грот-мачте флагом Нагарита. Собравшиеся встретили его хлопаньем в ладоши и криками, хотя некоторые из них звучали слегка иронично. Под их сопровождение с трапа спустился Малекит с дюжиной вооруженных рыцарей.

Прислуга князя металась на борту, сгружая на причал мешки и сундуки. Малекит взмахом руки предложил князьям проследовать в храм, что они и сделали. На берегу остались Малекит, Каратриль, гвардия Феникса, рыцари Анлека и несколько слуг.

— Князь, а где Король-Феникс? — спросил Каратриль.

Он догнал князя и пошел рядом с ним. Малекит ничего не ответил, просто отмахнулся от него. Каратриль обиженно хмыкнул и зашагал к храму.

Внутри храма князя и их свита уселись за выставленные подковой перед священным огнем столы, а в кресле перед пламенем, с посохом на коленях, сидел Миандерин. Остальные жрецы обносили столы вином, водой, фруктами и сладостями.

Самый ближний к входу стол оставался пустым — он ждал Бел Шанаара. Малекит встал рядом с ним, чем заслужил хмурые взгляды Миандерина и некоторых князей. По бокам стояли двое рыцарей со свертками в руках. Князь Нагарита оперся на стол затянутыми в кольчужные перчатки кулаками и вызывающе оглядел совет.

— Слабость торжествует, — выплюнул он. — Слабость охватила наш остров. Самолюбие привело нас к бездействию, и сейчас, может быть, уже поздно что-то сделать. Вместо князей правит равнодушие. Вы позволили расцвести культам разврата и ничего не делаете. Вы смотрите на чужие берега и подсчитываете золото, а в ваши города проникли

воры и крадут ваших детей. И вы позволили предателю носить корону Феникса!

Последнее восклицание вызвало изумленные вздохи и крики ужаса. Рыцари Малекита открыли свои свертки и высыпали на стол их содержимое: корону и плащ из перьев Бел Шанаара.

Элодир с занесенным кулаком вскочил на ноги.

— Где мой отец? — закричал он.

— Что случилось с Королем-Фениксом? — спросил Финудел.

— Он мертв, — прорычал Малекит. — Убит слабостью своего духа.

— Этого не может быть! — севшим от злости голосом выкрикнул Элодир.

— Может, — вздохнул Малекит. Теперь его лицо выражало глубокую грусть. — Я обещал искоренить зло и был до глубины души поражен, когда моя собственная мать оказалась одним из главных его предводителей. С того момента я решил, что никто не должен быть вне подозрений. Если Нагарит заражен этой проказой, то и Тиранок тоже мог не избежать ее. Я задержался из-за расследования, поскольку мне сообщили, что приближенные Короля-Феникса могут находиться под влиянием еретиков. И представьте себе мое разочарование и недоумение, когда всплыли доказательства, указывающие на самого Короля-Феникса.

— Что за доказательства? — требовательно спросил Элодир.

— В покоях Короля-Феникса нашли талисманы и фигурки идолов, — спокойно объяснил Малекит. — Поверьте, я чувствовал то же, что и вы сейчас. Я не мог подумать, что Бел Шанаар, самый мудрый из наших князей, избранный в свое время советом эльфов, может пасть так низко. Я не хотел предпринимать поспешных действий, поэтому решил предъявить доказательства самому Бел Шанаару в надежде, что произошла ошибка или подлог.

— И он опроверг твои обвинения? — спросил Батинаир.

— Он признал вину. Как оказалось, некоторые из моих приближенных тоже попали под влияние культов и сговорились с узурпаторами Нагарита. Я советовался с ними, а они предупредили Бел Шанаара о моих находках. Тем вечером, семь дней назад, я отправился в покои короля, чтобы в лицо высказать ему свои подозрения. Я нашел его мертвым; его губы запеклись от яда. Он избрал путь труса и покончил с жизнью, вместо того чтобы вынести позор моих открытий. Собственной рукой он положил конец возможности узнать о планах еретиков. Он боялся, что не сможет сохранить все секреты, и забрал их в могилу.

— Мой отец никогда бы такого не сделал, он всегда был верен Ултуану и своему народу! — закричал Элодир.

— Признаюсь, я очень тебе сочувствую, Элодир, — ответил Малекит. — Ведь меня обманула собственная мать. Я тоже чувствовал себя преданным и разбитым.

— Должен признать, и я нахожу случившееся... сомнительным, — произнес Тириол. — Слишком... удобное время.

— Получается, что даже после смерти Бел Шанаар продолжает сеять среди нас раздор, — возразил Малекит. — Пока мы обсуждаем права и обиды, островом правит анархия. Пока мы ведем бесконечные споры, культы набирают силу и уводят наши земли у нас из-под носа, в конце концов мы потеряем все. Они действуют сообща, а мы разобщены. У нас нет времени для раздумий, надо действовать.

— И что ты предлагаешь сделать? — спросил Миллион, один из князей Котика.

— Мы должны выбрать нового Короля-Феникса! — выкрикнул Батинаир прежде, чем

Малекит успел открыть рот.

Оказавшись на берегу, Каратриль наблюдал, как нагаритские моряки трудятся на корабле Малекита. Среди них он заметил знакомое лицо — Друтейру. Ее волосы выгорели добела, но герольд сразу узнал ее. Он поднялся на палубу, где девушка как раз поднимала тюк с тканью. Она увидела его и улыбнулась.

— Каратриль! — воскликнула эльфийка и обеими руками схватила его ладонь. — Я думала, что никогда больше тебя не увижу! Какая радость!

— Может быть, хоть ты мне скажешь, что случилось с Королем-Фениксом, — спросил Каратриль, и ее улыбка пропала.

— Почему тебя волнует, что с ним произошло? Разве ты не рад видеть меня?

— Конечно, — неуверенно ответил капитан.

Встреча с Друтейрой как-то неожиданно затмила его разум. Глаза девушки блестели горными озерами, и Каратрилю пришлось потрудиться, чтобы собраться с мыслями.

— Как ты здесь оказалась? — выдавил он. — Ты служишь Малекиту?

— Он очень благородный князь. — Друтейра положила руки ему на плечи.

По телу капитана пробежала дрожь, и кожа загорелась жаром от ее прикосновения.

— Доблестный и щедрый! Когда он станет Королем-Фениксом, мы все будем награждены. И ты тоже, Каратриль. Он очень тебя ценит.

— Малекит — Король-Феникс? — выдавил Каратриль. Что-то было не так, но он не мог думать ни о чем, кроме бледной кожи и запаха волос Друтейры. — Бел Шанаар...

— Тсс, — певуче выдохнула Друтейра. Она приподнялась на цыпочки, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. Дыхание девушки щекотало ему щеку. — Не вмешивайся в дела князей. Разве не чудесно, что мы сможем быть вместе?

— Вместе? Что? — Каратриль отступил на шаг.

Такое влечение было неестественным. Что-то билось в голове Каратриля и рвалось на волю. Как только он избавился от прикосновения эльфийки, его разум начал проясняться.

— Ты станешь его герольдом, а я — одной из служанок, — терпеливо, будто ребенку, объясняла ему Друтейра. — Мы сможем жить вместе в Анлеке.

— Я не собираюсь в Анлек, — сказал Каратриль. Чары Атарты начали рассеиваться. Каратриль наконец-то собрался с мыслями и вернулся к беспокоившему его вопросу. — Что случилось с Королем-Фениксом?

Друтейра зловеще засмеялась, а блеск ее глаз расшевелил в сердце Каратриля страх.

— Этот глупец Бел Шанаар мертв. Малекит станет Королем-Фениксом и вознаградит тех, кто поддерживает его.

Каратриль отшатнулся. В замешательстве он споткнулся о моток троса и упал. Через миг Друтейра уже присела рядом с ним на корточки и положила на щеку ладонь.

— Бедный Каратриль, — промурлыкала она. — Ты не можешь воспрепятствовать судьбе, так прими ее.

Снова ее прикосновение начало на него действовать, но тут же вернулась ясность, будто далекий голос произнес: «Бел Шанаар мертв, а Малекит хочет стать Королем-Фениксом. Этого нельзя допустить. Малекит не годится для правления».

С рычанием Каратриль оттолкнул Друтейру и вскочил на ноги. Он бросился бежать по причалу к берегу.

— Измена! — крикнул он. — Измена!

Некоторые из слуг Малекита пытались его задержать, но капитан их оттолкнул и спрыгнул на причал.

— К оружию! — продолжал кричать он. — Среди нас предатели!

Рыцари Анлека обнажили мечи. Некоторые повернулись к Каратрилю, остальные направились к храму. Перед ними гвардия Феникса подняла в боевой стойке алебарды.

— Мы не можем выбирать нового Короля-Феникса сейчас, — сказал Элодир. — Такие дела нельзя решать быстро, и даже если бы это было возможно, здесь присутствуют не все князья.

— Нагарит не будет ждать! — Малекит ударил по столу кулаком. — Культы слишком сильны, а к весне они будут контролировать всю армию Анлека. Мои земли будут потеряны, и еретики двинутся на ваши!

— Так ты хочешь, чтобы мы выбрали тебя? — тихо спросил Тириол.

— Да, — без промедления и смущения ответил Малекит. — До моего возвращения никто из собравшихся тут не желал действовать. Я сын Аэнариона, его наследник, и если предательства Бел Шанаара недостаточно, чтобы убедить вас в глупости выбора короля из другой семьи, то посмотрите на мои достижения. Бел Шанаар выбрал меня послом к гномам потому, что их Верховный король был моим близким другом. Наше будущее не только на берегах Ултуана, оно простирается по всему миру. Я долго жил в колониях за океаном, я боролся за их защиту и процветание. Пусть там живут выходцы из Лотерна, Тор Эллира или Тор Анрока, но они уже другие, и в первую очередь они обратятся ко мне, а не к вам. Никто здесь не обладает моим опытом ведения войны. Бел Шанаар был подходящим правителем для мирных времен, я промолчу о том, что под конец он подвел нас всех, — но настали другие, суровые времена, — и нам нужен другой правитель.

— А тогда как насчет Имрика? — предложил Финудел. — Он опытный полководец и тоже сражался в новых землях.

— Имрик? — презрительно переспросил Малекит. — А где он сейчас, во время великой нужды? Он прячется в Крейсе, охотится со своим кузенком в горах! Вы хотите, чтобы Ултуаном правил эльф, который ведет себя как избалованный капризный ребенок? Когда Имрик созывал армию против Нагарита, вы прислушались к нему? Нет! Но когда я поднял знамя войны, вы на пятки друг другу наступали.

— Выбирай слова, такая заносчивость не пойдет тебе на пользу, — предупредил Харадрин.

— Я говорю это не для того, чтобы задеть вашу гордость, — пояснил Малекит. Он разжал кулаки и сел за стол. — Я хочу показать вам то, что вы и так знаете: в глубине души вы с радостью пойдете за мной.

— И все же я настаиваю, что совет не может принять такое важное решение сейчас, — произнес Элодир. — Мой отец умер при неясных обстоятельствах, и ты хочешь, чтобы мы передали корону тебе?

— Он прав, Малекит, — поддержал Элодира Харадрин.

— Прав? — Малекит с криком вскочил на ноги, опрокинув стол, от чего корона и плащ взлетели в воздух. — Прав? Ваша нерешительность приведет к тому, что ваши семьи попадут в рабство, а подданные сгорят на жертвенных кострах! Более тысячи лет назад я преклонил колени перед первым нелепым решением этого совета и позволил Бел Шанаару отобрать то, что Аэнарион завещал мне. Больше тысячи лет я с радостью смотрел, как ваши семьи растут

и процветают — и препираются между собой как дети, пока я и мои люди проливали кровь на чужих берегах. Я не обращал внимания на боль в крови, потому что ради общих интересов нам следовало держаться вместе. Но теперь пришло время объединиться под моим знаменем! Я не буду лгать, я стану суровым правителем, но я вознагражу тех, кто будет верно служить мне, а когда снова воцарится мир, мы сможем насладиться трофеями наших битв. Кто здесь имеет больше прав на трон, чем я? Кто здесь...

— Малекит! — рявкнул Миандерин, указывая на пояс князя. Разгоряченный своей речью Малекит отбросил через плечо плащ. — Почему ты вошел в святилище с оружием? Это запрещено древними законами храма. Сейчас же убери меч!

Малекит замер на месте; с раскинутыми в стороны руками он был почти смешон. Князь посмотрел на свой пояс и висящие на нем ножны с мечом. Затем он вытащил Авануир и прищуренными на подсвеченном магическим огнем лице глазами оглядел князей.

— Хватит болтовни! — прошипел он.

Каратриль поднырнул под меч нагаритского рыцаря, прокатился вперед и вскочил на ноги, но ему тут же пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы уклониться от летящего в грудь клинка. У капитана не было при себе оружия, ведь он пришел на совет. Но сейчас он сильно жалел об этом.

Еще один рыцарь нацелился мечом ему в горло, и Каратриль отшатнулся и ухватил его за руку. Рывком он вывернул нагаритянину руку; меч выскользнул и воткнулся в щель между мраморными плитами двора.

Каратриль отбросил рыцаря на обнаженный клинок его товарища; лезвие вонзилось в тело между лопатками и вышло из груди в ладони от лица капитана. Каратриль подхватил упавший меч и отбил следующий удар. Он рискнул бросить взгляд через плечо: до храма оставалось около сотни шагов, и повсюду гвардия Феникса сражалась с рыцарями Нагарита. Бой шел в полном молчании, тишину нарушал лишь лязг железа. Каратриль оттолкнул плечом еще одного врага и бросился к храму.

— Стать Королем-Фениксом — это мое право! — прорычал Малекит. — Вы не можете им распоряжаться!

Он перегнулся через стол, смахивая на пол бокалы и блюда. Князя и жрецы истошно кричали и метались по залу.

Элодир почти добрался до Малекита, но тут его перехватил Батинаир. Оба покатались по полу в вихре ковров и мантий. Элодир ударил иврессийского князя, тот с рычанием выхватил изогнутый кинжал длиной в палец и полоснул им Элодира по горлу. Кровь забила фонтаном, заливая белые плиты пола.

В зал ворвались рыцари Нагарита; они держали в руках окровавленные клинки.

Малекит же безмятежно смотрел по сторонам, все следы его злости испарились. Он медленно шел за своими рыцарями, которые методично вырезали князей, не отрывая взгляда от священного пламени в середине зала. От стен отражались крики и стоны, но князь Нагарита не обращал внимания ни на что, кроме огня.

Из свалки к нему побежал Харадрин с занесенным над головой мечом. С презрительным оскалом князь шагнул в сторону от дикого замаха и вонзил Авануир в живот Харадрина. Один миг они стояли и смотрели друг другу в глаза, потом с губ Харадрина закапала кровь, и он рухнул на пол. Малекит разжал руку, так что меч упал из рук вместе с

телом, и продолжил шагать к огню.

— Азуриан не признает тебя! — выкрикнул Миандерин. Он упал на колени перед Малекитом и вытянул в мольбе руки. — Ты пролил кровь в его святилище! Мы не произнесли нужных заклинаний, чтобы защитить тебя от пламени. Ты не можешь войти в огонь!

— Ну и что? — сплюнул князь. — Я наследник Аэнариона. Мне не нужны ваши заклинания!

Миандерин схватил было Малекита за руку, но князь выдернул ее.

— Я не слушаю ваших увещаний! — воскликнул Малекит и пинком отбросил Миандерина.

Малекит поднял руки ладонями вверх и сделал шаг в пламя.

Каратриль прислонился к колонне, чтобы перевести дыхание. Он видел, как несколько рыцарей вошли в храм. Сражение снаружи почти закончилось. Двор устилалаи трупы — как в белых мантиях, так и в черных доспехах. С колотящимся сердцем Каратриль оттолкнулся от колонны и сделал шаг к храму. В тот же миг земля содрогнулась — и он упал.

Земля тряслась, колонны падали — остров Пламени охватило землетрясение. Остров колыхался, и Каратриля швыряло направо и налево. Он едва успел отскочить в сторону от сыплющейся сверху черепицы — та с треском рассыпалась по мраморным плитам.

Над головой собрались темные тучи, и остров поглотил мрак. Засверкали молнии, подул леденящий ветер. Громовой рев сотрясал землю. Среди рева и грохота Каратриль услышал перепуганный крик: вопль чистой боли пронзил ему душу.

Внутри храма князей, жрецов и рыцарей швыряло из стороны в сторону. Скамьи катались по полу, столы опрокидывались. Со стен и потолка сыпалась штукатурка. По плитам разбегались широкие трещины, а у восточной стены открылся пролом в три шага шириной, откуда вырвался удушающий столб каменной пыли.

Пламя Азуриана бледнело, из темно-синего оно стало ослепительно-белым. В его середине виднелся силуэт Малекита с распростертыми руками.

С оглушающим хлопком священное пламя вспыхнуло, наполнив зал белым светом. Внутри огня Малекит упал на колени и схватился за лицо.

Он горел.

Князь запрокинул голову и закричал — пламя пожирало его. Крик боли заметался по храму, отражаясь от стен и становясь все громче. Извивающийся в огне силуэт медленно поднялся на ноги и выскочил из пламени.

Дымящееся, обгорелое тело Малекита рухнуло на пол — лежащий рядом коврик вспыхнул, в воздух поднялась сажа. Почерневшая плоть и расплавленные куски доспеха падали на землю. Князь протянул перед собой руку и снова упал. Его одежды сгорели, тело местами прогорело до кости. Лицо казалось черно-красной маской, с которой смотрели темные глаза без век. Из лопнувших вен поднимался пар. Князь Нагарита содрогнулся и замер... — Азуриан вынес свое решение.

Скоро весь Ултуан поглотит пламя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Авануир — волшебный меч Малекита.

Авелорн — самое древнее царство Ултуана под правлением Вечной королевы. В его лесах обитает множество волшебных созданий.

Азуриан — праотец, главный эльфийский бог.

Аландриан — лейтенант Малекита.

Алит — внук Эолорана из дома Анар.

Анлек — столица княжества Нагарит, где находится дворец Аэнариона.

Астариэль — Вечная королева, первая жена Аэнариона.

Атель Торалиен — колония в Элтин Арване.

Атиель — княжна Эллириона.

Аэлтерин — князь Эатана, первый строитель драконьих кораблей.

Аэнарион — первый Король-Феникс, спаситель эльфов.

Аэренис — лейтенант Каратриля из Лотерна.

Аэрнуис — князь Эатана, один из первых путешественников через Великий океан.

Батинаир — князь Ивресса.

Бел Шанаар — второй Король-Феникс, правитель Тиранока.

Валайя — богиня — праmaterь гномов, защитница оплотов.

Ваул — эльфийский бог-кузнец.

Великий портал — магический портал, находящийся на острове Мертвых в середине Внутреннего моря, куда уходят из этого мира ветры магии.

Вечная королева — звание верховной жрицы Иши. До Аэнариона Вечная королева правила всем Ултуаном.

Галтир — главный порт Нагарита.

Гвардия Феникса — часовые святилища Азуриана, при посвящении приносящие обет молчания.

Гримнир — бог — праотец гномов, отправившийся на север к Вратам Хаоса.

Грунгни — бог — праотец гномов, научивший свой народ добывать и обрабатывать металлы.

Друтейра — жрица Атарты.

Дуринн — князь Галтира.

Еасир — лейтенант Малекита.

Железный венец — древний артефакт огромной силы, найденный Малекитом в Северных Пустошах.

Иврейн — Вечная королева Ултуана, дочь Аэнариона и Астариэли, сводная сестра Малекита.

Ивресс — княжество Ултуана.

Имрик — князь Каледора и внук Каледора Укротителя Драконов. Знаменитый воин, известный отсутствием дипломатических способностей.

Индраугнир — величайший из драконов, чьим наездником был Аэнарион.

«Индраугнир» — первый из драконьих кораблей, подарок Аэлтерина.

Итильмар — крайне редкий металл, который можно найти только в горах Каледора.

Из него делают прочные и легкие доспехи.

Иша — эльфийская богиня плодородия.

Каин — эльфийский бог убийства, чье святилище находится на Оскверненном острове.

Каледор Укротитель Драконов — могучий маг, основатель царства Каледор и создатель великого портала.

Каледор — горное княжество Ултуана, родина драконов.

Караз-а-Карак — главный город гномов, где живет Верховный король.

Карак Кадрин — оплот гномов, расположенный у горного перевала к северу от земель гномов.

Каратриль — капитан гвардии Лотерна.

Карилл — князь Крейса.

Китарай — сумеречный пантеон Ултуана; боги, с которыми отождествляются темные аспекты души эльфов.

Кольцевые горы — горная цепь, разделяющая внутренние и внешние княжества Ултуана. Пропитанные магией горы — жилище многих чудовищных животных.

Король-Феникс — звание правителя Ултуана. Первым Королем-Фениксом был Аэнарион.

Котик — княжество на севере Ултуана.

Красный Коготь — грифон Батинаира, князя Ивресса.

Крейс — дикое княжество на севере Ултуана, славящееся белыми львами.

Кургрик — предводитель гномов из Караз-а-Карака.

Курноус — эльфийский бог охоты.

Лорхир — капитан городской стражи Атель Торалиена.

Лотерн — этанский город, главный порт Ултуана.

Малекит — князь Нагарита, сын Аэнариона и Морати.

Менит — князь Каледора, сын Каледора Укротителя Драконов и отец Имрика.

Меч Каина — Сеятель вдов, самое страшное оружие всех времен. Говорят, что он губит каждого, кто возьмет его в руки.

Миандерин — верховный жрец святилища Азуриана.

Морати — королева — провидица Нагарита, мать Малекита и вдова Аэнариона.

Морелион — сын Аэнариона и Астариэль, сводный брат Малекита.

Наганат — пограничная река на юге Нагарита.

Нагарит — княжество Ултуана, основанное Аэнарионом, чьим правителем является Малекит.

Оскверненный остров — безжизненный остров к северу от Ултуана; там находится святилище Каина и хранится его меч Сеятель вдов.

Остров Мертвых — расположен посередине Внутреннего моря, там находится портал, который отводит из мира ветры магии.

Остров Пламени — расположен в море Снов, на нем находится святилище Азуриана.

Палтрейн — дворецкий Бел Шанаара.

Сафери — княжество Ултуана, знаменитое своими магами.

Сердцедуб — энт, который спас Морелиона и Иврейн, когда Авелорн заполонили демоны.

Снорри Белобородый — первый Верховный король гномов.

Сутерай — лейтенант Аэрнуиса.

Тиранок — княжество Ултуана, родина Бел Шанаара.

Тириол — князь Сафери и известный маг.

Тор Анрок — главный город Тиранока, где живет Бел Шанаар.

Трондик — сын Снорри Белобородого.

Унгдрин Анкор — длинная сеть туннелей, соединяющих империю гномов.

Финудел — правитель Эллириона, брат Атиель.

Харадрин — князь Эатана.

Эалит — крепость в Нагарите, к югу от Анлека.

Эатан — княжество Ултуана. Огромный портовый город Лотерн является основным источником его богатства.

Эллирион — княжество Ултуана, известное своими лошадьми.

Элодир — князь Тиранока и сын Бел Шанаара.

Элтин Арван — материк по другую сторону Великого океана, родина гномов.

Эльтириор — один из вороньих герольдов Нагарита, агент Малекита.

Эльтуир Тарай — место битвы, где Аэнарион впервые взял в руки Сеятель вдов.

Эолоран — князь дома Анар, одного из влиятельных родов Нагарита.